ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

7
выпуск (862)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197

MSLU
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

7 Issue (862)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 7 (862)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 7(862)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK **Doctor of Philology, Professor**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Жесты противопоставления в англоязычном академическом дискурсе (на материале лекций)
АЛИЕВА М. Р. 9

Жанр «Отклик пользователя» в религиозной компьютерно-опосредованной коммуникации: лингвопрагматический аспект
АНИСИМОВА Е. Е. 17

Креолизация иноязычного текста как способ изменения его восприятия
ВАШУНИНА И. В. 25

Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки)
ГОРОЖАНОВ А. И., СТЕПАНОВА Д. В. 31

Соотношение стилистических свойств речевых высказываний
ИСАКОВА Л. Д. 38

Роль модальной структуры в раскрытии категории «образ автора» в ток-шоу как типе дискурса
КОНЬКОВА А. С. 43

Основные характеристики китайской и русской фразеографии
КОСТЕВА В. М., ЧЭНЬ СЫФАНЬ 49

Коммуникативная персонная стратегия в комментариях к постам немецкой партии «Альтернатива для Германии» в Твиттере
КУЧИНА Д. Д. 56

Категория времени в семантическом поле tugent (на материале немецкого средневекового трактата «Der welsche Gast»)
ЛАЗАРЕВА Т. А. 64

Результативная акциональность в глаголах терминативно-временных способов действия (ограничительность) в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским языком)
ЛЕВИТСКАЯ А. А. 71

Семантика грамматических единиц в метаязыке искусства
МАЛЬЦЕВА Е. И. 79

Жанровые особенности формальной устной речи в ООН
МАТАКОВА М. В. 86

Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика
МОЛЯВИНА Е. А. 94

СОДЕРЖАНИЕ

Территориально-политическая стратификация восприятия акцента русскоязычных иммигрантов носителями немецкого языка в ФРГ
ПОПОВА М. В. 100

Коммуникативно-прагматический потенциал библейского сюжета об Адаме и Еве в немецком парламентском дискурсе
РОМАНОВА З. С., ВОРОНИНА Г. Б. 108

Фонетические особенности разговорной речи немецкого языка и немецких диалектов (на примере баварского, берлинского и восточнофризского диалектов)
СОКОЛОВА Г. А. , ЗИМАРИН Д. А. 116

О выборе из вариантов соответствий при переводе православных текстов: некоторые догматические особенности (русский и английский языки)
СТАВИЦКАЯ Е. А. 122

Концепт «Здоровое питание» в валеологическом гастрономическом дискурсе
ФИНК Т. Е. 127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Деконструкция концепта «американской мечты» в одноактной пьесе Теннесси Уильямса «The Demolition Downtown»
МИРАБО С. И. 135

Cartoon как самостоятельный жанр визуальной литературы
ХАРЛАМОВА М. В. 141

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культурная память как аксиологический регулятор
ДРОБЫШЕВА Е. Э. 150

Актуальные проблемы изучения истории русской культуры
ПЕРОВА Е. Ю. 158

LINGUISTICS

Gestures Expressing Opposition in English Academic Discourse (on the material of lectures)
ALIEVA M. R. 9

The "User Response" Genre in the Religious Computer-mediated Communication: the Linguo-pragmatic Aspect
ANISIMOVA E. E. 17

Creolization of a Foreign Language Text as a Way to Change its Perception
VASHUNINA I. V. 25

Developing of a Balanced Corpus for a Fiction Work (on the Material of F. Kafka's Novels)
GOROZHANOV A. I., STEPANOVA D. V. 31

Correlation of Stylistic Characteristics of Speech Utterances
ISAKOVA L. D. 38

The Role of Modal Structure in the Disclosure of the Category "Image of the Author" in the Talk-show as a Type of Discourse
ALINA S. KONKOVA 43

Main Characteristics of Chinese and Russian Phraseography
KOSTEVA V. M., CHEN SIFAN 49

Communicative Personal Strategy in the Comments to the Posts of the German Party "Alternative für Deutschland" on Twitter
KUCHINA D. D. 56

The Category of Time in the Semantic Field tugent (on the Material of the German Medieval Treatise "Der welsche Gast")
LAZAREVA T. A. 64

Resultative actionality in verbs of terminative-temporal Aktionsarts (limitation) in the modern Ossetian language (in comparison with the Russian language)
LEVITSKAYA A. A. 71

Semantics of Grammatical Units in the Metalanguage of Art
MALTSEVA E. I. 79

Genres of Formal Public Speech at United Nations
MATAKOVA M. V. 86

Communicative Strategy: Quality, Classification and Pragmatics
MOLYAVINA E. A. 94

CONTENTS

Territorial-political Stratification of Perception of Russian-Speaking Immigrants' Accent by German Speakers in Germany
POPOVA M. V. 100

Communicative and pragmatic potential of the biblical story about Adam and Eve in the German parliamentary discourse
ROMANOVA Z. S., VORONINA G. B. 108

Phonetic Features of Colloquial Speech of the German Language and German Dialects (on the Example of Bavarian, Berlin and East Frisian Dialects)
SOKOLOVA G. A., ZIMARIN D. A. 116

About Choosing a Variant of the Equivalents in the Translations of Orthodox Texts: Some Dogmatic Pecularities (the Russian and the English Languages)
STAVITSKAYA E. A. 122

The Concept "Healthy Food" in the Valeological Gastronomic Discourse
FINK T. E. 127

LITERARY STUDIES

Deconstruction of the "American Dream" Concept in the One-Act Play "The Demolition Downtown" by Tennessee Williams
MIRABO S. I. 135

Cartoon as an Independent Genre of Visual Literature
KHARLAMOVA M. V. 141

CULTUROLOGY

Cultural Memory as Axiological Regulator
DROBYSHEVA E. E. 150

Relevant Problems of Studying the History of Russian Culture
PEROVA E. YU. 158

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_9

Жесты противопоставления в англоязычном академическом дискурсе (на материале лекций)

М. Р. Алиева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
m.r.alieva@mslu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются параметры жестов (ручность, направление, ориентация ладони), которые передают отношение противопоставления. На материале англоязычного лекционного дискурса с использованием программы ELAN показана взаимосвязь между вербальным и жестовым выражением противоположности. Категория воплощенности, реализуемая применительно к изучаемому явлению в противопоставлении двух рук, является неотъемлемым свойством человеческой когниции.

Ключевые слова: полимодальность, типы жестов, противопоставление, антонимия, оппозиция, ручность жеста

Для цитирования: Алиева М. Р. Жесты противопоставления в англоязычном академическом дискурсе (на материале лекций) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 9–16. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_9

Original article

Gestures Expressing Opposition in English Academic Discourse (on the material of lectures)

Medine R. Alieva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
m.r.alieva@mslu.ru

Abstract. The article discusses the structural parameters of gestures that convey the category of opposition. The research is based on the English language lecture discourse, and it shows the relationship between the verbal and gestural expressions of opposition relying on ELAN research tool. The author argues that the category of embodiment expressed in the opposition of two hands is an inherent property of human cognition and demonstrated that handedness, as one of the parameters of a gesture, correlates with the degree of the specification of the meaning expressed in speech.

***Keywords*:** multimodality, types of gestures, juxtaposition, antonymy, handedness

For citation: Alieva, M. R. (2022). Gestures expressing opposition in English academic discourse (on the material of lectures). Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 7(862), 9–16. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_9

ВВЕДЕНИЕ

Понятие *противопоставление* исследовалось многими лингвистами и применялось к различным уровням языковой системы – фонетическому, морфологическому, синтаксическому и особенно лексическому, где оно нашло свое выражение в изучении антонимии. Явления, связанные с понятием *противопоставление,* изучались и в когнитивной лингвистике, в которой данные феномены нередко описываются в терминах *фигура* и *фон*, *контрфактуальность* и т. д. Тем самым когнитологи подчеркивают, что оппозитивность является свойством как языка, так и познания мира. Следуя этой логике, феномен противопоставления можно наблюдать не только в языковых выражениях, но и в других коммуникативных ресурсах, которые использует человек, например в жестах. Однако, несмотря на обилие работ, посвященных жестам, сопровождающим речь в когнитивной лингвистике, полимодальность как свойство противопоставления практически не изучена.

В этой работе мы восполняем данную исследовательскую лакуну и изучаем жесты, которые сопровождают конструкции противопоставления.

Таким образом, цель настоящего исследования – изучить противопоставление в аспекте полимодальности с учетом жестовых компонентов. В более узком плане мы стремимся проанализировать, каким образом конструкции противопоставления сочетаются с жестами, обладающими определенными формальными и функциональными характеристиками. Задачи исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Охарактеризовать противопоставление как языковой феномен, кратко рассмотреть основные подходы к изучению противоположности в языке;
2. На материале дискурса лекций изучить полимодальные единства «языковое выражение противопоставления + жест», сосредоточившись на некоторых структурных и функциональных характеристиках жестов.

1. ИЗУЧЕНИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Противопоставление как языковой феномен исследовалось в работах многих лингвистов, которые рассматривали его в качестве базовой характеристики языковой системы. В частности, об оппозитивном характере языка пишет Ф. де Соссюр, характеризуя его как систему, «исключительно основанную на противопоставлении его конкретных единиц» [Соссюр, 2006, с. 52]. Ф. де Соссюр вводит понятие оппозиции в лингвистику для разработки своего учения о смыслоразличительной функции звуков. В дальнейшем в Пражской лингвистической школе разрабатываются термины «оппозиция» и «контраст» (см. труды Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и др.).

Противопоставление изучается также в трудах Е. Куриловича, который рассматривает его в качестве универсальной операции в области морфологии, говоря о морфологической корреляции, предполагающей противопоставления нейтрально-негативного члена и позитивного [Курилович, 1962], например *château – châtelet* (*замок – маленький замок*); *hortus – hortulus* (*сад – садик*). Заметим, что подобные случаи А. Верхаген, принадлежащий к когнитивному направлению лингвистики, рассматривает как способ концептуализации объектов через установление контраста [Verhagen, 2007].

Некоторые ученые отмечают, что оппозиция проявляется и в синтаксисе, а именно в парах служебных слов, не имеющих ярко выраженного лексического значения. Так, пары предлогов и союзов *в – из, с – без, after – before* выступают в роли средства противопоставления, нередко употребляясь в параллельных синтаксических конструкциях [Золотова, 1973]. Они могут быть противопоставлены друг другу как выражающие различные отношения, а также употребляться в параллельных синтаксических конструкциях и конструкциях с противительными союзами.

Наиболее явно противопоставление проявляется на лексическом уровне, а именно в антонимии. Во многих исследованиях предпринимались попытки классифицировать противопоставления в языке через классификацию антонимов. Так, Дж. Лайонз выделил такие типы противопоставленности значения, как комплементарность, конверсивность и собственно антонимию [Лайонз, 2003].

Вписанные в «антонимический контекст» слова становятся окказиональными или контекстуальными антонимами. О подобных антонимах писал Л. Джеффрис, называя их «неконвенциональными противоположностями» (unconventional opposites) [Jeffries, 2010].

Некоторыми учеными рассматриваются и другие лексические категории слов, передающие контрастность, такие как конверсивы и эквонимы, а также лексемы, несущие в себе семантику оппозиции (*разный, различный, противоположный, оппозиция)*.

Некоторые исследователи лексической семантики связывают антонимию также с понятием градации, и данная идея впоследствии получила развитие в когнитивных исследованиях языка [Колесникова, 2018; Краева, 2021].

2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СВОЙСТВО КОГНИЦИИ

Идея о том, что противопоставление является свойством нашего мышления, нашла отражение в трудах таких философов, как Платон, Парменид, И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг и Г. Гегель.

Позднее, в конце XX – начале XXI века, данная идея обрела новое звучание в работах когнитивных лингвистов. Так, в когнитивной лингвистике противопоставление рассматривается в терминах перцептивного восприятия мира – через понятия *фигуры* и *фона*, *фокусирования* и *дефокусирования*, *профиля* и *базы* [Talmy, 1978; Langacker, 1991; Кубрякова, 1997]. Противопоставление становится неотъемлемым свойством когниции и языкового конструирования. Как отмечает О. К. Ирисханова, «языковое конструирование мира… опирается на противонаправленные процессы и явления: если есть ядро, то имеется и периферия; если существует статика фреймов, то она уравновешивается динамикой сценариев… там, где есть концепты, надо искать и антиконцепты» [Ирисханова, 2014, с. 12].

Противопоставление в когнитивной лингвистике исследуется также в теории ментальных пространств через понятие *темпоральных*, *пространственных*, *контрфактуальных* и иных связей между ментальными пространствами, находящимися в отношении оппозиции.

Так, у Ж. Фоконье мы находим следующий пример для иллюстрации отношения оппозиции: «*In reality, the girl with brown eyes has blue eyes*». В данном примере в отношении противопоставления находятся два ментальных пространства – картины (девушка с карими глазами) и реальности (девушка с голубыми глазами) [Fauconnier, 1994, с. 14]. Аналогичный пример иллюстрируется предложением: «In that movie, *Clint Eastwood is a villain. But* he thinks *he's a hero*» (Выделено мной – *М. А.*), в котором наблюдается оппозиция между ментальным пространством кинофильма (персонаж Клинта Иствуда злодей) и мыслями героя фильма (персонаж Клинта Иствуда думает, что он герой). Однако, как отмечает Фоконье, оппозиция может выстраиваться и по-другому: между ментальным пространством кинофильма и ментальным пространством полагания Клинта Иствуда как реально существующего человека [там же, с. 18].

Таким образом, в традиционных лингвистических работах понятие оппозиции исследовалось применительно к различным уровням языка. Поскольку, как указывают когнитивные лингвисты, противопоставление является универсальным когнитивным механизмом, то следует ожидать, что оно будет проявлять себя и в других модальностях – не только в вербальной, но и в жестовой.

3. ЖЕСТОВЫЙ ПОВОРОТ В ЛИНГВИСТИКЕ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Несмотря на то, что противопоставление в лингвистике было изучено довольно подробно, оно не рассматривалось последовательно как полимодальное явление. Нам известно незначительное количество работ, в которых оппозиция анализировалась применительно к невербальным модальностям (см., например, исследование по отрицательным конструкциям с жестами в трудах С. Харрисона [Harrison, 2014]). В связи с последним заметим, что оппозитивный характер деятельности человека связан с его телесными движениями. Не случайно в когнитивных исследованиях полимодальности важное место занимает понятие *воплощенность* (*embodiment*) [Varela, Thompson, Rosch, 2016], которое указывает на значимость человеческого тела для освоения мира, в том числе через речевую деятельность. При этом симметрия человеческого тела предполагает оппозиции *верх – низ, перед – зад, внутри – снаружи, право – лево* (в том числе наличие правой и левой рук), что отражается в коммуникации человека в ее вербальных и невербальных проявлениях.

Интересно, что в жестовых исследованиях понятие *движения тела* и оппозиция *внутри – снаружи* оказываются неразрывными. Так, Д. МакНил и А. Кендон отмечают, что жесты, с одной стороны, неразрывно связаны с процессом мышления, с психическими состояниями человека, являются отражением внутреннего мира человека. С другой стороны, жесты направлены вовне, так как они помогают человеку в коммуникации, и их направленность на собеседника не подлежит сомнению [Kendon, 2004; McNeill, 2005].

Таким образом, взаимосвязь воплощенности (embodiment), мышления и речи, обусловливает полимодальность человеческой коммуникации, в которой проявляется способность направлять и воспринимать информационные потоки с помощью различных модальностей и каналов. Включение жестов в исследование противопоставления имеет особое значение, поскольку может служить доказательством реализации данного когнитивного механизма, а также демонстрирует универсальный кросс-модальный характер противопоставления.

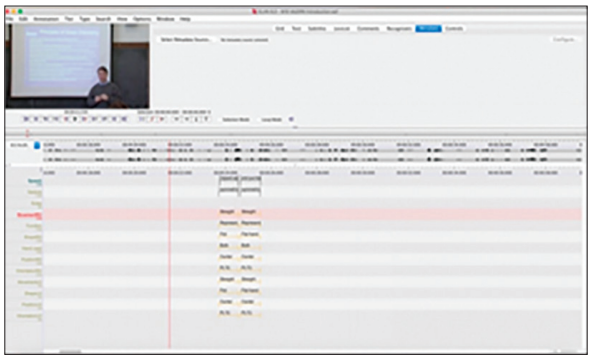
Для уточнения полимодального характера противопоставления нами было проведено

эмпирическое исследование, результаты которого будут представлены далее.

4. ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕСТОВ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕОЗАПИСЕЙ ЛЕКЦИЙ

В качестве практического материала были выбраны видеозаписи лекций из университетов Yale и Massachusetts Institute Technology общей длительностью около 78 минут, на которых представлено трое говорящих в одной и той же ситуации: они ведут лекцию, беседуют со студентами. Во всех случаях съемка осуществлялась одинаковым образом: жесты говорящего видны в любой момент лекции, при этом аудитория практически не попадает в фокус камеры, что делает видеозаписи сопоставимыми. Также важно, что пространство на всех записях не ограничивает движения говорящего, они не сидят, а свободно передвигаются.

Нами были намеренно выбраны лекции из разных научных областей: Иэн Шапиро (Ian Shapiro) читает лекцию по политологии «Introduction to Power and Politics in Today's World»; лекция Пола Анастаса (Paul Anastas) «The 12 Principles of Green Chemistry» посвящена экологии химического производства, а лекция Стивена Блайта (Stephen Blythe) «Option Price and Probability» – экономике и финансам. Все видеозаписи находятся в свободном доступе на интернет-ресурсе Youtube. Для анализа нами использована программа ELAN, разработанная в институте Макса Планка, Неймеген, Нидерланды[1] и предназначенная для анализа коммуникативного кинетического поведения человека. Пример аннотационного режима в программе ELAN показан на иллюстрации 1.



Илл. 1. Окно программы ELAN для анализа кинетического поведения человека

[1] ELAN (версия 6.4) [Компьютерная программа]. (2022). Неймеген: Институт психолингвистики Макса Планка, Языковой архив. URL: https://archive.mpi.nl/tla/elan/download

В основу анализа структурных свойств жестов положена классификация Я. Брессем [Bressem, 2014], позволяющая анализировать форму жеста, положение ладони, конфигурацию ладони, ручность жеста, а также ориентацию в пространстве. Я. Брессем отмечает, что необходимо различать значимые признаки и не рассматривать каждый отдельный жест как индивидуальный, не поддающийся описанию и систематизации. Процесс описания жестов становится похожим на описание и выделение фонем и звуков речи. Ведь звук, в отличие от фонемы, является не идеальной единицей, а вполне конкретной, и двух одинаково произнесенных звуков не существует, однако мы в состоянии выделить и отличить их друг от друга, концентрируясь на значимых различиях.

Функциональные свойства жестов мы анализируем, опираясь на классификацию К. Мюллер и А. Ченки [Cienki, 2004], которые выделяют *референтные жесты*, относящиеся к объектам, свойствам, действиям и событиям, о которых идет речь; *перформативные жесты*, помогающие выполнить функции обращения или выражения эмоций; *дискурсивные жесты*, выполняющие функцию эмфазы (с помощью битов, повторяющихся жестов) и структурирования дискурса.

Первый видеофайл, лекция Иэн Шапиро (Ian Shapiro) «Introduction to Power and Politics in Today's World»[2] является самым протяженным во времени видеоматериалом и составляет 56 минут. Из его монолога можно выделить 11 случаев противопоставления в речи, которые могут быть выражены одиночными или парными жестами. Именно в речи этого говорящего встречается наибольшее количество дискурсивных жестов. В его речи не встречаются антонимы (в понимании Дж. Лайонза), лишь один случай противопоставления предлогов «*before – after*». Представлены слова с семантикой противопоставления или противоположности – *very different* (*2 случая*), *resistance movement, equilibrium* (*a state of balance, especially between opposing forces*). Все остальные случаи приходятся на синтаксическое противопоставление. Еще одной интересной особенностью этого говорящего является то, что он поворачивается и идет в другую сторону, когда показывает противопоставление одной мысли другой. Его предложения довольно длинные, речь бывает монотонной, однако он выражает очень сложные и объемные идеи. Так, в одном случае наблюдался разрыв между жестами противопоставления в 14 секунд ([тайм-код 41.52] *misdiagnosed to the point where <u>not only</u> did they fail to respond to the growing*

[2] URL: https://www.youtube.com/watch?v=BDqvzFY72mg

Илл. 2. Говорящий № 1 Иэн Шапиро – парные двуручные жесты

Илл. 3. Говорящий № 2 Пол Анастас. Парные двуручные жесты, различающиеся положением относительно оси тела говорящего

economic insecurity, that was experienced by many many millions of workers within their own countries, [тайм-код 42.06] *they were actually implementing political reforms that were likely to make things worse*). В целом жестовый рисунок в случае этого говорящего является однообразным: 9 из 11 полимодальных единств «языковое выражение противопоставления + жест» сопровождались двуручным жестом – одиночным или парным. Различия в этих жестах состоят в ориентации относительно сагиттальной оси тела говорящего (см. илл. 2).

Второй видеофайл, где лекцию читает Пол Анастас[1], длительностью 8 минут 41 секунда, содержит 8 случаев совместного употребления слов и жестов для выражения отношений противопоставления. 7 из 8 случаев являются узуальными антонимами, последний – это слово, содержащее противопоставление в своей семантике *(opposite goals)*.

Отметим, что в отличие от первого говорящего, жесты второго говорящего весьма разнообразны, при этом все 8 случаев являются *референтными* жестами.

4 из 8 случаев являются парными двуручными жестами. Чаще всего они похожи по своим структурным характеристикам и отличаются, главным образом, направлением относительно оси тела говорящего (см. илл. 3).

Лишь один случай противопоставления строится по другому принципу – различительными характеристиками являются направление движения и конфигурация ладони. А именно, произнося фразу «to be ripped apart and put back together», говорящий производит противонаправленные парные жесты, которые иконически указывают на действия разрыва и соединения (см. илл. 4).

Интересно, что в речи говорящего № 1 используются главным образом дискурсивные жесты, в то время как у говорящего № 2 преобладают референтные жесты, которые употребляются с узуальными антонимами, *ripped apart – put back together, geologic time frame – human time scale, create* [*waste*] – *clean up waste*. Данные различия могут быть связаны с тематикой лекций. В первом выступлении описываются абстрактные процессы, социальные и политические явления, а во второй лекции описываются конкретные объекты и процессы.

[1] URL: https://www.youtube.com/watch?v=1cxXAeQn-M4

Илл. 4. Говорящий № 2 (Paul Anastas). Парные двуручные жесты

Илл. 5. Говорящий № 3 Стивен Блайт. Двуручный цикличный жест

Из третьего видеофайла лекции Стивена Блайта были проанализированы первые 13 минут, поскольку именно в это время руки говорящего свободны для жестикуляции[1]. Выделено 12 случаев противопоставления в его речи.

Жесты третьего говорящего в большинстве случаев являются цикличными (повторяющимися). Они могут быть охарактеризованы как *биты* (beats), так как они совпадают с эмфатически выделенной зоной в речи говорящего, помогают выделить ее. Цикличность жестов можно назвать особенностью кинетического портрета третьего говорящего (см. илл. 5).

Все выделенные случаи словоупотребления, выражающие отношение противопоставления, не являются антонимами в системе языка. Пожалуй, наиболее приближен к антонимии случай словоупотребления ‘supply and demand’, в котором отражается одно и то же событие, но с точки зрения противоположных актантов, что сближает их с конверсивами. В большинстве же случаев семантика противопоставления заложена внутри

[1] URL: https://www.youtube.com/watch?v=eG_aRPy1KVE

одного слова: *reversal, different, duality, between*. За исключением одного прагматического жеста, остальные 11 являются референтными (репрезентирующими) жестами, указывающими на расстояние между двумя объектами, на акт взвешивания и др.

Таким образом, в ходе исследования был выделен 31 случай употребления языковых выражений противопоставления и жестов. Большинство жестов, которые употребляются с синтаксическими конструкциями противопоставления, обнаруживают симметрию, которая проявляется в двуручности и зеркальности движений жестов относительно сагиттальной оси.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, полученные данные помогают лучше понять специфику передачи отношений противопоставления в лекционном англоязычном дискурсе с помощью жестов. Было выявлено, что особенности употребления противопоставлений в речи и жестах зависят от тематики лекции: описываемые в ней явления или процессы могут быть абстрактными или конкретными. При описании конкретных явлений и процессов активнее используются референтные жесты. Дополнительным фактором, влияющим на структурные и функциональные особенности жестов, является индивидуальный жестовый стиль.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: КомКнига, 2006.
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
3. Verhagen A. Construal and perspectivization // Handbook of Cognitive Linguistics / ed. C. H. Geeraerts D. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 48–81.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
5. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М.: Языки славянской культуры, 2003.
6. Jeffries L. Opposition in discourse. The Construction of Oppositional Meaning. Chennai: Bloomsbury Academic, 2010.
7. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка: монография. М.: Флинта, 2018.
8. Краева И. А. Особенности изучения категории градуальности в современной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 121–126.
9. Talmy L. Figure and Ground in complex sentences // Universals of Human Language. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 625–649.
10. Langacker R. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – NY: Mouton de Gruyter, 1991.
11. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997.
12. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
13. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
14. Harrison S. The organization of kinesic ensembles associated with negation // Gesture. 2014. Vol. 14, № 2, p. 117–140.
15. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive science and human experience. Cambridge/ Massachusetts: MIT Press. 2016.
16. Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
17. McNeill D. Gesture and Thought. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 2005.
18. Bressem J. A linguistic perspective on the notation of form features in gestures // Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / eds. C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1079 – 1098.
19. Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in the 2000 US presidential debates // Journal of Language and Politics. 2004. № 3. P. 409–440.

REFERENCES

1. Saussure, F. de. (2006). Kurs obshhej lingvistiki = Course in General Linguistics. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
2. Kurilowich, J. (1962). Ocherki po lingvistike = Essays on linguistics. Moscow: Inostrannaya literatura Publishing House. (In Russ.)

3. Verhagen, A. (2007). Construal and perspectivization // Handbook of Cognitive Linguistics / ed. C. H. Geeraerts D. Oxford: Oxford University Press. P. 48–81.
4. Zolotova, G. A. (1973). Ocherki funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazika = An essay on the functional syntax of the Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Lyons, J. (2003). Lingvisticheskaya semantika: Vvedenie = Linguistic Semantics: An Introduction. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
6. Jeffries, L. (2010). Opposition in discourse. The construction of oppositional meaning. Chennai: Bloomsbury Academic.
7. Kolesnikova, S. M. (2018). Gradual'nost' v sisteme russkogo yazyka = Graduality in the system of the Russian language: monograph. Moscow: Flinta. (In Russ.)
8. Kraeva, I. A. (2021). Osobennosti izucheniya kategorii gradual`nosti v sovremennoj lingvistike. In Kognitivny`e issledovaniya yazy`ka = Specific features of studying the category of graduality in modern linguistics // Cognitive Studies of Language, 4(47), 121–126. (In Russ.)
9. Talmy, L. (1978). Figure and ground in complex sentences // Universals of Human Language. Stanford: Stanford University Press. P. 625–649.
10. Langacker, R. (1991). Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – NY.: Mouton de Gruyter.
11. Kubryakova, Ye. S. (1997). Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya = Parts of speech from the cognitive point of view. Moscow: IYA RAN. (In Russ.)
12. Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazike. Semantica, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya = Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
13. Fauconnier, G. (1994). Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Harrison, S. (2014). The organization of kinesic ensembles associated with negation // Gesture. Vol. 14. № 2. P. 117–140.
15. Kendon, A. (2004). Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge: Cambridge University Press.
16. McNeill, D. (2005). Gesture and Thought. Chicago, Illinois: University of Chicago Press.
17. Varela, F. J., Thompson, E., Rosch, E. (2016). The Embodied Mind: Cognitive science and human experience. Cambridge/Massachusetts: MIT Press.
18. Bressem, J. (2014). A linguistic perspective on the notation of form features in gestures // Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / eds. C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill. – Berlin/Boston: De Gruyter Mouton. P. 1079–1098.
19. Cienki, A. (2004). Bush's and Gore's language and gestures in the 2000 US presidential debates // Journal of Language and Politics. № 3. P. 409–440.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алиева Медине Рустемовна
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alieva Medine Rustemovna
postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_17

Жанр «Отклик пользователя» в религиозной компьютерно-опосредованной коммуникации: лингвопрагматический аспект

Е. Е. Анисимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
letanisimova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвопрагматического аспекта жанра «Отклик пользователя» в религиозной компьютерно-опосредованной коммуникации. В статье дается определение жанра «Отклик пользователя»; выявляются основные типы адресанта (верующий, сомневающийся, «воинствующий» атеист и др.); определяются когнитивные основания жанра (концепты Бог, Вера, Любовь, Истина), а также его языковые особенности (сочетание стилистических регистров разговорно-бытовой и религиозной коммуникации). В статье устанавливаются основные стратегии (стратегия консолидации, стратегия ориентирования, стратегия конфронтации) и тактики, применяемые интернет-пользователями, а также вербальные и невербальные средства их реализации.

Ключевые слова: жанр, отклик пользователя, религиозный, компьютерно-опосредованная коммуникация, стратегия, тактика, лингвопрагматический аспект

Для цитирования: Анисимова Е. Е. Жанр «Отклик пользователя» в религиозной компьютерно-опосредованной коммуникации: лингвопрагматический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 17–24. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_17

Original Article

The “User Response” Genre in the Religious Computer-mediated Communication: the Linguo-pragmatic Aspect

Elena E. Anisimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
letanisimova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the “User Response” genre linguo-pragmatic aspect study in the religious computer-mediated communication. The article defines the “User response” genre, identifies the addresser main types in the genre (the believer, the doubter, the “militant” atheist, etc.), defines the genrecognitive foundations (the concepts of God, Faith, Love, Truth) and its linguistic features (the colloquial and religious communication stylistic registers combination). The research establishes the main strategies (the consolidation strategy, the orientation strategy, the confrontation strategy) and tactics used by internet users in the response genre, as well as the verbal and the non-verbal implementation means.

Keywords: the genre, the user response, the religious, the computer-mediated communication, the strategy, the tactics, the linguo-pragmatic aspect

For citation: Anisimova, E. E. (2022). The “User response” genre in the religious computer-mediated communication: the linguo-pragmatic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 7(862), 17–24. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_17

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивное развитие в настоящее время компьютерно-опосредованной коммуникации (КОК), возрастание ее роли в современном обществе приводит к тому, что религиозная сфера жизни людей все в большей степени вписывается в новые технологические реалии, и Интернет становится мощным средством распространения религиозного мировоззрения, площадкой для обсуждения и дискуссий по религиозным вопросам в виртуальном пространстве. Одним из важнейших духовных вопросов, стоящих перед современным человеком, является вопрос его веры, ответу на который в Интернете посвящены многочисленные личные истории, видеообращения, свидетельствующие о приходе разных людей к Богу (Christliches Zeugnis), а также отклики пользователей на них. «Отклик пользователя» как наиболее востребованный и популярный жанр «быстрого реагирования» в КОК до сих пор привлекает особое внимание специалистов в области виртуального жанроведения, обычно он именуется ими как «комментарий», «интернет-комментарий» [Сидорова, 2014; Савельева, 2015; Романтовский 2016; Полоян, 2021; Попова, 2021], «коммент» [Степанова, 2013]. М. А. Егорова, отмечая функциональное и содержательное разнообразие интернет-комментариев, предлагает использовать применительно к данному жанру более широкое наименование «отклик», отражающее его конститутивный признак – привязанность к некоторому стимулу, т. е. изначальному посту. Отклик рассматривается исследователем как «особая форма оперативного реагирования пользователей на выпуск новостей и соответствующую сетевую публикацию» [Егорова, 2014, с. 16]. Данный термин представляется нам наиболее удачным применительно к религиозной КОК, поскольку изначальный пост для пользователя здесь часто является не столько предметом обсуждения, сколько поводом для обращения к Богу (с просьбой, мольбой, благодарением, хвалой), рассказа о личном духовном опыте, своей истории обретения веры. Текстовым прототипом отклика пользователя является реплика, объем которой может колебаться от одного слова, в том числе неполнозначного, до большого развернутого текста, в отдельных случаях она состоит исключительно из невербальных средств. В дальнейшем под жанром «Отклик пользователя» мы будем понимать ***типовую форму интернет-общения, представляющую собой реакцию пользователя на изначальное / предыдущее сообщение, выражающую его отношение к нему, реализуемую с помощью только вербальных, вербальных и невербальных или только невербальных средств.***

Материалом для проведенного исследования послужили отклики пользователей на немецкоязычные видеообращения об обретении веры четырех авторов, которые были размещены на канале deutsche welle youtube под рубрикой «Wie ich Christ wurde»[1]: Криса Шулера «All-In für Jesus: meine Begennung mit dem Heiligen Geist»[2], Евгения Ерошева «Wie ich ortodoxer Christ wurde»[3] и двух девушек – Сабины «Mein Zeugnis Wie ich zu Jesus gefunden habe»[4] и Мариам, которая перешла из ислама в христианство, «Vom Islam zu Jesus – mein Zeugnis»[5]. Объем выборки составил 2657 откликов пользователей.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЖАНРА «ОТКЛИК ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ»

Адресантами откликов являются пользователи, объединенные в виртуальное сообщество благодаря просмотру соответствующего видеообращения и возможности высказать свое мнение о нем. Важнейшим стимулом для участия в религиозной КОК, наряду с потребностью в общении и самовыражении, является поиск пользователями ответа на важнейшие духовные вопросы о Боге, которые обычно не поднимаются в их светском окружении, и о которых они могут говорить прямо и откровенно в среде своих виртуальных единомышленников. Общение между пользователями ведется на немецком языке, но носит интернациональный характер, о чем свидетельствует наличие откликов на других иностранных языках; смешение языков в одном отклике; разная степень владения адресантами немецким языком, а также ники – имена собственные и т. п.

В зависимости от мировоззренческой позиции и эмоционально-психологического настроя пользователей в религиозной КОК, по нашему мнению, условно могут быть выделены три типа адресантов: 1) верующие христиане / сочувствующие, искренне интересующиеся христианством; 2) неверующие / индифферентные к религии люди, но проявляющие любопытство или интерес к отдельным ее аспектам; 3) «воинствующие» атеисты / агрессивно настроенные против христианства представители других конфессий (обычно ислама). Для участников религиозной КОК существенной является их идентификация по признаку религиозной, конфессиональной принадлежности,

[1] URL: https://www.youtube.com.c./dwdeutsch /videos
[2] URL: https://youtu.be/gH2u9tDQQI0
[3] URL: https://youtu.be/mmZAShDJBbY
[4] URL: https://youtu.be/c0p7zVdLR8U
[5] URL: https://youtu.be/Hd1Mfk-hmrA

например: *Ich bin Katholik; Ich bin Muslime; Ich war bis zu meinem 43 Atheist; Ich bin griechisch Orthodox. Ich war Protestant*. Приверженность к христианству у первого типа адресантов часто проявляется в никах-идентификаторах религиозного характера, например: *Christlicher Idealist; einfach Christen*. Нередко в качестве ника здесь выступают предложения-утверждения религиозного содержания, выражающие жизненное кредо адресанта, его девиз, например: *Jesu lebt*; *Leni liebt Jesus; Nur Jesus rettet; Deutschland braucht Jesu*. В аватарах пользователей наиболее распространенными являются изображения креста, распятия, природы (моря, восходящего солнца и др.).

Адресатом отклика является автор видеообращения (изначального поста), откровение которого адресант оценивает и на обратную связь с которым часто рассчитывает, а также другие пользователи, с которыми адресант может вступать в диалог / полилог. Потенциальными адресатами для него также являются незарегистрированные пользователи, которые имеют возможность просмотреть соответствующее видеообращение, ознакомиться с откликом / откликами и присоединиться к дискуссии. Для первого типа адресантов откликов (верующих и сочувствующих) незримым мистическим адресатом выступает Бог, к которому они постоянно апеллируют, например: *Lieber Gott. Ich glaube auch an dich, Jesu ich übergebe dir mein Leben…; Herr Jesus Christus! Schenk mir das Feuer, was ich suche*.

Адресанты откликов оперируют концептами, образующими когнитивные основания религиозной коммуникации. К ним относятся концепты: ***БОГ***, ***ВЕРА***, ***ЛЮБОВЬ***, ***ИСТИНА***, вербализуемые с помощью соответствующих лексических единиц и высказываний.

Концепт БОГ представлен в откликах: а) узуальными для религиозной коммуникации номинациями, например: *Gott, dreieiniger Gott, der Herr, Jesus Christus, der Erlöser, der Erretter, unser Ewigvater, der Allmächtige, Allah* (в исламе); б) образными перефразами, например: *Herr der Herren, König der Könige, das Licht der Welt, unsere Zuversicht, unser Zuhause*; в) контекстуальными синонимами (часто выражают доверительное, подчас фамильярное отношение адресанта к Богу), например: *bester Freund, bester Arzt, unser Papa, das genialste Wesen im Kosmos, ein Supertyp*. Качества Бога обозначаются в откликах с помощью прилагательных, выражающих высокую степень положительной оценки, например: *Herr Jesus Christus unser wunderbarer lebendiger heiliger Gott; der Herr ist groß; Gott ist großartig; Jesus ist so wunderbar perfekt*.

Концепт ВЕРА представлен в откликах лексемами *der Glaube, glauben,* а также производными от них – *der Glaubensweg, die Glaubensrichtung, gläubig* и др. В высказываниях пользователей подчеркивается особая роль веры в их жизни: *Der Glaube ist das wichtigste im Leben, denn dieser hält fest; Mein Glaube ist mein Festival und ich feiere meinen Glauben*. Невербальным средством выражения концепта является широко распространенная в откликах пиктограмма – изображение молитвенно сомкнутых рук.

Концепт ЛЮБОВЬ выражается лексическими единицами *die Liebe, lieben*, которые фигурируют в откликах в самых разных контекстах, где речь идет: а) о сущности Бога, например*: Gott ist die Liebe*; *Gott lebt und seine Liebe ist unendlich*; б) о любви Бога к человеку, например: *Jesus Christus, er liebt uns und hat uns erlöst*; в) о любви человека к Богу, например: *Ich liebe Jesus*; г) о любви человека / людей друг к другу, например: *Ich liebe dich Bruder*. Невербальным средством, представляющим данный концепт, является пиктограмма – изображение сердца (красного, реже голубого цвета).

Концепт ИСТИНА приобретает в откликах особую значимость, поскольку участие пользователей в религиозной КОК мотивировано поиском истинного смысла жизни. В семантическом поле концепта ИСТИНА могут быть выделены две понятийные составляющие:

1. Истина как основополагающее религиозно-богословское и философское понятие. В соответствии с христианским вероучением высшая Истина – это Сам Бог, от которого происходит любая тварная истина [Православная энциклопедия, 1997]. Христос есть истина, потому что Он – Бог, и его слова обладают божественным авторитетом [Большой Библейский словарь, 2005].
2. Истина – то, что есть в действительности, соответствует действительности, правда [Толковый словарь русского языка, 1994].

Языковыми репрезентантами концепта ИСТИНА выступают лексемы *die Wahrheit, wahr, die Ehrlichkeit, ehrlich, grundehrlich, richtig, glauben, vertrauen, stimmen, bezeugen, Amen / Amin (Воистину, т. е. «действительно», «верно», «да будет»)*.

В первом значении истина толкуется применительно к Богу, например: *Die Religion ist die Wahrheit; Jesus ist die Wahrheit; Der Herr ist der Weg, die Wahrheit und das Leben*. У представителей разных конфессий в КОК возникают разногласия и часто конфликты при обсуждении истинности их веры. Приведем в качестве примера отклики пользователей христианского и мусульманского вероисповедания, отражающие краеугольные различия в догматах их веры: *Es gibt nur eine Wahrheit und*

nur einen Herr Gott, der Vater und der Sohn und der Heilige Geist. – Der wahre Herrscher ist Allah und nicht sein Prophet Jesus; Ich bezeuge, dass es keinen Gott gibt außer Allah, ich bezeuge, dass Mohammad Sein Gesandter ist. О своей вере как наиболее правильной заявляют некоторые православные участники КОК: *Die Orthodoxie ist der richtige Weg; Orthodoxie ist die einzige richtige Religion.*

Во втором значении истина понимается как вера адресанта отклика в правдивость откровения автора видеообращения. Обычно свидетельство о вере характеризуется им как честное, откровенное (*ehrlich, grundehrlich, wahr, echt, offen, aufrichtig*), и он заявляет о своем доверии к нему, например: *Ich glaube dir jedes Wort; Es ist so wahr; So aufrichtig, so echt! Der heilige Geist hat mir gezeigt, dass alles, was du sagst, stimmt.* Нередко адресанты откликов заявляют не только о доверии, но и о своем понимании автора видеообращения, поскольку осознают сходство его духовного опыта со своим собственным, например: *Ich kann dich 1000 prozentig verstehen. Ich habe selbst solche Erfahrungen in dieser Art gemacht und mache sie jeden Tag.*

Прецедентными сакральными текстами, выступающими для участников религиозной КОК хранителями непререкаемой истины и источником религиозного знания, являются Священное Писание (для христиан) и Коран (для мусульман), интертекстуальные отсылки к которым в откликах представлены многочисленными аллюзиями и цитатами. Так, в отклике о важности роли просмотренного видеообращения о вере для массовой аудитории адресант упоминает «виноградник Божий»: *Ich wollte dir sagen, wie wertvoll die Medienarbeit im Weinberg des Herrn heute ist.*[1] В отклике на признание автора видеообращения о том, что долгое время погоня за большими заработками и материальными благами заслоняли от него Бога, адресант в качестве аргумента о пагубности такой жизни для человека приводит цитату из Евангелия о том, как трудно войти богатому в царствие Божие: *Eher geht ein Kamel duch ein Nadelöhr, als dass ein Reicher in das Reich Gottes gelangt.*[2] Нередко отклик состоит из одной или нескольких цитат из Библии или Корана, в отдельных случаях дается лишь указание на них, например: *Sura 9, von der Busse, 77–78.*

Жанру «Отклик пользователя» присущи языковые признаки, в целом характерные для интернет-коммуникации, которые здесь заключаются во взаимодействии устной и письменной формы существования языка, в игнорировании грамматических норм и правил пунктуации, использовании смайлов, лайков и т. д. [Кузнецов, 2011; Лысенко, 2010]. Языковая специфика откликов в религиозной КОК заключается в сочетании в них стилистических регистров религиозной и разговорно-обиходной коммуникации. Так, с одной стороны, для жанра характерна возвышенность, подчас торжественность и пафосность, обусловленные предметом коммуникации, – Божественное Присутствие в жизни человека. С другой стороны, ему свойственна непринужденность, снижение стилистической тональности, поскольку религиозные вопросы обсуждаются здесь на бытовом уровне в условиях неформального интернет-общения. Репрезентантами религиозной коммуникации в жанре выступают: а) общерелигиозная и конфессиональная лексика, например: *taufen, firmen, konvertieren*; б) этикетные формулы, например: *Grüß Gott, Vegelt's Gott, mit Gebeten für dich*; *In der Liebe Jesus*; в) возвышенная лексика, например: die *Gnade, glückselig, segnen*; г) грамматическая форма конъюнктива Präsens в призывах и благопожеланиях, например: *Möge Gott uns und all seine Geschöpfe schützen vor dem Bösen*; д) восклицательные предложения, например: *O was für eine Gnade Gottes*!; е) ассертивные (утвердительные) высказывания, например: *Der Weg des Teufels ist Mord und Totschlag, der Weg des Gottes ist Liebe und Frieden in Christus.*

К особенностям разговорной речи в откликах относятся: применение эллипсов, односоставных предложений, редуцированных форм артикля, эмоционального порядка слов, междометий, например: *wow, Hallo, oh, hey, aha, hahaha*; модных слов, выражающих различные экспрессивные оттенки, например: *super, ganz toll, mega cool, Hammer Zeugnis, Klasse*; частиц, например: *ja, mal, halt*; аббревиатур, в том числе религиозной лексики, например: *HG* (*der Heilige Geist*), *omg* (*O mein Gott*!), *GSD* (*Gott sei Dank*), разговорной, иногда сниженной и даже грубой лексики и т. д. Типичным для откликов, как и в целом для КОК, является использование английского языка, что приводит к совмещению элементов разных языковых систем в рамках одного сообщения, например: *So gut move videos please; Jesus ist the only way.* Распространенными паралингвистическими средствами, выражающими в откликах высокую степень эмоциональности, являются: многократное удвоение букв в одном слове, например: *wooow, sooooo, dankeeeee,* многократный повтор восклицательного знака, одной и той же или чередующихся друг с другом пиктограмм и т. п.

В зависимости от своего мировоззрения и эмоционально-психологического настроя пользователи религиозной КОК избирают разные стратегии и тактики коммуникативного поведения.

[1] Евангелие от Иоанна, глава 15, стих 1.

[2] Евангелие от Матфея, глава 19, стих 24.

К основным стратегиям относятся стратегия консолидации, стратегия ориентации и стратегия конфронтации.

Стратегия консолидации заключается в том, что адресант выражает поддержку автору видеообращения, проявляет солидарность со своими единомышленниками, что позволяет им совместно представлять свою мировоззренческую позицию и укрепляться в ней. Данная стратегия характерна для представителей первого типа адресантов (верующих / сочувствующих), она осуществляется в психологически комфортной, благожелательной коммуникации, когда между участниками интернет-общения устанавливаются гармоничные, подчас теплые, сердечные межличностные отношения. Языковыми сигналами этой стратегии служат принятые в религиозной среде обращения, например: *Liebe Schwester im Herrn / in Christus, Brude r/ Glaubensbruder, Liebe Mitmenschen, Liebe Geschwister in Gott*; доверительное обращение по имени к автору видеообращения, например: *Du, lieber Chris; Lieber Evgeny! Willkommen Chris*.

К основным тактикам данной стратегии, которые обычно контаминируют друг с другом, относятся:

1. ***Тактика выражения благодарности*** Богу, автору видеообращения, например: *Auch der Glaube ist ein Geschenk Gottes und ich bin ihm dankbar dafür; Danke für deine Lebenserfahrungen*;
2. ***Тактика выражения благопожелания***, например: *Möge Gott dich umarmen und dich segnen! Gott segne euch alle!*
3. ***Тактика выражения хвалы Богу***, например: *Gelobt sei der Herr! Nur ihm allein sei die Ehre; Gepriesen sei unser wunderbarer Herr Jesu Christus*. Часто для прославления Бога в откликах используется междометие *Halleluja* (*Аллилуйя* от *греч.* allelouia и *др. – евр.* Hallelujah = *Preise Gott*, *Превозноси Господа*!).
4. ***Тактика выражения оценки.*** Предметом положительной оценки является, прежде всего, само видеообращение (свидетельство о вере, его представление и т. п.), реже его создатель. Средствами реализации этой тактики обычно выступают атрибутивные словосочетания, выражающие разную степень положительного качества и часто относящиеся к разным стилистическим регистрам языка. Например: *ein schönes / super interessantes Video; ein schönes / wunderschönes / geniales / berührendes/ ermutigendes / tiefgreifendes / offenes / starkes / superstarkes / sehr cooles / Hammer Zeugnis; die inspirierende / fesselnde / sensationelle / unbeschreiblich schöne Geschichte / bewegende Story; informative / totale / tolle Darstellung; eine wunderbare Schilderung*. Авторам видеообращений, к которым адресанты откликов обычно относятся с явной симпатией, даются положительные, подчас восторженные характеристики относительно их морально-нравственных качеств и даже внешних данных, например: *Du bist ein toller junger Mann; Gott hat dir innere und äußere Schönheit gegeben; Du bist eine wunderschöne Seele; Du bist eine ganz wunderschöne Frau*.
5. ***Тактика выражения чувств, ощущений.*** Данная тактика применяется тогда, когда речь идет об эмоциях, чувствах и физических ощущениях, вызванных у адресантов откликов просмотром видеообращения, например: *Noch beim Anschauen habe ich geweint und geschluchzt über meine Schuld gegenüber meinem Herrn und Freund Jesus Christus; Ich habe Tränen in den Augen, Gänsehaut am Körper; Es ist unfassbar, dieses Gefühl sich Jesu nahe fühlen zu wollen*.
6. ***Тактика побуждения*** к чему-либо, при обращении: а) к Богу (молитвенная), например: *Herr, mache aus mir ein Loch! Ein Loch für Deine Flöte. Damit, wenn Du Deinen Wind durchbläst, ich Deine Melodie spielen kann*; б) к человеку / людям (призывная), например: *Mach weiter! Gib nicht auf!*

Стратегия ориентирования заключается в поиске адресантом информации, контактов с другими пользователями, необходимыми для удовлетворения его духовных запросов. Данная стратегия характерна для представителей первого и второго типов адресантов, она осуществляется в условиях бесконфликтной коммуникации, когда участники КОК проявляют толерантность по отношению друг к другу, и между ними устанавливаются в целом доброжелательные отношения.

К основным тактикам этой стратегии относятся:

1. ***Тактика запроса информации***. Обычно она реализуется с помощью вопросительных предложений, например: *Ich hätte ein großes Interesse an Informationen. Ich wohne in Köln, vielleicht gäbe eine Gemeinde in der Nähe?*
2. ***Тактика выражения совета, рекомендации***, например: *Ein längerer Besuch im deutschen Kloster Buchhagen wäre sicherlich ein guter Weg, wenn du die Orthodoxie wirklich kennenlernen möchtest*.
3. ***Тактика выражения просьбы, требования,*** например: *Hey bin in Not geraten. Wer mir irgendwie helfen kann, bitte mal melden in den Kommentaren*.

4. ***Тактика выражения сомнения, недоумения***, например: *Ich will verstehen, aber vielleicht klappt das hier nicht, nur wie glauben, wenn das alles nicht logisch ist.*
5. ***Тактика установления личного контакта*** с автором видеообращения, другими пользователями, например: *Hast du Whatsapp dann schreibe deine Nummer und du findest mich auf Facebook.*

Стратегия конфронтации заключается в несогласии адресанта с автором видеообращения и его единомышленниками, а также в противопоставлении им своей мировоззренческой позиции как единственно правильной, истинной. Данная стратегия характерна для представителей третьего типа адресантов (атеистов / радикальных мусульман), она осуществляется в условиях конфликтной коммуникации, когда между участниками КОК возникают дисгармоничные межличностные отношения, и допускается агрессивное речевое поведение по отношению к своим оппонентам. Языковыми сигналами этой стратегии могут служить: уничижительное обращение к инакомыслящим пользователям, например: *Ihr Heiden*!; нарочито фамильярное или подчеркнуто официальное обращение к автору видеообращения, например: *Junge, Lieber Herr Schuller*; пренебрежительное упоминание автора видеообращения в третьем лице, например: *Da labert einer von etwas, von dem er keine Ahnung hat.*

К основным тактикам этой стратегии относятся:

1. ***Тактика выражения упрека***. Она применима, прежде всего, по отношению к тем, кто перешел из ислама в христианство. Так, например, девушку по имени Мариам, рассказавшую в видеообращении свою личную историю прихода к Христу, ее бывшие единоверцы упрекают в незнании ислама как истинной религии: *Man merkt, dass du keine Ahnung vom Islam hast; Von der Monotheistin zur Götzendienerin. Tragisch.*
2. ***Тактика побуждения*** (призыва встать / вернуться на путь истинной веры), например: *Ihr seid Irregehende. Lest den Kuran und ergreift die Rechtleitung! Kommt zur wahren Religion und leitet nicht ab, kehrt zu eurem Herren zurück.*
3. ***Тактика уличения в неискренности.*** Часто инакомыслящие представляются в откликах как люди неискренние, как артисты, лишь искусно исполняющие свою роль: *Christen sind meine absoluten Lieblingskomiker. Wer mal so herzhaft lachen möchte, muss einfach mal mit so einem diskutieren… Diese Leute nehmen ihre sarkastische Rolle ernster als jeder Hollywood Schauspieler*. В одном из откликов девушка по имени Сабина, признавшаяся в видеообращении в своих падениях и разочарованиях на пути к вере, пренебрежительно названа адресантом *eine hübsche Schauspielerin* (хорошенькая актриса).
4. ***Тактика выражения иронии.*** Адресанты нередко делают ироничные замечания по отношению к авторам видеообращений, верующим христианам, с целью задеть их, высмеять, выставить в невыгодном свете. Так, например, в отклике относительно любви как высшей ценности христианства, оппонент-мусульманин с горечью замечает, что сам был свидетелем этой «любви» во время бомбардировок Багдада: *Ihr Christen habt mir eure Liebe im Irak gezeigt, viel Liebe durch Bomben.*
5. ***Тактика выражения недоверия, обвинения во лжи.*** Например: *Glauben Sie wirklich, was sie da erzählen?? Wer Begegnungen solcher Art hat … Der muss zum Arzt ; Lüg die Leute nicht an, du hast keine Ahnung vom Glauben.*
6. ***Тактика выражения оценки (очернения).*** Тактика заключается в негативном оценивании адресантом оппонента, его слов с намерением дискредитировать его. Так, признания христиан о вере обозначаются в откликах посредством отрицательно коннотированной и даже грубой лексики, например: *nur Werbung, ein erfundener Quatsch, dieser Schwachsinn, so ein Scheiß.*
7. ***Тактика злопожелания***, например: *Christ sein bedeutet: ein Platz zugerichtet in der ewigen Hölle. Das ist kein Spaß aber viel Spaß dabei.*

Выделенные стратегии и тактики служат ориентации пользователей в виртуальном пространстве религиозной КОК, способствуют единению и укреплению их мировоззренческих позиций или усиливают их противоборство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Отклик пользователя» является одним из важнейших жанров религиозной КОК, обладающих большим лингвопрагматическим потенциалом, в котором отражается религиозная картина мира, межконфессиональные отношения пользователей, особенности их речевого поведения в интернет-коммуникации. Дальнейшее изучение данного жанра представляет интерес для исследования религиозного дискурса, виртуального жанроведения, разработки стратегического подхода в лингвистике, а также для межкультурной коммуникации, христианской антропологии и религиоведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
2. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2015.
3. Романтовский А. В. Коммуникация в интернет-форумах: дискурс проблематизации (на материале интернет-комментариев к статьям электронных СМИ): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016.
4. Полоян А. В. Прагмалингвистические особенности жанра интернет-комментария к неполитическим новостным статьям и откликам на них: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2021.
5. Попова К. А. Анализ языковых способов выражения сочувствия в жанре интернет-комментария в немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2021.
6. Степанова Л. Н. Комментарий в современном информационно-коммуникативном пространстве: перспективы лингвистического исследования // Современная филология: материалы II Межд. науч. конф. Уфа: Лето, 2013. С. 94–97.
7. Егорова М. А. Отклики и оценочные комментарии в компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2014. № 1. С. 15–20.
8. Православная энциклопедия. Том XXVII. М.: Церковно-научный центр: «Православная энциклопедия», 1997.
9. Большой библейский словарь / под ред. У. Элуэлла, Ф. Комфорта. СПб.: Библия для всех, 2005.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I. М.: Русские словари, 1994.
11. Кузнецов А. В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации // Молодой ученый. 2011. № 3 (26). Т. 2. С. 24–26.
12. Лысенко С. А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2010.

REFERENCES

1. Sidorova, I. G. (2014). Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sait, blog, sotsial'naja set') = Pragmatic communication characteristics of personal genre in the internet discourse (website, blog, social network, commentary): abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
2. Savelyeva, I. V. (2015). Variativnost' strategij: lingvopersonologicheskij aspect (na materiale tekstov poleticheskikh internet-kommentatiev) = Text perception and text generation strategies variability: linguo-personological aspect (on the political internet comments texts): abstract of PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
3. Romantovskiy, A. V. (2016). Kommunikatsiya v internet-forumakh: diskurs problematozatsii (na materiale internet-kommentariev k stat'yam elektronnykh SMI) = Communication in internet forums: discourse of problematic (on the material of internet comments to articles electronic media): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Poloyan, A. V. (2021). Pragmalinguisticheskie osobennosti zhanra internet-kommentariya k nepoliticheskim novostnym stat'yam i otklikam na nikh = Internet commentary genre pragmalinguistic features (on the non-political news articles and responses to them): abstract of PhD in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
5. Popova, K. A. (2021). Analiz yazykovykh sposobov vyrazheniya sochuvstviya v zhanre internet-kommentariya v nemetskom yazyke = Expressing sympathy linguistic ways analysis in the genre of internet commentary in the German language: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Stepanova, L. N. (2013). Kommentarij v sovremennom informativnom prostranstve: pespektivy linguisticheskogo issledovaniya = Commentary in the modern information and communication space: linguistic research perspectives. Sovremennaya fililogiya. Ufa: Leto. (In Russ.)
7. Egorova, M. A. (2014). Otkliki i otsenochnye kommentarii v komp'yuterno-oposdedovannoj kommunikatsii = Responses and evaluative comments in the computer-mediated communication. Vestnik VGU seriya "Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya", 1, 15–20. (In Russ.)
8. Pravoslavnaya ehntsiklopedya (1997). = Orthodox encyclopedia. T. XXVII. Moscow: Tserkovno- nauchnyj tsentr "Pravoslavnaya ehntsiklopedya". (In Russ.)
9. Elwell, W. A., Komfort Ph. W. (eds.). (2005). Bol'shoj Biblejskij slovar' = Tyndale Bible Dictionary. St.Petersburg: Bibliya dlya vsekh. (In Russ.)

10. Ushakov, D. N. (1994). Tolkovuj slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)
11. Kuznetsov, A. V. (2011). Pis'mennaya rasgovornaya rech' v onlain-kommunikatsii = Written colloquial speech in online communication. Molodoj uchyonyj, 3(26), vol. 2, 24–26. (In Russ.)
12. Lysenko, S. A. (2010). Vsaimodejstvie ustnoj i pis'mennoj formy sushestvovaniya yazyka v internet-kommunikatsii = Language existence oral and written forms interaction in internetcommunication: abstract of PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимова Елена Евгеньевна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimova Elena Evgenievna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Department of Grammar and History of the German Language,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_25

Креолизация иноязычного текста как способ изменения его восприятия

И. В. Вашунина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vashunina@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования смыслового восприятия креолизованных текстов на немецком языке. Целью исследования было выявление закономерностей изменения восприятия вербального текста под воздействием креолизации. Установлено, что креолизация во всех случаях изменяет восприятие вербального текста. Влияние креолизации на оценку по немецким и по русским шкалам является разнонаправленным: по немецким шкалам наблюдается повышение оценок, по русским шкалам – понижение.

Ключевые слова: креолизованный текст, экспериментальное исследование, семантический дифференциал, немецкий язык, смысловое восприятие текста, образы сознания

Для цитирования: Вашунина И. В. Креолизация иноязычного текста как способ изменения его восприятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 25–30. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_25

Original article

Creolization of a Foreign Language Text as a Way to Change Its Perception

Irina V. Vashunina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vashunina@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an experimental study of the semantic perception of creolized texts in German, conducted using the semantic differential method. The purpose of the study was to identify patterns of changes in the perception of a verbal text under the influence of creolization. The obtained results show that creolization in all cases changes the perception of the verbal text. The influence of creolization on the assessment on the German and Russian scales is multidirectional: on the German scales there is an increase in marks, on the Russian scales – a decrease.

Keywords: creolized text, experimental research, semantic differential, the German language, semantic perception of the text, images of consciousness

For citation: Vashunina, I. V. (2022). Creolization of a foreign language text as a way to change its perception. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 25–30. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_25

ВВЕДЕНИЕ

Статья представляет результаты исследования смыслового восприятия текстов на немецком языке. По материалам этого исследования уже была опубликована статья [Вашунина, 2021], настоящая статья представляет дальнейшие результаты. В первой части исследования были поставлены вопросы о возможности обнаружения объективных материальных различий в производстве и восприятии иноязычного дискурса и дискурса на родном языке, а также о возможных способах устранения этих различий. Первая серия экспериментов проводилась на материале двух немецких текстов с применением метода семантического дифференциала.

Установлено, что образы, которые возникают при восприятии единиц иностранного языка, являются более бедными и менее содержательно наполненными. Такой вывод следовал из более низких абсолютных оценок немецкого текста по сравнению с русским. В качестве основной причины этого была предположена слабая сформированность прагматического слоя содержания единиц иностранного языка. В исследовании высказана гипотеза о возможности некоторой корректировки восприятия иноязычных единиц за счет повышения экспрессивности и эмоциональности восприятия.

Вторая серия экспериментов проводилась с целью проверки этой гипотезы. Ее результаты и интерпретация представлены в настоящей статье.

СОПОСТАВЛЕНИЕ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТОВ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ИНОСТРАННОМ

Статья основана на сопоставлении результатов двух серий экспериментов и интерпретации полученных различий. Первая серия экспериментов подробно описана в предшествующей статье [Вашунина, 2021], там же дается характеристика экспериментальной методики. Далее представлен материал второй серии экспериментов.

Экспериментальный материал

Экспериментальный материал второй серии представлял собой два креолизованных текста. Их вербальные составляющие использовались в качестве материала первой серии экспериментов. В Тексте 1[1] (1500 знаков) (далее – Т1) ставится вопрос о причинении вреда окружающей среде в результате роста производства потребительских товаров, в частности одежды и обуви, что объясняется гонкой за модой, а также предлагаются пути решения проблемы. Текст 2[2] (1406 знаков) (далее – Т2) посвящен проблеме последствий глобального потепления: в нем описывается положительное влияние повышения температуры на рост численности пингвинов.

Тексты довольно интересные, рассчитаны на уровень владения иностранным языком B1, в них затрагиваются социально значимые проблемы.

Для конструирования креолизованных текстов эти вербальные тексты были дополнены иллюстрациями. Т1 предъявлялся испытуемым в сочетании с иллюстрацией, как он был напечатан на сайте «Немецкой волны». Таким образом создан креолизованный текст 1 (КТ1). На иллюстрации 1 (И1) крупным планом изображены три манекена без лиц на витрине магазина. На их одежде (одинаковые безликие красные платья) стоит знак %. Половину изображения составляет огромное рекламное объявление: bis 50% (белым) на красном фоне. Основной цвет иконического компонента красный.

Для Т2 иллюстрация была подобрана специально, был создан креолизованный текст 2 (КТ2). В целях выявления закономерностей восприятия креолизованных текстов планируется исследование воздействия цветовой гаммы. Подобранная иллюстрация выполнена в той же цветовой гамме, что и изображение к Т1: преобладающий красный с белыми элементами. На изображении окрашенное в красное закатное или рассветное небо, красное море (как отражение красного неба) и белый айсберг, а также небольшие белые льдины на воде. Иллюстрации к обоим текстам выбраны в одной гамме, чтобы в дальнейшем была возможность подобрать иллюстрации в другой цветовой гамме и выяснить, восприятие каких компонентов содержания подвержено влиянию определенного цвета.

Экспериментальная методика и процедура эксперимента

В исследовании использовался метод шкалирования. Шкалы биполярные, семибалльные (от -3 до +3), представлены антонимами. В эксперименте использовалось два комплекта шкал: русские и немецкие.

Тексты оценивались по 12 шкалам. Шкалы, по которым оценивались КТ1 и КТ2, в большей части

[1] URL: https://www.dw.com/de/das-problem-mit-der-schnellen-mode/l-52203621

[2] URL: https://www.dw.com/de/klimaveränderung-macht-pinguine-glücklich/av-53995861

одинаковые. Ниже эти шкалы приведены в таблицах вместе с цифровыми данными.

Испытуемые (по 25 человек на каждый текст) – студенты выпускных курсов Московского государственного лингвистического университета и Российского университета Дружбы народов, обучающиеся по специальности «Немецкий язык» – оценивали предложенные креолизованные тексты по шкалам семантического дифференциала. В результате статической обработки получены цифровые результаты, которые позволяют сравнивать 1) оценку определенного креолизованного текста по русским и по немецким шкалам; 2) оценку вербального текста и созданного на его основе креолизованного текста по русским и по немецким шкалам.

Результаты эксперимента

Статистические результаты двух серий экспериментов сведены в две таблицы. Таблица 1 представляет сопоставление оценок Т1 и КТ1 по русским и немецким шкалам, таблица 2 – сопоставление оценок Т2 и КТ2 по русским и немецким шкалам.

Таблица 1

СРЕДНЯЯ ОЦЕНКА Т1 И КТ1 ПО ШКАЛАМ

Качество	КТ1	Т1	Качество	КТ1	Т1
leichtsinnig – ernst	1,7	1,1	легкомысленный – серьезный	2	2,2
alltäglich – festlich	-1,1	-1.2	будничный – праздничный	-0,74	-1,4
fern – nah	0,76	1	далекий – близкий	0,87	1,2
beruhigend – erregend	2,1	1	успокаивающий – возбуждающий	0,78	1
oberflächlich – tief	1,2	0,6	поверхностный – глубокий	0,78	1,3
niedrig – hoch	0,74	0,3	низкий – высокий	0,35	0,6
beunruhigend – ruhig	-1,2	-0,05	тревожный – спокойный	-0,7	-1,2
arm – reich	0,4	0,4	бедный – богатый	0,65	0,6
böse – gutmütig	0,48	0,7	злой – добрый	0,43	0,6
lügnerisch – wahr	2,16	1,6	лживый – правдивый	2,3	2,5
passiv – aktiv	1,12	0,9	пассивный – активный	1,05	1,92
traurig – fröhlich	-0,88	-0,05	печальный – радостный	-1,05	-1,2

Таблица 2

СРЕДНЯЯ ОЦЕНКА Т2 И КТ2 ПО ШКАЛАМ

Качество	КТ2	Т2	Качество	КТ2	Т2
leichtsinnig – ernst	1,12	0,5	легкомысленный – серьезный	0,95	1,3
kalt – warm	1,58	1,4	холодный – теплый	1,2	1,92
fern – nah	0,42	0,6	далекий – близкий	0	0,9
beruhigend – erregend	- 0,54	-0,3	успокаивающий – возбуждающий	0,15	-0,9
oberflächlich – tief	0,42	0,5	поверхностный – глубокий	0,65	1
dunkel – hell	2	1,4	темный – светлый	2	2,2
beunruhigend – ruhig	1,3 -	1,4	тревожный – спокойный	0,95	2,2
dumm – klug	1,58	1,4	глупый – умный	1,4	1,7
böse – gutmütig	1,33	1,8	злой – добрый	2,2	2,4
lügnerisch – wahr	1,88	1,8	лживый – правдивый	1,75	1,9
passiv – aktiv	1,4	0,7	пассивный – активный	0,4	1,4
traurig – fröhlich	1,33	1,1	печальный – радостный	0,5	1,4

Отрицательные оценки у КТ1 и Т1 не обнаружены по шкалам *легкомысленный – серьезный, лживый – правдивый,* у Т1 еще по шкале *низкий – высокий* (у КТ1 по этой шкале единичная отрицательная оценка).

У КТ2 и Т2 – по шкале *злой – добрый, глупый – умный*. Т2 также не имеет отрицательных оценок по шкалам *холодный – теплый, темный – светлый, тревожный – спокойный, лживый – правдивый*. По шкалам *холодный – теплый, темный – светлый, лживый – правдивый* у КТ2 единичные отрицательные оценки. По шкале *тревожный – спокойный* КТ2 имеет более четверти отрицательных оценок, что, вероятно, объясняется воздействием красного цвета (тревожного). В то же время в оценках КТ2 обнаружено несколько немецких шкал без отрицательных оценок: *dunkel – hell, dumm – klug, lügnerisch – wahr, traurig – fröhlich*. У Т2 по этим шкалам были единичные отрицательные оценки.

Если рассматривать знак оценки, то нужно отметить, что он не зависит ни от креолизации, ни от того, на каком языке предлагались шкалы. То есть при оценке по конкретной шкале и вербальный текст, и креолизованный текст, оцениваемые как по русским, так и по немецким шкалам, всегда имеют одинаковый (положительный или отрицательный знак оценки), исключение составила шкала *тревожный – спокойный* при оценке КТ2. Это означает, что на данном языковом примере существует примат содержания и формы вербального текста. Предшествующие исследования показали, что это не всегда так – иллюстрация может менять знак оценки текста по определенным параметрам. Нами планируется ряд дальнейших экспериментов как на материале рассматриваемых двух вербальных текстов (и иллюстраций с разными параметрами), так и на другом материале.

Сравнение оценок вербальных текстов (без иллюстрации) показало, что по русским шкалам тексты имеют значительно более высокие оценки, чем по немецким шкалам (разница достигает 2 и более раз). При этом не играет никакой роли, были ли именами немецких шкал исконные немецкие слова или же интернационализмы, например, *passiv – aktiv*.

Далее проведем сопоставление оценок креолизованных текстов по русским и немецким шкалам. В самом общем виде можно сказать, что оценки креолизованных текстов по немецким шкалам приблизились к оценкам по русским шкалам, то есть исчезла большая разница в оценках по шкалам в зависимости от языка номинации. Во-первых, появились немецкие шкалы, абсолютная оценка по которым превышает (хотя в основном и незначительно) оценку по русским шкалам. Для КТ1 – это шкалы *alltäglich – festlich, beruhigend – erregend, oberflächlich – tief, niedrig – hoch, beunruhigend – ruhig, böse – gutmütig, passiv – aktiv*; для КТ 2 –*leichtsinnig – ernst, kalt – warm, fern – nah, beruhigend – erregend, beunruhigend – ruhig, dumm – klug, lügnerisch – wahr, passiv – aktiv, traurig – fröhlich*. Во-вторых, сократилась разница в оценках по немецким и по русским шкалам. У Т1 средняя разница составляет 0,58, у КТ1 – 0,36; у Т2 – 0,53; у КТ2 – 0,41.

Сопоставим оценки креолизованных текстов и вербальных текстов, на основе которых были созданы креолизованные. У текстов первой группы Т1 и КТ1 по немецким шкалам креолизация в 8 случаях из 12 повышает абсолютную оценку текста, по одной шкале оценка не меняется, по 3 шкалам оценка понижается. Среднее значение изменения 0,51. Наиболее значительно (более 1) повышается оценка по шкалам *beruhigend – erregend, beunruhigend – ruhig*. Понижение оценок незначительное, максимально на 0,47 по шкале *böse – gutmütig*.

По русским шкалам креолизация во всех случаях понижает абсолютную оценку текста. Понижение незначительное: от 0,05 до 0,5 (по шкале *тревожный – спокойный*). Среднее значение 0,34.

В группе текстов 2 (Т2 и КТ2) креолизация в 8 случаях из 12 повышает абсолютную оценку текста по немецким шкалам. Наиболее значительно (на 0,7) повышается оценка по шкале *passiv – aktiv*. В 4 случаях оценка незначительно понижается, максимально по шкале *böse – gutmütig* (0,47). Средняя разница в оценках вербального и креолизованого текста 0,31.

По русским шкалам абсолютная оценка текста в результате его креолизации всегда понижается. Наиболее значительно понижение оценок по шкалам *тревожный – спокойный*, *пассивный – активный, далекий – близкий*. Среднее значение 0,59.

Интерпретация результатов эксперимента

При интерпретации результатов первой серии экспериментов (на материале вербальных текстов) было высказано предположение [Вашунина, 2021], что более низкие абсолютные оценки текстов по немецким шкалам (по сравнению с оценками по русским шкалам) связаны с значительно меньшим опытом употребления слов иностранного языка, что объясняет слабую сформированность или несформированность образов воспоминания [Поляков, 2011], стоящих за вербальными единицами, то есть слабую представленность различных эмоций, ассоциаций, предметных и ситуативных воспоминаний, связанных с предшествующим использованием этого слова. Таким образом, получается, что

в сознании говорящих слова иностранного языка имеют обедненный прагматический слой значения [Кобозева, 2000] по сравнению со словами родного языка. При этом за норму содержательного наполнения следует брать знания носителей языка, потому что именно в их лингвокультурном сообществе формируется семантика лексической единицы. С точки зрения возможности восполнения этого пробела у изучающих иностранный язык самым очевидным шагом должно быть увеличение числа употреблений единиц, то есть языковая практика. Однако это также наиболее нереалистичная рекомендация, так как языковая практика изучающих иностранный язык в своей стране ограничена обстоятельствами.

Интересные результаты получены при анализе результатов креолизации вербальных текстов.

Наиболее общим выводом является утверждение, что креолизация изменяет восприятие вербального текста, что подтверждает обнаруженная разница оценок вербальных и креолизованных текстов.

Во всех случаях в основе оценки лежит содержание вербального текста, что доказывается отсутствием изменения знака оценки при креолизации. Иными словами, если вербальный текст был воспринят, например, как умный, холодный, далекий, то в результате креолизации он становится более или менее умным, холодным, далеким, но никак не глупым, теплым, близким. Этот результат получен на материале настоящего исследования – на так называемых проблемных текстах, которые посвящены рассмотрению актуальных проблем человечества. На другом материале (в предшествующем исследовании использовались отрывки из произведений художественной литературы, а также вербальные описания изображений) в некоторых случаях наблюдалась смена знака оценки с отрицательного на положительный и наоборот [Вашунина и др., 2020]. Можно предположить, что возможность искусственного управления восприятием вербального текста зависит от актуальности его содержания для реципиентов. Чем более актуально содержание, тем меньше вариативный потенциал.

В ходе исследования обнаружено, что креолизация по-разному влияет на оценку текста по русским и по немецким шкалам. Иллюстрация делает оценку по немецким шкалам более однородной, о чем свидетельствует появление шкал, оценка по которым лежит в одной области значений (в эксперименте с вербальными текстами это было обнаружено только для оценки по русским шкалам).

Тот факт, что добавление иллюстрации в большинстве случаев повышает оценку по немецким шкалам, вероятно, свидетельствует о том, что содержание вербальных характеристик в результате креолизации начинает восприниматься в более полном объеме. Интересно было бы выявить параметры иллюстрации, которые влияют на повышение оценок. Поскольку экспериментальный материал представлял два вербальных текста с разным содержанием и две разных по содержанию иллюстрации, а эффект повышения оценок наблюдается для обоих креолизованных текстов, то можно предположить два объяснения: воздействие любого изображения (то есть сам факт визуализации) или же воздействие именно этой формы (скорее всего красного цвета – это то, что объединяет две разные иллюстрации). При этом в механизм восприятия креолизованного текста добавляется (по сравнению с механизмом восприятия вербального текста) некоторое «будоражащее» влияние изображения или цвета, которое актуализует оцениваемые качества.

При добавлении иллюстрации оценка по русским шкалам несколько снижается. Можно предложить в качестве объяснения предположение о том, что иллюстрация в некоторой степени мешает «всплыванию» образов воспоминания, которые актуализует вербальная единица. В итоге часть образов воспоминания не возникает в сознании реципиентов, или же они возникают в обедненном варианте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты довольно неожиданны, они ставят большое количество вопросов.

Очевидно, что действие креолизации (на нашем материале) является разнонаправленным при оценке по немецким и по русским шкалам. Первый и самый очевидный вопрос: насколько универсален этот вывод? Будет ли таким же действие креолизации для любых текстов на немецком языке в восприятии иностранных обучающихся?

Второй вопрос тесно связан с первым и касается иконического компонента креолизованного текста. Достаточно ли для описанного воздействия самого факта наличия изображения или определенную роль играют параметры иллюстрации? Результаты предшествующих исследований на материале русского языка (как родного) показывают, что большим воздействуемым потенциалом обладает цветовое оформление. Для решения этого вопроса запланирована следующая серия экспериментов с теми же вербальными текстами и иллюстрациями в другой цветовой гамме.

Следующий вопрос касается перечня характеристик, оценка которых проводится по шкалам

семантического дифференциала. Будет ли воздействие креолизации таким же, если оценивать другие параметры текста?

Все представленные выводы, обобщения и вопросы базируются на анализе результатов описанных экспериментов. Поскольку изучение воздействия реальных креолизованных текстов (с определенными параметрами вербальной и визуальной составляющей) на иностранном языке только начинается, предполагаются значительные уточнения, изменения сделанных обобщений, которые ни в коем случае не могут рассматриваться как абсолютное научное знание. Представленный материал скорее играет роль некоторых директив, намечая направления дальнейших исследований. В том, что такие исследования необходимы, нет никаких сомнений, потому что очевидно, что креолизация текста является мощным средством изменения его восприятия, а воздействие креолизации иноязычного текста пока не изучено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вашунина И. В. Специфика формирования образов сознания в речевой деятельности на иностранном языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (845). С. 32–43.
2. Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
4. Вашунина И. В. [и др.] Креолизованный текст: Смысловое восприятие / И. В. Вашунина, А. А. Нистратов, М. О. Матвеев, Е. Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН, 2020.

REFERENCES

1. Vashunina, I. V. (2021). The specifics of the formation of images of consciousness in speech activity in a foreign language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(845), 32–43. (In Russ.)
2. Poljakov, S. Je. (2011) Fenomenologija psihicheskih reprezentacij = Phenomenology of Mental Representations. St.Petersburg: Piter. (In Russ.)
3. Kobozeva, I. M. (2000). Lingvisticheskaja semantika = Linguistic semantics. Moscow: Jeditorial URSS. (In Russ.)
4. Vashunina, I. V., Nistratov, A. A., Matveev, M. O., Tarasov, E. F. (2020). Kreolizovannyj tekst: Smyslovoe vosprijatie = Creolized text: Semantic perception. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вашунина Ирина Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vashunina Irina Vladimirovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor at the Department of Grammar and History of German, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81'42:811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31

Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки)

А. И. Горожанов[1], **Д. В. Степанова**[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
agorozhanov@linguanet.ru

[2]*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь,*
daryastepanova79@gmail.com

Аннотация. Описывается метод автоматической генерации сбалансированного лингвистического корпуса произведения художественной литературы. В качестве материала исследования привлекаются оригинальные тексты трех романов Ф. Кафки. Пошагово описывается двухступенчатый процесс создания корпуса, приводятся листинги программного кода и базы данных XML. Делается вывод о том, что разработанный метод является действенным, погрешность лежит в допустимом диапазоне, тексты романов точно разделены на предложения, части речи, и их атрибуты определены достаточно верно.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, сбалансированный корпус, синтаксическая разметка, морфологическая разметка, обработка естественного языка, немецкий язык, Ф. Кафка, spaCy, Python, XML

Для цитирования: Горожанов А. И., Степанова Д. В. Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 31–37. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31

Original article

Developing of a Balanced Corpus for a Fiction Work (on the material of F. Kafka's novels)

Alexey I. Gorozhanov[1], **Darya V. Stepanova**[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
agorozhanov@linguanet.ru

[2]*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus*
daryastepanova79@gmail.com

Abstract. The paper touches upon a method of automatic generation of a balanced linguistic corpus of a fiction work. As the research material the original texts of three novels by F. Kafka are used. The authors describe a two-step process of creating a corpus, provide listings of programming code and XML databases. The conclusion is made that the developed method is effective, the errors lay in the acceptable range, the texts of the novels are precisely divided into sentences, parts of speech and their attributes are determined fairly correctly.

Keywords: corpus linguistics, balanced corpus, syntactic markup, morphological markup, natural language processing, German language, F. Kafka, spaCy, Python, XML

For citation: Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Developing of a balanced corpus for a fiction work (on the material of F. Kafka's novels). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 31–37. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31

ВВЕДЕНИЕ

В любом корпусном исследовании центральной является проблема формирования корпуса. В предметно-специальной литературе описаны различные способы составления лингвистических корпусов и, в частности, отмечается, что «построение полностью размеченного текстового корпуса представляет собой довольно сложный процесс, требующий усилий многих людей. По этой причине созданием крупных текстовых корпусов занимаются обычно исследовательские группы в специализированных институтах» [Глазкова, 2019, с. 97].

Исследователи также указывают на комплексность процесса создания корпуса: «Создание текстового корпуса – это сложный технологический процесс, включающий как собственно лингвистические процедуры, так и комплекс действий, связанных с автоматизацией данного процесса» [Авдеев, 2019, с. 145]. Таким образом, декларируется обязательный характер автоматизации, хотя и с участием определенных объемов ручной работы.

Вопрос об автоматической генерации корпусов встает особенно остро, поскольку «из-за специфичности лингвистических корпусов и трудности их создания существует проблема ненужности корпусов после выполнения поставленных задач, так как практически всегда корпус создается под конкретную задачу» [Полицын, Полицына, 2019, с. 135].

В этой связи заметим, что далеко не каждое корпусное исследование сопровождается составлением собственного корпуса, а используется, например, открытый национальный корпус [Кристиано, 2020]. Также широко используются компьютерные программы для работы с текстовыми массивами без их предварительной разметки: Zim, Outwiker, AntLab, AntConc и др. [Киргинцева, Жехрова, 2022]. Однако такой подход при кажущейся простоте ставит исследователей в прямую зависимость от типового программного обеспечения и не позволяет реализовать в полной мере задуманное, поэтому некоторые научные коллективы стремятся разработать собственные варианты разметки корпуса и собственные программные продукты для оперирования последними [Максименко, Семина, 2019, с. 110]. Большую свободу действий при работе с неразмеченными текстами дают библиотеки обработки естественного языка [Горожанов, Степанова, 2022, с. 205].

Упомянем также исследования, в которых единицы корпуса укрупняются до целых текстов, имеющих метаописание. Таким образом, корпус фактически представляет собой каталогизированное собрание файлов [Казачкова, Галимова, 2022, с. 36–37]. Такое решение, на наш взгляд, технологически находится где-то между созданием размеченного корпуса и работой с неразмеченным текстом.

В настоящем исследовании мы преследуем цель разработать и описать такой метод генерации лингвистического корпуса произведения художественной литературы, который бы позволил минимизировать долю ручного труда, сведя его до нормализации текста, т. е. до его трансформации в такой формат, который был бы удобен для автоматической обработки специализированным программным обеспечением. Поскольку речь идет не о создании национального корпуса, а о привлечении избранных художественных произведений, мы будем говорить о сбалансированном корпусе.

В качестве морфологической разметки для создаваемого сбалансированного корпуса воспользуемся встроенными установками морфологизатора библиотеки обработки естественного языка spaCy, т. е. прибегнем к так называемому «spaCy-методу» [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022, с. 66]. Языком программирования для разработки специализированного программного обеспечения послужит Python, поскольку spaCy предназначена для работы именно с ним. Создание какого-либо корпусного менеджера в рамках настоящего исследования не планировалось.

Языковой материал исследования представлен текстами трех романов Ф. Кафки: «Замок», «Процесс» и «Америка» на немецком языке, причем текст первого романа является основным и служит цели экспериментальной апробации создаваемого метода, а работа с двумя другими предполагает доказательство валидности метода, т. е. его способности строить лингвистические корпусы практически на любом языковом материале.

ГЕНЕРАЦИЯ ПЕРВОЙ ВЕРСИИ ФАЙЛА СБАЛАНСИРОВАННОГО КОРПУСА

Разрабатываемые лингвистические корпусы в техническом отношении представляют собой базы данных формата XML, который широко используется в различных отраслях народного хозяйства [Сергеев, 2019; Shchekin, Tribushinin, 2020]. Разметка имеет синтаксический и морфологический уровни. Первый заключается в сегментировании предложений, второй – в токенизации каждого предложения с указанием части речи (используются теги) и их характеристик (используются атрибуты). Кроме этого, каждый тег имеет атрибут-порядковый номер: NS для предложений и N для токенов. В качестве токенов spaCy выделяет не только слова, но также знаки пунктуации и даже

символы переноса строк, и скопления пробельных символов. От последних мы отказались, так как в выбранном варианте разметки они дают значительную погрешность по количеству токенов.

Первым шагом составления корпуса романа Ф. Кафки «Замок» явилась нормализация электронного текста романа. Фактически это означало предварительное преобразование файла формата TXT из четырех действий:

1. Убраны заглавие романа, данные об издании, наименования глав и номера страниц.
2. Удалены скопления пробелов (два и более пробела подряд).
3. Символы конца строк и возврата каретки заменены на один пробел (в результате весь текст романа стал одним абзацем).
4. Одинарные кавычки внутри слова замещены на «звездочки», чтобы впоследствии не нарушить структуру файла XML (например, ist's = ist*s).

Далее была написана программа на Python, которая преобразовывала нормализованный текст романа в файл XML по правилам разметки spaCy.

Начало этого файла является стандартным:

```
<?xml version='1.0' encoding='utf-8'?>
```

Все содержимое файла заключено в тег <BOOK></BOOK>. Далее происходит переход на синтаксический уровень разметки, на котором выделяются отдельные предложения и их порядковые номера, например, для первого предложения:

```
<S NS='1'>...</S>
```

Здесь тег для обозначения предложения выбран лично нами; он состоит из одной буквы из соображения экономии дискового пространства.

Каждый тег предложения включает разметку морфологического уровня. Заметим, что наименование тегов не совпадает с наименованиями частей речи или членов предложения по той причине, что терминология spaCy является достаточно своеобразной, подчиненной технической необходимости, поэтому мы посчитали важным отразить это в русском варианте. В качестве значений атрибутов приведены одни из возможных вариантов:

Тег: PRON – местоимение
Атрибуты: Lemma="ich" Case="Nom" Gender="Neut" Number="Sing" Person="3" PronType="Prs"
Тег: AUX – вспомогательное слово
Атрибуты: Lemma=»sein» Mood=»Ind» Number=»Sing» Person=»3» Tense=»Past» VerbForm=»Fin»
Тег: ADV – наречие
Атрибуты: Lemma="spät" Degree="Pos"
Тег: PUNCT – знак препинания
Атрибуты: Lemma=».»
Тег: SCONJ – подчинительный союз
Атрибуты: Lemma=»während»
Тег: PROPN – имя собственное
Атрибуты: Lemma="K." Case="Nom" Number="Sing"
Тег: VERB – глагол
Атрибуты: Lemma="führen" Mood="Ind" Number="Sing" Person="3" Tense="Past" VerbForm="Fin"
Тег: DET – слово-определитель
Атрибуты: Lemma="der" Case="Acc" Definite="Def" Gender="Fem" Number="Sing" PronType="Art"
Тег: NOUN – существительное
Атрибуты: Lemma="Holzbrücke" Case="Dat" Gender="Fem" Number="Sing"
Тег: ADP – предлог
Атрибуты: Lemma="von"
Тег: ADJ – прилагательное
Атрибуты: Lemma="tief" Case="Dat" Degree="Pos" Gender="Masc" Number="Sing"
Тег: PART – частица
Атрибуты: Lemma="zu"
Тег: CCONJ – сочинительный союз
Атрибуты: Lemma=»und»
Тег: X – «другие» части речи, т. е. такие, которые spaCy не сумел идентифицировать или считает иностранными словами для текущего языка
Атрибуты: Lemma=»заимствование» Foreign=»Yes»
Тег: INTJ – междометие
Атрибуты: Lemma=»Ach»
Тег: NUM – числительное
Атрибуты: Lemma=»zwei»

Приведем в качестве примера полностью размеченное первое предложение романа Ф. Кафки «Замок» (см. Листинг 1):

Листинг 1. Размеченное первое предложение романа «Замок»

```
<S NS='1'>
<PRON N='1' Lemma='ich' Case='Nom' Gender='Neut' Number='Sing' Person='3' PronType='Prs'>Es</PRON>
<AUX N='2' Lemma='sein' Mood='Ind' Number='Sing' Person='3' Tense='Past' VerbForm='Fin'>war</AUX>
<ADV N='3' Lemma='spät' Degree='Pos'>spät</ADV>
<ADV N='4' Lemma='abends'>abends</ADV>
<PUNCT N='5' Lemma=','>,</PUNCT>
<SCONJ N='6' Lemma='als'>als</SCONJ>
<PROPN N='7' Lemma='K.' Case='Nom' Number='Sing'>K.</PROPN>
```

```
<VERB N='8' Lemma='ankommen' Mood='Ind'
Number='Sing' Person='3' Tense='Past'
VerbForm='Fin'>ankam</VERB>
<PUNCT N='9' Lemma='.'>.</PUNCT>
</S>
```

Структурная целостность полученного файла XML была проверена с помощью верификационного кода (см. Листинг 2):

Листинг 2. Верификационный код для файла XML

```
# -*- coding: utf-8 -*-
import lxml.etree
tree = lxml.etree.parse('schloss.xml')
```

ГЕНЕРАЦИЯ ВТОРОЙ ВЕРСИИ ФАЙЛА СБАЛАНСИРОВАННОГО КОРПУСА

Несмотря на отсутствие ошибок в полученном файле XML, необходимость его доработки оказалась очевидной. Нормализованный текст романа имел объем 677 КБ, тогда как объем файла XML стал 9134 КБ, т. е. увеличился в 13,5 раз. Такое разительное отличие получилось вследствие длины тегов и атрибутов разметки spaCy, которая нацелена на удобство чтения человеком, а не на «внутреннюю» машинную обработку.

Чтобы сократить размер файла XML, наименования тегов и атрибутов были сокращены до 1-3 символов. Для этого была применена специализированная компьютерная программа (см. Листинг 3):

Листинг 3. Фрагмент кода программы для преобразования тегов и атрибутов

```
# Преобразование тегов
text = text.replace("<PRON", "<PN")
text = text.replace(«</PRON», «</PN»)
text = text.replace(«<AUX», «<AX»)
text = text.replace(«</AUX», «</AX»)
text = text.replace("<ADV", "<AV")
text = text.replace("</ADV", "</AV")
text = text.replace("</PUNCT", "</P")
text = text.replace("<PUNCT", "<P")
text = text.replace("<SCONJ", "<SJ")
text = text.replace("</SCONJ", "</SJ")
text = text.replace(«<PROPN», «<PR»)
text = text.replace(«</PROPN», «</PR»)
text = text.replace(«<VERB», «<V»)
text = text.replace(«</VERB», «</V»)
text = text.replace(«<DET», «<D»)
text = text.replace(«</DET», «</D»)
text = text.replace(«<NOUN», «<N»)
text = text.replace(«</NOUN», «</N»)
text = text.replace(«<ADP», «<AP»)
text = text.replace(«</ADP», «</AP»)
text = text.replace(«<ADJ», «<AJ»)
text = text.replace(«</ADJ», «</AJ»)
text = text.replace(«<PART», «<PT»)
text = text.replace(«</PART», «</PT»)
text = text.replace(«<CCONJ», «<CJ»)
text = text.replace(«</CCONJ», «</CJ»)
text = text.replace(«<INTJ», «<IJ»)
text = text.replace(«</INTJ», «</IJ»)
text = text.replace("<NUM", "<NM")
text = text.replace("</NUM", "</NM")
# Преобразование атрибутов
text = text.replace("Lemma=", "L=")
text = text.replace("Case=", "Cs=")
text = text.replace("Gender=", "Gr=")
text = text.replace("Number=", "Nr=")
text = text.replace("Person=", "Ps=")
text = text.replace("PronType=", "PT=")
text = text.replace("Mood=", "Md=")
text = text.replace("Tense=", "Tn=")
text = text.replace("VerbForm=", "VF=")
text = text.replace("Degree=", "Dg=")
text = text.replace("Definite=", "Df=")
text = text.replace("Reflex=", "Rx=")
```

В результате размеченное первое предложение приняло следующий вид (см. Листинг 4):

Листинг 4. Размеченное первое предложение романа «Замок» после сокращения длины тегов и атрибутов

```
<S NS='1'>
<PN N='1' L='ich' Cs='Nom' Gr='Neut' Nr='Sing' Ps='3'
PT='Prs'>Es</PN>
<AX N='2' L='sein' Md='Ind' Nr='Sing' Ps='3' Tn='Past'
VF='Fin'>war</AX>
<AV N='3' L='spät' Dg='Pos'>spät</AV>
<AV N='4' L='abends'>abends</AV>
<P N='5' L=',',>,</P>
<SJ N='6' L='als'>als</SJ>
<PR N='7' L='K.' Cs='Nom' Nr='Sing'>K.</PR>
<V N='8' L='ankommen' Md='Ind' Nr='Sing' Ps='3'
Tn='Past' VF='Fin'>ankam</V>
<P N='9' L='.'>.</P>
</S>
```

Объем файла XML составил 6952 КБ, т. е. уменьшился в 1,3 раза.

Таким же образом были преобразованы тексты романов «Процесс» и «Америка», объемы которых составили 4632 КБ и 5349 КБ соответственно.

Полученные файлы XML были также успешно программно верифицированы.

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТА

Сгенерированные файлы XML обладают структурной целостностью и с высокой точностью разделяются на предложения. Здесь необходимо заметить, что библиотека spaCy проявляет нетривиальный подход к определению границ предложений, особенно в отношении прямой речи – прямая речь и относящиеся к ней слова автора логично связываются в одно предложение (см. Листинг 5):

Листинг 5. Размеченные как одно предложение прямая речь и слова автора

```
<S NS="7">
<P L="doublequote" N="171">"</P>
<PN PT="Int" Nr="Sing" Gr="Masc" Cs="Nom" L="Wer"
N="172">Wer</PN>
<AX Nr="Plur" L="sein" N="173" VF="Fin" Tn="Pres"
Ps="3" Md="Ind">sind</AX>
<PN PT="Prs" Nr="Plur" Cs="Nom" L="ich" N="174"
Ps="3">Sie</PN>
<P L=»?» N=»175»>?</P>
<P L=»doublequote» N=»176»>»</P>
<V Nr="Sing" L="fragen" N="177" VF="Fin" Tn="Past"
Ps="3" Md="Ind">fragte</V>
<PR Nr=»Sing» Cs=»Nom» L=»K.» N=»178»>K.</PR>
<CJ L="und" N="179">und</CJ>
<V Nr="Sing" L="sitzen" N="180" VF="Fin" Tn="Past"
Ps="3" Md="Ind">saß</V>
<AV L="gleichen" N="181">gleich</AV>
<AV L="halb" N="182" Dg="Pos">halb</AV>
<AV L="aufrecht" N="183" Dg="Pos">aufrecht</AV>
<AP Nr="Sing" Gr="Neut" Cs="Dat" L="im"
N="184">im</AP>
<N Nr="Sing" Gr="Neut" Cs="Dat" L="Bett"
N="185">Bett</N>
<P L=».» N=»186»>.</P>
</S>
```

Что касается определения частей речи и их свойств, то нами была замечена погрешность, степень которой потребовала оценки. Библиотека spaCy, как мы уже выяснили, сама диагностирует свои лакуны и маркирует их тегами X.

В файле XML текста романа «Замок» найдено 37 тегов X из общего количества (131944 токенов). Таким образом, погрешность по внутренней оценке библиотеки составила 0,03 %. Для романов «Процесс» и «Америка» этот показатель соответственно равен 0,01 % и 0,05 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге можно сделать вывод о том, что поставленная цель была достигнута. Метод генерации лингвистического корпуса произведения художественной литературы, который позволил бы минимизировать долю ручного труда, был разработан и апробирован на трех текстах. Ошибок в работе программного обеспечения выявлено не было.

В перспективе планируется апробировать представленный метод на материале русского и английского языков, тщательно проанализировать качество работы морфологизатора spaCy и составить проект корпусного менеджера для осуществления поисковых запросов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глазкова А. В. Формирование текстового корпуса для автоматического извлечения биографических фактов из русскоязычного текста // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Т. 7. № 1. С. 7–103.
2. Авдеев А. А. Технология параллельных корпусов текстов и ее использование в процессе обучения переводу // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2019. № 3(43). С. 140–151. DOI 10.25987/VSTU.2019.42.50.011.
3. Полицын С. А., Полицына Е. В. Применение комплекса инструментов управления корпусами текстов при решении задач компьютерной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2019. № 2. С. 134–142.
4. Кристиано Н. О. Особенности функционирования газетизмов в современных российских СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 267–273. DOI 10.26140/bgz3-2020-0904-0068.
5. Киргинцева Н. С., Жехрова М. В. Разработка профессионально-ориентированного англоязычного учебного корпуса текстов для подготовки авиационных специалистов // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 1. С. 11. DOI 10.17513/spno.31432.

6. Максименко О. И., Семина Т. А. Создание корпуса текстов для анализа тональности // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 3(27). С. 106–113.
7. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208. DOI 10.30853/phil20220020.
8. Казачкова М. Б., Галимова Х. Н. Создание лингвистического корпуса учебников английского языка // Иностранные языки в школе. 2022. № 2. С. 32–38.
9. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения // Вопросы прикладной лингвистики. 2022. № 45. С. 62–89. DOI 10.25076/vpl.45.03.
10. Сергеев А. Н. Разработка учебной документации в электронной среде: применение языка разметки для описания основных профессиональных образовательных программ // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 8. С. 61–65.
11. Shchekin A. V., Tribushinin A. V. XML-Based Network Integration of Information in CAD Systems // Russian Engineering Research. 2020. Vol. 40. No 12. PP. 1073–1077. DOI 10.3103/S1068798X2012045X.

REFERENCES

1. Glazkova, A. V. (2019). Formirovanie tekstovogo korpusa dlya avtomaticheskogo izvlecheniya biograficheskikh faktov iz russkoyazychnogo teksta = Formation of a text corpus for automatic extraction of biographical facts from a Russian-language text. International Journal of Open Information Technologies, 7(1), 97–103. (In Russ.)
2. Avdeev, A. A. (2019). Tekhnologiya parallel'nykh korpusov tekstov i ee ispol'zovanie v protsesse obucheniya perevodu = The technology of parallel text corpora and its use in the process of teaching translation. Scientific journal Modern linguistic and methodological-didactic research, 3(43), 140–151. 10.25987/VSTU.2019.42.50.011. (In Russ.)
3. Politsyn, S. A., Politsyna, E. V. (2019). Primenenie kompleksa instrumentov upravleniya korpusami tekstov pri reshenii zadach komp'yuternoi lingvistiki = Application of a set of text corpus management tools in solving computational linguistics problems. Bulletin of the Voronezh State University. Series: System Analysis and Information Technology, 2, 134–142. (In Russ.)
4. Kristiano, N. O. (2020). Osobennosti funktsionirovaniya gazetizmov v sovremennykh rossiiskikh SMI = Features of functioning of gazettisms in modern Russian mass media. Baltic Humanitarian Journal, Vol. 9, 4(33), 267–273. 10.26140/bgz3-2020-0904-0068. (In Russ.)
5. Kirgintseva, N. S., Zhekhrova, M. V. (2022). Razrabotka professional'no-orientirovannogo angloyazychnogo uchebnogo korpusa tekstov dlya podgotovki aviatsionnykh spetsialistov = Development of a professionally-oriented English-language educational corpus of texts for the training of aviation specialists. Modern problems of science and education, 1, 11. 10.17513/spno.31432. (In Russ.)
6. Maksimenko, O. I., Semina, T. A. (2019). Sozdanie korpusa tekstov dlya analiza tonal'nosti = Creating a corpus of texts for tonality analysis. Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics, 3(27), 106–113. (In Russ.)
7. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Interpretatsiya khudozhestvennogo proizvedeniya: korpusnyi podkhod = Work of fiction interpretation: corpus approach. Philology. Theory & Practice, 15(1), 203–208. 10.30853/phil20220020. (In Russ.)
8. Kazachkova, M. B., Galimova, Kh. N. (2022). Sozdanie lingvisticheskogo korpusa uchebnikov angliiskogo yazyka = Creation of a linguistic corpus of English textbooks. Foreign languages at school, 2, 32–38. (In Russ.)
9. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Instrumentarii avtomatizirovannogo analiza perevoda khudozhestvennogo proizvedeniya = Tools for automated analysis of fiction work translation. Issues of Applied linguistics, 45, 62–89. 10.25076/vpl.45.03. (In Russ.)
10. Sergeev, A. N. (2019). Razrabotka uchebnoi dokumentatsii v elektronnoi srede: primenenie yazyka razmetki dlya opisaniya osnovnykh professional'nykh obrazovatel'nykh programm = Development of educational documentation in an electronic environment: the use of markup language to describe the main professional educational programs. Modern high-tech technologies, 8, 61–65. (In Russ.)
11. Shchekin, A. V., Tribushinin, A. V. (2020). XML-Based Network Integration of Information in CAD Systems. Russian Engineering Research, 40(12), 1073–1077. 10.3103/S1068798X2012045X.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горожанов Алексей Иванович
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Степанова Дарья Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английской речи факультета английского языка Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorozhanov Alexey Ivanovich
PhD (Philology), Associate Professor, Professor at the Department of German Language Grammar and History, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Stepanova Darya Valeryevna
PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and Practice of English Speech, Faculty of the English Language, Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_38

Соотношение стилистических свойств речевых высказываний

Л. Д. Исакова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Isakova_ld@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности стилистического выделения речевых высказываний с точки зрения всех релевантных фоновых условий. В качестве основных стилистических характеристик высказываний представлены соответствие функциональной задаче, индивидуально-ситуативная социологическая характеристика, экспрессивно-стилистические средства выражения. Обоснование выбора языковых средств для речевых высказываний в стилистических целях показано на примере анализа отрывков из научного текста и текста художественной литературы. В представленных текстах проявляются стилистические свойства речевых высказываний в соответствии с коммуникативными целями и особенностями речевой ситуации.

Ключевые слова: стиль, речевое высказывание, функциональная задача, ситуативная характеристика, социологическая характеристика, экспрессивное средство

Для цитирования: Исакова Л. Д. Соотношение стилистических свойств речевых высказываний // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 38–42. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_38

Original Article

Correlation of Stylistic Characteristics of Speech Utterances

Lydia D. Isakova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Isakova_ld@mail.ru

Abstract. The article considers possibilities of stylistic emphasizing of speech utterances taking into account relevant background conditions. As the basic stylistic characteristics of the utterances in accordance with the functional task, sociological individual situation characterization, expressive-stylistic means are chosen. The choice of language means for speech utterances for the stylistic purpose in the article is shown with the many-sided stylistic analysis of the passages from a scientific text and a fiction text. In the texts stylistic features of speech utterances according to communicative task and peculiarities of the speech situation are manifested.

Keywords: style, speech utterance, functional task, situation characterization, sociological characterization, expressive means

For citation: Isakova, L. D. (2022). Correlation of stylistic characteristics of speech utterances. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 7(862), 38–42. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_38

ВВЕДЕНИЕ

Речевое высказывание передает определенную информацию. Данная основная цель речевых высказываний обеспечивается системой всех возможных языковых средств. Выбор же языковых средств зависит от множества сопровождающих факторов, в соответствии с которыми согласуется стиль высказывания. Стиль – это способ языкового выражения, который непосредственно манифестирует высказывание. Речь как продукт языкового творчества всегда своеобразна, индивидуальна именно по своему проявлению. Выбранный способ выражения, выбор языковых средств отвечает задаче именно данного высказывания. При этом учитывается множество различных параметров соответствующей языковой ситуации, среди которых постараемся выделить основные.

СООТВЕТСТВИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗАДАЧЕ

В развитом языке выделяются отдельные подсистемы средств для выполнения типовых функциональных задач: осуществление неофициального общения, осуществление профессионально-деловой коммуникации, передача информации для массового реципиента, передача научной информации, художественно-эстетическое воздействие. Функциональный стиль – это «разновидность языка, вызванная к жизни функцией языкового общения, то есть некоторой обобщенной типизированной целью коммуникации» [Разинкина, 1980, с. 5]. Данные подсистемы языка не являются автономными, они используют выборочно общеязыковые средства, характеризуются частотностью отбора и особенностями функционирования определенных средств в данном стиле. Сравним следующие высказывания в текстах.

Текст 1. *Среднесуточная доза бисопролола к концу титрования (в среднем 3 недели) составила 7,5 мг. Среднесуточная доза верапамила к концу титрования (в среднем 3 недели) составила 240 мг. Завершили второй этап исследования 65 больных. У 1 больной на фоне приема бисопролола возникли одышка и кашель, что потребовало отмены препарата. Через 4 дня кашель и одышка разрешились, была назначена другая ритм-урежающая терапия. Больная была исключена из исследования* [Кольчурина, 2011, с. 13–14].

Текст 2. *Я надумал тогда одну критическую статью, и мне понадобился один роман Теккерея для выписки из него. В библиотеке меня встретила одна барышня (тогдашняя барышня). Я спросил роман; она выслушала меня с строгим видом:*

– Мы такого вздора не держим, – отрезала она мне с невыразимым презрением, которого, ей-богу, я не заслуживал.

Я, конечно, не удивился и понял в чем дело. Тогда много было подобных явлений, и они как-то вдруг тогда начались, с восторгом и внезапностью. Идея попала на улицу и приняла самый уличный вид. Вот тогда-то страшно доставалось Пушкину и вознесены были «сапоги». Однако я всё-таки попытался поговорить:

– Неужели вы считаете и Теккерея вздором? – спросил я, принимая самый смиренный вид.

– К стыду вашему относится, что вы это спрашиваете. Нынче прежнее время прошло, нынче разумный спрос… [Достоевский, 1989, с. 319–320]

Высказывания текста 1 имеют все признаки функционального научного стиля: при описании научного эксперимента высокоинформативные краткие самостоятельные предложения или предложения в составе сложных предложений, насыщенность (медицинской) терминологией (*бисапролол, доза, верапамил, ритм-урежающая терапия* и др.; *титрование* – химический термин), использование общенаучной лексики (*среднесуточный, исследование*), использование нейтральных глаголов описания действий (*составить, завершить, потребовать*), использование безличных предложений и страдательных форм глагола.

Высказывания текста 2 взяты из художественно-публицистического произведения Ф. М. Достоевского «Дневник писателя», в котором соединены различные стили и жанры. Отрывок из фельетона «Несколько заметок о простоте и упрощенности» отражает стиль художественной литературы. Помимо передачи непосредственной информации о происходящем, осуществляется художественно-эстетическое воздействие на читателя с помощью использования экспрессивных эстетических средств (*с строгим видом, отрезала с невыразимым презрением, страшно доставалось Пушкину, принимая самый смиренный вид, самый уличный вид, начались с восторгом и внезапностью* и др.), включения диалогов, обозначения наблюдаемых действий отвлеченными именами существительными (*явление, идея*). Диалоги данного художественного текста отражают разговорный стиль (краткие повествовательные и вопросительные предложения, обмен репликами, возможность фамильярного обращения к собеседнику). Диалоги сопровождаются авторскими комментариями их содержания.

ИНДИВИДУАЛЬНО-СИТУАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Стиль языковых средств для речевых высказываний связан с определенными ситуативными условиями момента высказывания, которые включают характеристику и социальный статус коммуникантов, цель, место высказывания, нормы поведения, отражение состояния социума и языка в данный момент. Коммуникант может продуцировать монологическую или диалогическую речь, характеризоваться как представитель социальной группы и как индивидуум со своими особенностями. В его речи проявляются гендерные свойства, уровень образования и культуры, мировоззрение, ориентирование в окружающем мире, отношение к людям, к жизненным ценностям, психическое состояние – все нюансы речевой ситуации.

В ситуациях использования языка проявляется множество социальных и общеязыковых вариаций его функционирования, для всех языков характерна вариативность реализации [Barbour, Stevenson, 1998, с. 2]. В. И. Карасик подразделяет виды дискурса на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный [Карасик, 2004, с. 233]. В личностно-ориентированном дискурсе отражается поведение личности с её личностными характеристиками. В статусно-ориентированном дискурсе продуцент речи выступает как представитель определенной общественной группы. Институциональный дискурс отражает особенности речевых высказываний соответствующих общественных институтов.

Текст 1 характеризует институциональный дискурс медицинского направления. Здесь нет явного проявления индивидуальных свойств автора, который выступает представителем ученых в области медицины. Его индивидуальное использование языковых средств направлено на восприятие научной информации коллегами учеными. Поэтому в высказываниях приветствуется серьезный тон повествования, направленность на полную ясность передачи информации, использование всем понятных языковых клише (*доза составила 7,5 мг, на фоне приема, назначена терапия*). Статус автора – равноправное положение с другими учеными.

В тексте 2 мы наблюдаем личностно-ориентированный дискурс. Здесь показателен диалог между писателем в статусе посетителя библиотеки и девушки-библиотекаря. Речь посетителя, интеллигентного человека, спокойна, он желает получить необходимую книгу. Услышав мнение библиотекаря о спрашиваемом авторе, посетитель все-таки пытается узнать причину такого недоброжелательного отношения к названному автору и получает ещё более недоброжелательный ответ. Девушка-библиотекарь находится в статусе распоряжающегося человека, находящегося по положению выше посетителей, разговаривает используя надменный тон: ведет разговор с строгим видом, отвечает на вопросы с невыразимым презрением. Она уверена, что её мнение непререкаемо. Произведения английского автора, к которым посетитель проявил интерес, называет вздором и даже упрекает спрашивающего в том, что он вообще может интересоваться таким вздором: «К стыду вашему относится то, что вы это спрашиваете. Нынче прежнее время прошло, нынче разумный спрос». Поведение и речь библиотекаря отражает низкий уровень воспитания и культуры человека.

Характеристика использованного языка включает также исторический момент его развития. Текст 1 отражает использование терминологии, актуальной для современных научных текстов медицинского профиля. В тексте 2 некоторые лексемы и выражения характерны для русского языка XIX века: *спросить роман, нынче, прежнее время прошло*.

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

При передаче информации в речевых высказываниях используются разнообразные экспрессивные средства выразительности с целью обратить внимание реципиента на определенные моменты высказывания. С помощью средств экспрессивности данные моменты выделяются на общем фоне, когда подчеркивается их значимость для восприятия. Фонетические средства экспрессивности используются в устной речи, на письме они отражаются описанием автора или графическими средствами.

Наибольшего многообразия достигают в этом отношении лексические средства: выбор особых экспрессивных лексем, устаревших или уникальных слов, разнообразных словообразовательных средств, различных типов фразеологизмов. Грамматические средства экспрессивности включают особенности образования грамматических форм, сочетаемость отдельных частей речи, возможности синтаксического построения высказываний. Вариативность синтаксических структур и возможные способы их варьирования создают предпосылки для стилистического синтаксиса [Брандес, 2004, с. 299].

Отдельно для выражения экспрессивности выделяются стилистические приемы. Фигуры речи и тропы, образованные на основе вторичной номинации, выражают эмоциональное и оценочное отношение к субъектам и объектам возникшей ситуации вербального общения. Необходимо также иметь в виду, что речевые высказывания отражают общий стиль повествования с точки зрения выбора языковых средств: нейтральный, высокий, сниженный. Экспрессивные выразительные средства речи характеризуют не только функциональный стиль художественной литературы и разговорный стиль, но в разной степени все стили, они помогают обратить внимание на важные моменты передаваемой информации. Исследователи отмечают использование специальных выразительных средств, например, в научных текстах [Riesel, 1954, с. 10; Саламова, 1994, с. 16].

Речевые высказывания в научном тексте 1 характеризуются нейтральным стилем. Для привлечения внимания к информации осуществляется повтор синтаксической конструкции и лексического наполнения двух первых предложений, повтор начала предложения: «Среднесуточная доза бисопролола к концу титрования (в среднем 3 недели) составила 7,5 мг. Среднесуточная доза верапамила к концу титрования (в среднем 3 недели) составила 240 мг».

Текст 2 передает атмосферу недоброжелательного отношения к посетителям со стороны девушки-библиотекаря, восприятие этой атмосферы посетителем, и соответственно текст насыщен выразительными средствами литературного произведения. Выбор лексики для передачи атмосферы происходящего (*пытался поговорить, с строгим видом, с невыразимым презрением, смиренный вид, уличный вид*), использование названных выразительных эпитетов, яркие метафорические переносы для наглядности описания (*романы Теккерея – вздор, подобные явления начались с восторгом и внезапностью, идея попала на улицу, приняла уличный вид, тогда-то страшно доставалось Пушкину, вознесены были «сапоги»*). Метафора *сапоги* взята из экспрессивной характеристики Ф. М. Достоевским идей журнала «Русского слова» – «Сапоги выше Пушкина».

Доверительное отношение к читателю проявляется автором в словах *ей-богу, не заслуживал*. Стилистический синтаксис для подчеркивания мысли представлен анафорическим повтором (*нынче прежнее время прошло, нынче разумный спрос*). Стилистический эффект производит и противопоставление спокойных нейтральных реплик посетителя и резких поучительных фраз девушки-библиотекаря. Диалог представлен краткими высказываниями. Пунктуационное средство многоточие в конце реплики библиотекаря означает нежелание продолжать разговор, когда, по мнению говорящего, и так всё достаточно ясно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стилистическая характеристика речевых высказываний отражает многосторонние проявления их выразительности при передаче информации, выступающие во взаимодействии. Речевое высказывание соответствует нейтральному, высокому или сниженному стилю изложения.

Выбор языковых средств основывается на подсистеме соответствующего функционального стиля, которая не является автономно ограниченной, а дает направленность в выборе необходимых языковых средств в соответствии с основной функциональной задачей: передача научной информации, осуществление неформального общения, художественно-эстетическое воздействие и т. д.

Далее, структура и выбор языковых средств для речевого высказывания ориентируются на ситуативные обстоятельства, на речевые особенности адресанта и адресата высказывания в соответствии с их положением и задачами высказываний, отражение и взаимодействия статусов коммуникантов, на исторические особенности использования языка. Весь спектр ситуативного окружения проявится в стилистическом использовании языковых средств.

Продуцент речи использует для выразительности высказываний, для привлечения внимания к важным моментам высказывания различные экспрессивные средства – стилистические приемы: выбор выразительной лексики, эпитетов, тропов, средства стилистического синтаксиса. Использование многообразных стилистических средств делает речь выразительной, оригинальной, интересной для восприятия.

Выделенные свойства стилистического оформления высказываний проявляются в тесном взаимодействии, отражают разносторонние подходы к выражению содержания высказываний и в конечном итоге обеспечивают выполнение намерения человека, воспользовавшегося речью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Разинкина Н. М. Развитие языка английской научной литературы. Лингвостилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980.
2. Кольчурина А. В. Особенности переносимости физических нагрузок у больных с постоянной формой фибрилляции предсердий в зависимости от ритм-урежающей терапии: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2011.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: избранные страницы. М.: Современник, 1989.
4. Barbour St., Stevenson P. Variation im Deutschen. Soziolinguistische Perspektiven. Übersetzt aus dem Engl. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1998.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс (на материале немецкого языка): учебник. 3-е изд., переработанное и дополненное. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.
7. Riesel E. Abriss der deutschen Stilistik. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1954.
8. Саламова Ф. У. Коммуникативно-стилистические особенности научно-технического текста (на материале англоязычной периодики по горному делу): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

REFERENCES

1. Razinkina, N. M. (1980). Razvitiye yazika angliyskoy nauchnoy literaturi. Lingvostilisticheskoye issledovaniye = The development of the language of English scientific literature. Linguistic and stylistic research: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Kolchurina, A. V. (2011). Osobennosti perenosimosti fizicheskikh nagruzok u bolnykh s postoyannoy formoy fibrillatsii predserdiy v zavisimosti ot ritm-urezhayuschey terapii = Features of physical activity tolerance in patients with a permanent form of atrial fibrillation, depending on rhythm-reducing therapy: abstract of PhD in Medicine. Moscow. (In Russ.)
3. Dostoyewskiy, F. M. (1989). Dnevnik pisatelya: izbranniye stranitsi = Writer's Diary: selected pages. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)
4. Barbour, St., Stevenson, P. (1998). Variation im Deutschen. Soziolinguistische Perspektiven. Übersetzt aus dem Engl. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
5. Karasik, V. I. (2004). Yazikovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs.= Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
6. Brandes, M. P. (2004). Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs (na materiale nemetskogo yazika) = Text stylistics. Theoretical course (based on the material of the German language): textbook. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Progress-Traditsiya; INFRA-M. (In Russ.)
7. Riesel, E. (1954). Abriss der deutschen Stilistik. Moscow: Izd-vo literaturi na inostrannikh yazikakh.
8. Salamova, F. U. (1994). Kommunikativno-stilisticheskiye osobennosti nauchno- tekhnicheskogo teksta (na materiale angloyazychnoy periodiki po gornomu delu) = Communicative and stylistic features of the scientific and technical text (based on the material of the English-language periodicals on mining): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исакова Лидия Дмитриевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Isakova Lydia Dmitrievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor at the Department of a Second Foreign Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_43

Роль модальной структуры в раскрытии категории «образ автора» в ток-шоу как типе дискурса

А. С. Конькова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
malina-a@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале фрагментов программ немецкоязычных ток-шоу раскрывается роль показателей модальной текстовой структуры в выражении субъективного отношения автора к теме дискуссии, коммуникантам и их позиции. Комплексный метод анализа модальной структуры, включающий оценку контекстной ситуации, отбор и классификацию используемых автором речевых средств в соответствии с поставленной на определенном этапе развития текста задачей, раскрывает дискурсивный потенциал модальной структуры в реализации основного замысла модератора.

Ключевые слова: дискурс, текст, адресант, адресат, категория «образ автора», модальная структура, наклонение

Для цитирования: Конькова А. С. Роль модальной структуры в раскрытии категории «образ автора» в ток-шоу как типе дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 43–48. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_43

Original article

The Role of Modal Structure in the Disclosure of the Category “Image of the Author” in the Talk-show as a Type of Discourse

Alina S. Konkova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
malina-a@yandex.ru

Abstract. The article reveals the significance of indicators of the modal text structure for expressing the subjective attitude of the author to the topic of discussion, the communicants and their position based on the fragments of German-language talk-shows. A complex method for analyzing the modal structure, including an assessment of the contextual situation, selection and classification of the speech means used by the author in accordance with the task set at this stage of the development of the text, reveals the discursive potential of the modal structure in the implementation of the main intention of the moderator.

Keywords: discourse, text, addressee, addressee, category “image of the author”, modal structure, mood

For citation: Konkova, A. S. (2022). The role of modal structure in the disclosure of the category “image of the author” in the talk-show as a type of discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 43–48. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_43

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе лингвистического знания исследования дискурса, проводимые в рамках когнитивно-коммуникативного подхода (Ван Дейк, Ю. С. Караулов, В. В. Петров, М. Ю. Олешков, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова и др.), являются наиболее перспективными и позволяют вслед за К. П. Корнердингом определить «дискурс» как «межличностную коммуникацию» [Kornerding, 2009]. Такое понимание дискурса дает нам возможность представить дискурс «ток-шоу» в виде коммуникативного акта, включающего в себя этапы порождения, наличие стратегического плана и прагматическую составляющую. Наличие текста, обладающего семантической связностью на уровне макроструктуры и коммуникативной и структурной связностью на уровне суперструктуры является, наряду с «ситуацией общения» и «коммуникантами», компонентом дискурса ток-шоу.

Доминирование адресанта (ведущего) влияет на коммуникативную структуру дискурса ток-шоу (распределение инициативы и ход развития темы дискуссии), так как в его компетенцию входит выбор следующего говорящего, решение о передаче или изъятии права на речь. Кроме того, он является «носителем» основного замысла, а значит автором создаваемого текста. В связи с этим обращение к категории «образ автора» в рамках дискурса «ток-шоу» предполагает анализ речевых действий модератора, направленных на выражение оценки происходящего и продвижение своего намерения.

Категория «образ автора» вызывает интерес как у исследователей в области литературоведения (Б. М. Эйхенбаум, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Б. О. Корман, Н. М. Годенко, Е. И. Орлова и др.), так и у ученых-лингвистов (В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Н. А. Кожевникова, Н. С. Валгина и др.). Будучи ключевой категорией для понимания основного смысла текста и имеющей различные возможности трактования, категория «образ автора» не теряет своей актуальности, а ее исследования раскрывают новые грани данного понятия в зависимости от стоящих перед автором задач, типа анализируемого текста, области исследования и т. д.

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью дальнейшего анализа средств реализации категории «образ автора» в текстах нехудожественной литературы.

Цель настоящей статьи – определить, как показатели модальной текстовой категории раскрывают такой аспект категории «образ автора», как субъективное отношение автора текста ток-шоу (ведущего) к обсуждаемой проблеме, коммуникантам и т. д.

Данная цель определяет постановку и решение следующих задач. В теоретической части статьи уточняется понимание категории «образ автора» в рамках дискурса «ток-шоу» и дается краткая характеристика компонента дискурса ток-шоу «текст». Вторая часть статьи носит теоретико-практический характер. На примере фрагментов программ немецкоязычных ток-шоу нами анализируются лексические и грамматические средства, раскрывающие дискурсивный потенциал модальной текстовой категории в реализации основного замысла ведущего.

КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ АВТОРА» КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Предложенный В. В. Виноградовым термин «образ автора» является многоаспектным, охватывающим пространственно-временную ось текста, референциальную и модально-оценочную структуры. Согласно Л. А. Ноздриной, большинство исследователей (Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов, В. В. Виноградов, Г. А. Гуковский, З. Я. Тураева и др.) отмечают, что данная категория является определяющей в выборе языковых средств [Ноздрина, 2009]. Так, В. В. Виноградов, рассматривая категорию «образ автора» как отражение личности автора, указывает на то, что в ее основе лежит не только мировоззрение автора, но и присущее ему речевое поведение [Виноградов, 1980]. Л. А. Новиков отмечает, что «выражая суть текста и концентрируя его идейное, композиционно-структурное и языковое (стилевое) единство, “образ автора” как своеобразная иерархически самая высокая текстовая категория представляет собой детерминанту текста – главную особенность его содержания и структуры, определяющую его специфику, направление и характер его развертывания и развития» [Новиков, 2001, т. 2, с. 185].

Известно, что особенности функционирования данной категории рассматриваются, прежде всего, на основе текстов художественной литературы, но есть примеры анализа данной категории в жанрах научного (Н. С. Валгина, Ван Лэлэ) и публицистического (И. И. Бакланова) дискурсов. Термин «образ автора» в контексте дискурса ток-шоу рассматривается в настоящей статье с точки зрения оценки субъективного отношения автора (модератора) к проблематике текста с учетом того, что все усилия автора направлены на осуществление своего глобального замысла.

ТЕКСТ – ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ДИСКУРСА ТОК-ШОУ

Анализ языковых средств, выражающих авторскую позицию, осуществляется в рамках текста ток-шоу, который является конечным продуктом

«коммуникативного акта» и вербальным компонентом дискурса ток-шоу.

Текст ток-шоу характеризуется смысловой, коммуникативной и структурной связностью. Смысловая связность включает в себя поверхностную структуру текста и дискурсивное окружение (знания коммуникантов, предшествующие тексты, информационное пространство социума). Коммуникативная связность обеспечивается очередностью выступлений всех участников коммуникативного акта. Средствами выражения структурной связности являются коммуникативные тактики.

Текст ток-шоу создается в реальном времени и состоит из реплик всех участников коммуникативного процесса, являющихся носителями представлений, знаний и т. д., поэтому главная задача ведущего, как организатора данного коммуникативного акта и автора создаваемого текста, видится в том, чтобы свести все позиции к единственно верной (соответствующей его собственной), обеспечить контроль над протеканием хода дискуссии и оказать влияние на адресата с целью изменения картины мира или ее фрагмента.

Актуализаторами текста ток-шоу являются грамматические категории, чьи показатели формируют одноименные текстовые структуры (локальная, темпоральная, персональная, модальная, референциальная) и, следовательно, задают темпоральную и локальную ось текста, обеспечивают преемственность темы во всех функциональных частях текста ток-шоу (референциальная структура) и раскрывают позицию автора (персональная и модальная структуры).

АНАЛИЗ МОДАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА ТОК-ШОУ

Модальная категория, одна из пяти текстовых категорий, является ключевой в понимании целостности текста.

Определения модальности В. Г. Адмони, О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова, П. Я. Гальперина, Е. В. Гулыга, В. В. Дружининой и др. указывают на наличие прямо или косвенно выраженного субъективного отношения писателя к создаваемому им миру [Гальперин, 2007] или говорящего – к содержанию высказывания [Ахманова, 2004]. О. С. Ахманова говорит также о том, что данная понятийная категория несет в себе отношение содержания высказывания к действительности, которое выражается такими лексическими и грамматическими средствами, как форма наклонения, модальные глаголы и т. д. [там же].

В тексте ток-шоу находят выражение грамматические и лексические средства для передачи разных степеней модальных отношений, поскольку ведущему необходимо ставить перед коммуникантами, а также самому решать конкретные задачи на разных этапах программы: поощрить инициативу партнера по коммуникации, навести на желаемую тему, уклониться от навязываемой темы, вовремя перехватить инициативу и передать следующему участнику и т. д. Для партнеров по коммуникации и главного прогнозируемого адресата (зрителя) данные показатели служат сигналами, по которым можно определить субъективное восприятие ведущим происходящего, проследить «движение» его мысли и «движение» темы текста соответственно.

В качестве средств выражения модальной структуры могут выступать модальные частицы, уточняющие значения других слов, словосочетаний и предложений. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Moderatorin*: Und ***wieso*** hängst du an ihm, wenn es so doof war?
*Jacklin: I*ch weiß es nicht. Also, es ist meine große Liebe. Und ich liebe ihn einfach (*Britt, der Talk um Eins. 22.04.2013*).

В примере (1) с помощью восклицательной частицы *wieso* ведущая выражает удивление. Для адресата (зрителя) это сигнал, что она не понимает героиню и не разделяет ее точку зрения.

(2) *Expert*: Ich glaube, das ist bei den Grünen nachhaltiger. Sie haben Glück mit dieser Doppelpersonalie (Annalena Baerbock und Robert Habeck). In der B-Note 5,9 – 5,8, wie sie das bisher gemacht haben.
Moderator: ***Okay*** (*Markus Lanz. 27.06.2019*).

В примере (2) ведущий реагирует на высказывание эксперта с помощью модальной частицы *okay*, давая понять, что он следит за ходом дискуссии и поощряет позицию партнера по коммуникации.

(3) *Rose*: Aber Heidelberg hat keine Zuständigkeit, weil die Herausgabe dieses…dieser Weltwoche in der Schweiz ist. Der schweizerische Presserat hat das in einer für mich noch nie da gewesenen in der Weise verurteilt. Also…
Moderatorin: Das ***genau*** (*Menschen bei Maischberger. 23.11.2012*).

В примере (3) модальная частица *genau* в реплике ведущей указывает на полное взаимопонимание между коммуникантами и поддержку позиций друг друга.

(4) *Expertin:* ...Es gibt diesen Punkt, dass man Sportlern, die eben Personen des öffentlichen Lebens sind...dass man die Hoffnung hat, die Erwartung hat, dass sie auch besonders verantwortungsvoll sind, ja. Und wir stellen hier fest, nein, das sind sie häufig nicht.
Moderatorin: ***Ja, aber*** es berührt einen Punkt, an dem sich doch wiederum der tiefe Graben auch in Deutschland zeigt, nämlich das Impfen. Das Impfen ist ein Punkt, bei dem der Spaß aufhört bei vielen. Am Montag waren es ein tausend Protestaktionen in Deutschland (*Maischberger. Die Woche.12.01.2022*).

В примере (4) диалоговая частица *ja* указывает на то, что ведущая соглашается с позицией эксперта. Союз *aber* открывает новый вектор развития дискуссии.

(5) *Expert*: ...Was hat mich diese Woche richtig geärgert – die Diskussion über die Impfpflicht, die jetzt geführt wird, hätten wir vor einem halben Jahr führen müssen, als alle gesagt haben, wir brauchen die Impfpflicht.
Moderatorin: ***Ja***, wir führen sie auch heute. Wir werden sie politisch diskutieren. ***Aber erst einmal*** zu den Demonstrationen (*Maischberger. Die Woche.12.01.2022*).

Та же диалоговая частица *ja* в примере (5) сообщает о том, что предложенная экспертом информация не является важной на данном этапе развития темы. Ведущая перехватывает инициативу и следующим шагом восстанавливает ход дискуссии.

(6) *Rose*: Andre Schulze ist skandalös.
Moderatorin: Dürfen wir einmal darüber reden, dass...
Rose: ...Auch einmal ... ich möchte...
Moderatorin: ***Nein***. Sie haben schon gesagt, dass sie... (*Menschen bei Maischberger. 23.11.2012*).

В примере (6) отрицательной частицей *nein* ведущая блокирует попытки участника владеть правом на речь и уклоняется от навязываемой им темы.

К лексическим средствам, раскрывающим позицию автора, относятся модальные наречия и слова, выражающие эмоциональное отношение говорящего (ведущего). Обратимся к следующим примерам:

(7) *Moderatorin*: ***Danke schön***. Ein netter Empfang, jedenfalls ***vielen Dank***. ***Schön, dass Sie hier sind***. Und ***danke für sehr freundlichen Empfang*** (*Anne Will. 22.11.2012*).

В примере (7) ведущая приветствует зрительскую аудиторию дружественными словами, которые задают с первых минут эфира благоприятную атмосферу и способствуют установлению контакта с адресатом (зрителем).

(8) *Moderatorin*: Ok. Aber ***doof*** ... Wenn der Kerl merkt, dass er mit dem Mädel alles machen kann, was er will, es ist nicht so gut (*Britt, der Talk um Eins. 22.04.2013*).

В примере (8) наречием *doof* ведущая определяет ситуацию как нелепую, что косвенно указывает на ее несогласие с позицией коммуниканта.

(9) *Moderatorin*: Das ist ***toll, echt gut, echt gut***. Aber, ***um Gottes willen***, wir wollen heute nicht über Figurenprobleme oder irgendwas sprechen... (*Britt, der Talk um Eins. 22.04.2013*).

В примере (9) ведущая, с одной стороны, признает правомерность замечания и речевыми действиями *toll* и *echt gut* поощряет своего партнера по коммуникации. С другой стороны, с помощью идиоматического выражения *um Gottes willen* ведущая уклоняется от навязываемой ей темы, указывая на то, что предлагаемый участником тезис не имеет значения для развития основной темы программы. Союз *aber* усиливает данное впечатление.

В качестве актуализаторов модальной текстовой категории выступают также модальные глаголы, несущие в себе модальную характеристику отношений внутри предложения. Иллюстрациями служат следующие примеры:

(10) *Moderator*: ***Dürfen*** wir einmal darüber reden, dass... (*Studio Friedmann. 27.06.2013*).

(11) *Moderatorin*: ***Können*** wir Herrn Hermann in die Diskussion einbinden, indem... (*Menschen bei Maischberger. 23.11.2012*).

В примерах (10), (11) употребление модальных глаголов *dürfen* и *können* объясняется необходимостью призвать героев перейти к обсуждению следующего вопроса.

(12) *Moderatorin*: Ich ***soll*** Sie ganz kurz ***unterbrechen***, sonst wird kein Mensch mehr... so ich möchte jetzt ganz kurz... Herr Rose, würden Sie ein klein... darf man ganz kurz einen ... einen Anruf machen, Herr Rose?
Rose: Bitte (*Menschen bei Maischberger. 23.11.2012*).

В примере (12) глагол *unterbrechen* в сочетании с модальным глаголом вынужденного долженствования в форме третьего лица единственного числа *soll* указывает на необратимость решения ведущей забрать у данного эксперта инициативу.

(13) *Moderator*: Ich bin Jürgen Fliege und ***muss mich mit einem Thema beschäftigen*** ...ich ***rede darüber*** wie Krebs eventuell verunstalten kann und was eigentlich durch Brustkrebs alles entstehen kann, und wie man es eventuell verhindern kann oder aber wie man das heilen kann (*Talkshow Fliege. Helfen – heilen – Horizonte. 2010*).

В примере (13) с помощью модального глагола *müssen* ведущий указывает на необходимость обсуждения актуальной темы.

(14) *Moderatorin*: Ich ***will*** Herrn Möller ***in die Diskussion einholen***. *Er ist ein überzeugter Atheist. Ich glaube, kein Militanter ist. Ein junger Mann noch, 32. <...> mit 10 aus Religionsunterricht rausgegangen nach dem Motto, dass ...das bringt mir auch nix. <...> sagen Sie dann, es gibt doch so was, wie Leben nach dem Tod?* (*Anne Will. 22.11.2012*)

Пример (14) иллюстрирует момент программы, когда ведущая с помощью модального глагола *wollen* выражает пожелание привлечь к дискуссии следующего участника, чье выступление внесет вклад в развитие темы. Она обобщает информацию о нем, приводя факты из его биографии, важные для понимания его позиции, затем описывает проблему и задает вопрос.

(15) *Moderatorin*: Frau Roth, wir haben ganz wenig Zeit... ***lassen Sie uns nicht über Syrien noch reden***. Wir reden über eine Situation, die sich zuspitzt, weil wir einen Zuzug haben, der ist nicht in hundert Tausenden, sondern das ist eben... (*Menschen bei Maischberger. 23.11.2012*).

(16) *Moderator*: Herr Rabe, ***lassen Sie doch mal über Nachdenken reden***, und nicht über die Revolution. Also, die Deutschen sind ja fürs Nachdenken (*Hart aber fair. 05.05.2015*).

В примерах (15) и (16) ведущий употребляет глагол *lassen* в значении модального глагола, перехватывает инициативу у коммуниканта и осуществляет контроль над развитием темы.

Выделенные нами лексические средства передачи субъективного отношения автора к теме и коммуникантам являются наиболее частотными актуализаторами модальной структуры текста ток-шоу.

К грамматическим средствам относятся формы наклонения глаголов. В немецком языке известно три наклонения: индикатив, императив и конъюнктив. Использование форм индикатива указывает на то, что ведущий оценивает происходящее как нечто реальное, не подвергающееся сомнению.

(17) *Moderator*: Es ***ist*** ja nicht erwünscht, weil die Lehrer, die nach diesen Methoden ***unterrichten, weisen*** ausdrücklich darauf. Wir ***haben*** das auch im Film ***gesagt***. Die Eltern ***sollen*** nicht ***korrigieren***, das ***kommt*** von selbst (*Hart aber fair. 05.05.2015*).

Формулируя тезис в изъявительном наклонении в примере (17), ведущий предполагает, что данная информация будет восприниматься адресатом как некий факт.

С помощью форм императива ведущий побуждает участников к определенным вербальным действиям и часто обнаруживает свое негативное отношение к происходящему.

(18) *Moderator*: Herr Kraus, ***bleiben wir*** doch mal bei dem Beispiel, wenn Sie sagen; dass ist nicht die Aufgabe der Schule. Was spricht denn dagegen... (*Hart aber fair. 05.05.2015*).

Употребление формы императива в примере (18) свидетельствует о категоричном решении ведущего остаться при выбранной теме и намечает соответствующий план дальнейшей схемы аргументации.

Формы конъюнктива сообщают, что происходящее оценивается ведущим субъективно в зависимости от степени его осведомленности и, следовательно, может восприниматься как потенциальное, ирреальное, предполагаемое, подвергающееся сомнению.

(19) *Moderatorin*: ***Möchten*** Sie Sinti und Roma zu Nachbarn haben? (*Menschen bei Maischberger. 23.11.2012*).

(20) *Moderator*: Also, wird eine kurze Nacht, wenn niemand Abi gemacht hat in Deutschland, ***sollte*** der in der Lage sein sich im Leben eines Erwachsenen zurechzufinden? Ist das auch das Ziel des Abis? (*Hart aber fair. 05.05.2015*).

В примерах (19), (20) формулировка тезиса в виде вопроса с использованием формы конъюнктива II передает сомнение автора в получении положительного ответа и заставляет прогнозируемого адресата соотнести ситуацию со своим опытом и выстроить предположения о дальнейшем развитии темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ показал, что для текста ток-шоу характерна смешанная модальная сетка, а выбор средств реализации модальной текстовой категории зависит от намерения ведущего выразить то или иное модальное значение. Адресат (зритель) получает представление об отношении ведущего к теме дискуссии, перенимает данную модель на подсознательном уровне и в ходе программы утверждается в ее правильности. Следовательно, модальная структура, играя значительную роль в раскрытии категории «образ автора», функционирует наряду с другими текстовыми структурами (темпоральной, локальной, персональной, референциальной) в качестве средства реализации авторского замысла.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kornerding K. P. Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Bd. 53 / E. Felder (Hrsg.). Berlin ; Heidelberg: Springer-Verlag, 2009.
2. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
4. Новиков Л. А. Избранные труды: в 2 т. М.: РУДН, 2001. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд. М.: КомКнига, 2007.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1969.

REFERENCES

1. Kornerding, K. P. (2009). Discourse linguistics – a new linguistic sub-discipline. In E. Felder (ed.), Language. Heidelberg yearbooks (vol. 53). Berlin ; Heidelberg: Springer Verlag.
2. Nozdrina, L. A. (2009). Interpretacija hudozhestvennogo teksta. Poetika grammaticheskikh kategorij = Interpretation of a literary text. Poetics of grammatical categories. Moscow: Drofa. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. (1980). Izbrannye trudy. O yazyke hudozhestvennoj prozy = Selected works. About the language of fiction. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Novikov, L. A. (2001). Izbrannye trudy = Selected works: in 2 vols. (Vol. 2. Aesthetic aspects of language. Miscellanea). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
5. Gal'perin, I. R. (2007). Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. 4th ed. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
6. Akhmanova, O. S. (1969). Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of linguistic terms. 2nd ed. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Конькова Алина Сергеевна
старший преподаватель, кафедра второго иностранного языка
Института иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konkova Alina Sergeevna
Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language,
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_49

Основные характеристики китайской и русской фразеографии

В. М. Костева[1], **Чэнь Сыфань**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*vmkosteva@gmail.com*
[2]*tchensyfan@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ русской и китайской фразеографической практики в ее диахронии. Авторы представляют основные характеристики этапов развития практической фразеографии в данных странах, приводят типологию словарных источников, отмечают возможные направления развития данной отрасли языкознания и лакуны в словарном представлении фразеологизмов. В результате проведенного анализа авторы делают вывод о наличии имманентных законов развития фразеографии.

Ключевые слова: словарь, источник, фразеография, фразеографическая практика, фразеологическая единица, идиома, толкование, кодификация

Для цитирования: Костева В. М., Сыфань Ч. Основные характеристики китайской и русской фразеографии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 49–55. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_49

Original article

Main Characteristics of Chinese and Russian Phraseography

Victoria M. Kosteva[1], **Chen Sifan**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*vmkosteva@gmail.com*
[2]*tchensyfan@yandex.ru*

Abstract. The article presents a comparative analysis of Russian and Chinese phraseographic practice in its diachrony. The authors present the main characteristics of the stages of development of practical phraseography in these countries, give a typology of dictionary sources, point out possible directions for the development of this branch of linguistics and gaps in the dictionary representation of phraseological units. As a result of the analysis, the authors conclude that there are immanent laws of the development of phraseography.

***Keywords*:** dictionary, source, phraseography, phraseographic practice, phraseological unit, idiom, interpretation, codification

For citation: Kosteva, M. R., Sifan, Ch. (2022). Main characteristics of Chinese and Russian phraseography. Vestnik of Moscow State Linguistics University. Humanities, 7(862), 49–55. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_49

ВВЕДЕНИЕ

Владение идиоматикой родного или иностранного языка является показателем высокой степени культуры владения языком. Для усвоения идиоматического компонента требуется, как правило, фразеологический словарь, составление которого относится к такой области, как фразеография. Будучи относительно молодой отраслью научного знания, фразеография, тем не менее, уже имеет свои традиции, закономерности развития и характеристики. В частности, можно говорить о сложившихся типологии фразеографических источников, традициях и способах семантизации фразеологических единиц (далее – ФЕ).

История развития китайской фразеографии в современной теории фразеографии представлена отдельными работами, но эксплицитный сопоставительный анализ развития фразеографии на современном этапе с учетом развития корпусной лингвистики в России и Китае пока не был осуществлен. Как правило, современные исследования касаются сопоставления ФЕ разного типа и их кодификации в словарях (см., например, работы Су Муюань [Су Муюань, 2019], Го Ниннин [Го Ниннин, 2013]).

С этой точки зрения сопоставление теоретической и практической фразеографии на материале двух языков и выявление лакун представляется довольно актуальным и перспективным.

РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОГРАФИИ В КИТАЕ

Первым официальным лексикографическим источником, посвященным кодификации фразеологизмов, можно считать справочник по фразеологизмам «Фразеологизмы шести ведомств» [六部成语, 1742]. Представленные ФЕ были распределены по шести ведомствам (имеются в виду ведомства центрального правительства, начиная с династии Суй и до конца династии Цин): чиновники, домашнее хозяйство, ритуалы, солдаты, наказания и работа (1742 г.). К числу таковых относились, например, такие устойчивые выражения, как:

> 举手加额 ［释义］：将双手举起，与自己面额相齐，乃喜悦之礼。在清代，官员上奏皇帝的奏折中常用此词。 [六部成语, 1742, с. 211] – *букв.* ‘поднять руку, чтобы увеличить сумму’ [толкование]: «Поднимать руки к лицу – этикет радости. Во времена династии Цин это слово часто использовалось в докладах императору»[1].

Нельзя сказать, что это были ФЕ в современном понимании, однако кодификация устойчивых выражений означала первый шаг по направлению к созданию фразеографической традиции.

Словарю «Фразеологизмы шести ведомств» последовали другие лексикографические произведения, в которых были описаны ФЕ. Эти источники также не обладали репрезентативностью, их словник составлял в основном менее 5000 единиц, выбор которых был довольно случаен. 80 % относились к неидиоматическим выражениям. Например, в «Практический фразеологический словарь» включено более 2000 часто используемых фразеологизмов (чэнъюй), в основном двухсимвольных и четырехсимвольных. Но многие двухсимвольные конструкции в этом словаре являются просто словами или словосочетаниями, а не ФЕ, например: 垂青 (*быть благосклонным, смотреть ласковым взором*), 奉赵 (*возвращать вещь законному владельцу*) и т. д. [实用成语词典，1937, с. 27]

В целом содержание и качество словарей китайских ФЕ этого периода не отличаются системностью и стройностью в изложении материала. Иллюстративные примеры и толкования довольно отрывочны, а семантизация некоторых ФЕ ограничивается только толкованием.

После основания Нового Китая китайская фразеография получила новый импульс своего развития, результатом которого было издание 14 фразеологических словарей. Несмотря на некую ограниченность словника, новые фразеографические труды представляют ФЕ более подробно, чем это делали предыдущие словарные произведения. Например, в «Кратком словаре фразеологизмов» (1952 год) каждая ФЕ снабжается зоной толкования, включая произношение и примеры употребления, при необходимости даются источники происхождения ФЕ. К ним относятся истории и легенды о происхождении и распространении ФЕ, так как их большая часть была унаследована с древних времен. ФЕ представляют собой не только сюжетную аллюзию, но и своего рода готовые слова. Поэтому в китайском языке название некоторых мифов, легенд и басен является не только названием рассказа, но и ФЕ, смысл которой заключается в предостережении людей. Например, 亡羊补牢 **wáng yáng bǔ láo** – *букв.* ‘чинить хлев, когда овцы пропали’. Толкование: извлекать уроки из прежних ошибок; исправить ошибку, исправить содеянное; лучше поздно, чем никогда [简明成语词典, 1952, с. 9]. Многие из них широко используются в современной речи китайцев.

Во время Культурной революции с 1967 по 1977 год на количество опубликованных фразеологический словарей повлияла социальная

[1] Здесь и далее перевод наш. – *Ч.С.*

и политическая обстановка в стране. В этот период общее количество научных публикаций было небольшим, и большая часть должна была объяснять ФЕ, встречающиеся в произведениях председателя Мао Цзэдуна. К ним относятся, например, «Избранные заметки по фразеологизмам» (成语选注, 1977).

Чуть позже возник новый тип фразеологического словаря, рассчитанный на определенную группу пользователей. Например, в 1980 году Гао Гуанле (高光烈), лингвист и преподаватель Цзилиньского университета, отредактировал и опубликовал «Словарь общих фразеологизмов для учащихся средних школ» [中学生常用成语词典, 1980]. Словник составляет более 1000 единиц, каждая словарная статья описывает фонетику, семантику и прагматику ФЕ, толкование сопровождалось иллюстрациями употребления. Например:

寸步难行 **cùn bù nán xíng** – *букв.* 'трудно сделать даже маленький шаг, шагу ступить нельзя'

例 / Иллюстративный пример:

①老人由于体弱足残，这时已经~。– Старик не мог ходить из-за своей слабости и инвалидности.

②知识就是力量，没有大量的现代科学知识，我们就~ – Знание – сила, и без большого количества современных научных знаний мы ничего не можем сделать.

解 (Толкование):

1、形容走路困难，如例①。– Трудности, испытываемые человеком при ходьбе, иллюстративный пример ①.

2、比喻处境或行动困难，如例② – Действовать с трудом из-за сложившейся сложной ситуации, иллюстративный пример ②.

气势磅礴 **qì shì páng bó** – *букв.* 'сила, проявляемая человеком или вещью, огромна и безгранична'

例 (Иллюстративный пример):

①~的《黄河大合唱》，一九三九年春诞生在革命圣地延安。– Величественная «Кантата Желтой реки» родилась весной 1939 года в Яньани, революционной святыне.

②泰山，自古以来就以它巍峨多姿、~而盛名于世，成为崇高事物的象征，成为中华民族的骄傲– Гора Тай издревле славилась в мире своей величественной красотой и величием, стала символом благородства и гордостью китайской нации.

解 (Толкование):

形容气势雄伟 [中学生常用成语例解，1980, с. 169]. – величественный; торжественный; вдохновляющий и бодрый; исполненный величия; во всем величии; с неудержимой (неодолимой) силой; с грандиозным размахом (положительная окраска). (Иллюстративные примеры ①②).

После 1980 года начинается интенсивное развитие фразеографии, продолжающееся до нашего времени. За период с 1981 по 2000 год было издано больше словарей, чем за весь предшествующий период. Кроме того, изменились структура словарной статьи и способы семантизации ФЕ.

К числу наиболее заметных фразеографических источников указанного периода относятся «Большой словарь китайских фразеологизмов» (汉语成语大词典, 1985), «Большой словарь классификации китайских фразеологизмов» (汉语成语分类大词, 1987), «Классификационный словарь фразеологизмов» (成语应用分类词典, 1987) под редакцией Цзянь Чжи (践之), «Словарь классификации китайских фразеологизмов» (汉语成语分类词典, 1987) под редакцией Е Цзысюн (叶子雄), «Большой словарь классификации китайских фразеологизмов» (中国成语分类大词典, 1989) под редакцией Хань Шэнчжи (韩省之). Все они являются репрезентативными словарями ФЕ, изданными в этот период. Эти словари имеют новый режим индексации или расположение. Они классифицируют ФЕ в соответствии с их значениями, содержанием или привычками использования и т. д., их можно просматривать в соответствии с категорией при использовании. В «Словаре классификации китайских фразеологизмов» (《汉语成语分类词典》) [汉语成语分类词典, 1987] существуют «Указатель количества черт иероглифа», «Упорядоченный перечень фразеологизмов по пиньинь первого иероглифа», «Указатель толкования фразеологизмов». Например, по «Указателю толкования фразеологизмов» в политической и военной категории в словарной статье для ФЕ: 风云变幻 **fēng yún biàn huàn** 风云变动不定。比喻事物变化复杂或局势动荡不定 (*букв.* 'меняться, как гонимые ветром тучи'), (*толкование*: претерпевать серьезные изменения; калейдоскопические перемены) – указывается, что данная единица используется как метафора для обозначения неустойчивой ситуации, неожиданного изменения [汉语成语分类词典, 1987, с. 10].

В последнее время лексикографы КНР констатируют увеличение количества фразеологических словарей, а также их разноплановость. Говоря о современной классификации китайских фразеологических словарей, мы можем выделить всеобъемлющие «большие» фразеологические словари. Например, «Словарь десяти тысяч фразеологизмов» (万条成语词典,1986) содержит около 20 000 ФЕ, включая как древние, так и современные единицы, а статьи включают сведения о фонетике, структуре ФЕ, их интерпретацию, документальные свидетельства, иллюстративные примеры, определение ошибок, советы по использованию, синонимы, антонимы, область применения, характеристики. Ко второй группе можно отнести «маленькие» словари, специально составленные для учебных целей, такие как «Многофункциональный фразеологический словарь для учащихся в начальной школе» (多功能小学生成语词典，2014).

Некоторые лексикографы строят свое толкование с целью предупреждения потенциальных ошибок. Например, в «Словаре анализа идиом» [中华成语词典, 2004 ’с. 725] словарная статья для ФЕ 无可厚非 (не заслуживать критики) и 无可非议 (нет ничего, что заслуживало бы порицания) включает в себя следующие параметры семантизации:

> 无可厚非 **wú kě hòu fēi** (*букв.* ‘не следует осуждать, не заслуживает критики’)
>
> 释：不可以过分责备 *Толкование*: хотя у кого-то есть ошибки или недостатки в языке или поведении, их можно простить и нельзя резко осуждать.

Эта ФЕ используется для описания разумных слов и поступков человека.

Данный фразеологический словарь можно отнести к активному типу словарей, так как его словарная статья отражает коммуникативно-прагматические характеристики.

Следующей тенденцией современного состояния фразеографии в КНР является активное развитие двуязычной фразеографии. В качестве примеров приведем «Словарь современных употребительных русских фразеологизмов с толкованием на русском и китайском языках» (редактор Суй Сюебэнь) («现代常用俄汉成语双解词典»，2004), «Русско-китайский школьный фразеологический словарь» (редактор Ху Гумин) («俄汉学生成语词典»，1999), «Китайско-русский словарь идиоматических выражений» («汉俄成语词典»，西安外国语学院, 1998), «Русско-китайский фразеологический словарь» (редактор Чжоу Цзишэн) («俄汉成语词典»，周纪生, 1984), но существуют также и словари на материале других языков.

Современные технологии также оказывают влияние на составление, публикацию и внешний вид фразеологических словарей. Благодаря развитию компьютерных технологий стало возможным построить большой фразеологический корпус «Пробная версия корпуса китайских идиом» (中国成语信息数据库试用版)[1]. Кроме того, публикация электронных словарей, словарей на компакт-дисках и онлайн-словарей расширила возможности использования фразеологических словарей.

Но, несмотря на наличие большого количества словарей разного типа, остаются вопросы, которые пока не нашли должного отражения в современной китайской фразеографической практике. К числу таковых относится фиксация нестандартных употреблений ФЕ, которые описываются в отдельных научных трудах, но не кодифицируются существующими словарями. Эта задача, вероятно, может быть решена с использованием корпуса китайской фразеологии.

РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОГРАФИИ В РОССИИ

История составления фразеологических словарей в России насчитывает также не менее 300 лет и связана со становлением и развитием лексикографии и семантизацией в лексикографических произведениях единиц, относящихся в современном понимании к классу фразеологизмов. Отметим в связи с этим «Словарь Академии Российской» (1789–1794), который по мнению исследовательницы Е. И. Биржаковой, насчитывал не менее 2700 пословиц, поговорок, устойчивых словосочетаний и других типов ФЕ, для которых словарная статья содержала параметры, не типичные для семантизации остальных лексем, например, особый значок, обозначающий переносное значение, указание на метафорический характер словосочетания, правила использования, вводимые словосочетанием «уподобительно говорится о...» [Биржакова, 2010, с. 154–155].

Первым крупным фразеографическим источником русского языка является «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [Молотков, 1986], переиздававшийся после 1967 года несколько раз и не потерявший своей актуальности в настоящее время. Словарная статья включает в себя вокабулу, варианты идиомы, зону толкования, при этом форма толкования зависит от категории ФЕ, стилистические пометы, иллюстративные примеры. Например,

[1] URL: http://n3.datasn.io/data/api/v1/n3_chennan/chengyu_daquan_1/main/list/

идиома **ГАДАТЬ НА БОБАХ (на кофейной гуще)** толкуется как «строить беспочвенные, ни на чем не основанные предположения, догадки». В этой же части приводится и грамматическая информация – субстантивированная форма ФЕ ГАДАНИЕ НА БОБАХ [Молотков, 1986, с. 101]

Фразеографы СССР также уделяли большое значение одноязычным словарям, предназначенным для школьников русских и национальных школ. В качестве примера можно привести Школьный фразеологический словарь русского языка (Жуков, 1980) или Учебный фразеологический словарь русского языка для национальных школ (Шанский, 1979).

В конце прошлого века учеными-лексикографами и фразеографами была выдвинута идея о том, что словарную деятельность необходимо строить, исходя из принципа не создания одного словаря для всех, а создания словарей, дифференцированных по запросам пользователей и кодифицируемой информации [Костева, 1996, с. 2].

С 1990-х годов по настоящее время мы можем констатировать появление довольно большого количества разнообразных фразеографических трудов на материале русского и других языков, таким образом, мы можем говорить о сложившейся типологии подобного рода работ.

Первым критерием, позволяющим провести разграничение словарей, является их активный или пассивный характер. При этом под словарем активного типа понимается фразеографический источник, информация которого достаточна не только для понимания, но и для порождения текстов.

К числу наиболее заметных словарей такого типа относится «Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телии (Большой фразеологический словарь русского языка, 2006), название которого уже содержит отличающие его параметры. Правила употребления той или иной ФЕ выявляются на основании зоны толкования, сопровождаются особыми стилистическими пометами, иллюстративным материалом, включающем в себя тексты разных жанров и культурологическим комментарием.

Развитие теоретической фразеологии и фразеографии породило новый научный тезис о том, что в различных типах словарей меняется как область знания, подвергающаяся словарной кодификации, так и способы ее представления [Баранов, Добровольский, 2008, с. 363–364].

Примером нового типа фразеологического словаря является «Словарь-тезаурус русской идиоматики» (2007 год), пока единственный источник на материале фразеологической системы одного языка. Построение словаря основано не на дедуктивном, а на индуктивном методе, который авторы считают преимущественным для кодификации идиом в идеографическом словаре [Баранов, Добровольский, 2008, с. 378].

Важной тенденцией современной лексикографии и фразеографии является симбиоз научных и практических разработок [там же, с. 363].

Поэтому в современном фразеографическом ландшафте в последнее время появляются словари, отличающиеся от предыдущих рядом характеристик. Отметим, в частности, «Академический словарь русской фразеологии», в котором представлен оригинальный способ толкования значений с учетом образной составляющей идиом. Для этого в словарь вводятся «операторы внутренней формы», задача которых состоит в описании образа-метафоры, лежащего в основе ФЕ. Ввод операторов осуществляется с помощью ряда выражений, таких как *осмысляться*, *уподобляться*, *описывается*, *как бы + деепричастный оборот* и др. [Академический словарь, 2015, с. 6]. Например: Д-127: **ЗАПАСТЬ В ДУШУ** – произведя сильное положительное впечатление, оказаться включенным в личную сферу и тем самым запомниться на долгое время, *что осмысляется как попадание в воображаемое вместилище чувств внутри человека* [там же, с. 263[.

Помимо этого, зона толкования словарной статьи может содержать не только необходимые компоненты, но и избыточные [там же, с. 7]. Представляется, что изменение способов толкования идиом способствует более полному пониманию значения идиоматического компонента лексики.

Немаловажным становится кодификация нестандартных употреблений идиом и фиксация как отличной формы, так и содержания. Такая попытка была предпринята в уже упомянутом Академическом словаре русской фразеологии, где такая зона маркируется специальным знаком и включает в себя контексты употребления, например в словарной статье Г-89. **С ГОЛОВЫ ДО ПЯТ** – контексты включают в себя такие примеры, как «от корней волос до пят» или «влюбиться с головы до пят» [там же, с. 173]. Включение данных сведений в словарное толкование показывает потенциальные возможности развития фразеологической системы, с одной стороны, и дает представление о «творческом аспекте речевой деятельности носителя языка» [там же, с. 11] – с другой.

Отметим и еще одну значимую тенденцию современной отечественной фразеографии – стремление к обновлению словника. Новые словари включают в себя аутентичный современный

материал, что объясняется во многом возможностями, предоставленными корпусной лексикографией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы можем констатировать наличие общих черт и тенденций фразеографии русского и китайского языков, что проявляется как в периодизации, так и в типологии словарей. Предполагаем, что это может быть как проявлением имманентных законов развития теоретической и практической фразеографии, так и стремлением фразеографов создать лексикографические источники для удовлетворения интереса пользователей к идиоматике языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Су Муюань. О современных китайских фразеологических словарях // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2019. №1. с. 436 – 445.
2. Го Ниннин. Лексикографическая разработка русской фразеологии (для толково-переводного русско-китайского фразеологического словаря): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013.
3. 六部成语. 京都文盛堂, 1742 = Словарь шести ведомств. Издательство Вэньшэнтан Столицы, 1742.
4. 王野村. 实用成语词典. 北平建国出版社, 1937. = Вань Ецунь. Практический фразеологический словарь. Бэйпин: Издательство Цзяньго, 1937.
5. 柯槐青. 简明成语词典. 上海文化出版社, 1952. = Кэ Хуайцин. Краткий словарь фразеологизмов. Шанхай: Шанхайское культурное издательство, 1952.
6. 高光烈. 中学生常用成语词典. 吉林人民出版社, 1980. = Гао Гуанле. Словарь общих фразеологизмов для учащихся средних школ. Чанчунь: Народное издательство Цзилинь, 1980.
7. 叶子雄. 汉语成语分类词典. 复旦大学出版社, 1987. = Е Цзысюн. Словарь классификации китайских фразеологизмов. Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 1987.
8. 刘志屏. 中华成语词典. 吉林大学出版社, 2004. = Лю Чжипин. Словарь китайских идиом. Чанчунь: Издательство Цзилиньского университета, 2004.
9. Биржакова Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 // Русская лексикография XVIII века, Нестор – История, СПб., 2010. С. 144–162.
10. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986.
11. Костева В.М. Способы представления фразеологизмов в двуязычном словаре (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1996.
12. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
13. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015.

REFERENCES

1. Su, Muyuan (2015). O sovremennyh kitajskih frazeologicheskih slovarjah = About modern Chinese phraseological dictionaries. Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda, 1, 436–445. (In Russ.)
2. Go, Ninnin (2013). Leksikograficheskaja razrabotka russkoj frazeologii (dlja tolkovo-perevodnogo russko-kitajskogo frazeologicheskogo slovarja) = Lexicographic development of Russian phraseology (for explanatory-translatable Russian-Chinese phraseological dictionary): abstract of PhD in Philology. Moscow Pedagogical State University. (In Russ.)
3. 六部成语. 京都文盛堂, 1742 = Dictionary of six departments (1742). Capital Wenshengtang Publishing House.
4. 王野村. 实用成语词典. 北平建国出版社, 1937. = Wang Yecun (1937). Practical Idiom Dictionary. Beiping: Jianguo Press.
5. 柯槐青. 简明成语词典. 上海文化出版社，1952. = Ke Huaiqing. (1952). Concise Idiom Dictionary. Shanghai Culture Press.
6. 高光烈. 中学生常用成语词典. 吉林人民出版社，1980. = Gao Guanglie (1980). Dictionary of Common Idioms for Middle School Students. Jilin People's Publishing House.

7. 汉语成语分类大词典. 内蒙古人民出版社，1987. = Chinese idiom classification dictionary (1987). Inner Mongolia People's Publishing House.
8. 刘志屏. 中华成语词典. 吉林大学出版社，2004. = Liu Zhiping (2004). Chinese Idiom Dictionary. Jilin University Press.
9. Birzhakova, E. Je. (2010). Opisanie frazeologicheskogo sostava russkogo literaturnogo jazyka XVIII veka v «Slovare Akademii Rossijskoj» 1789–1794 = Description of the phraseological composition of the Russian literary language of the 18th century in the "Dictionary of the Russian Academy" 1789–1794. Russkaja leksikografija XVIII veka (pp. 144–162). St. Petersburg. (In Russ.)
10. Molotkov, A. I. (ed.). (1986). Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian language. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)
11. Kosteva, V. M. (1996). Sposoby predstavlenija frazeologizmov v dvujazychnom slovare (na materiale nemeckogo jazyka) = Ways of presenting phraseological units in a bilingual dictionary (on the material of the German language): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
12. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (2008). Aspekty teorii frazeologii = Aspects of the theory of phraseology. Moscow: Znak. (In Russ.)
13. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (2015). Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii = Academic dictionary of Russian phraseology. 2nd ed. Moscow: LEKSRUS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костева Виктория Михайловна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Чэнь Сыфань
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kosteva Victoria Mikhailovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor,
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Chen Sifan
PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811.11-112, 81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_56

Коммуникативная персонная стратегия в комментариях к постам немецкой партии «Альтернатива для Германии» в Твиттере

Д. Д. Кучина
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
dariakutschina@yandex.by
st079864@student.spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лингвостилистические особенности Twitter-коммуникации как средства речевого воздействия в политическом медиадискурсе. Для языкового анализа коммуникация, происходящая в социальной сети Twitter представляет интерес как достаточно новая дискурсивная практика. Материалом для исследования послужила выборка из более чем 200 комментариев на немецком языке как последователей, так и оппонентов «АдГ» к постам партии в социальной сети Twitter во время подготовки и проведения парламентских выборов 2021 года в ФРГ.

Ключевые слова: немецкий интернет-дискурс, политический твиттинг, коммуникативные стратегии и тактики, виртуальная коммуникация

Для цитирования: Кучина Д. Д. Коммуникативная персонная стратегия в комментариях к постам немецкой партии «Альтернатива для Германии» в Твиттере // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 56–63. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_56

Original Article

Communicative Personal Strategy in the Comments to the Posts of the German Party “Alternative für Deutschland” on Twitter

Daria D. Kuchina
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
dariakutschina@yandex.by

Abstract. The article examines the linguistic and stylistic features of Twitter communication as a means of speech influence in the political media discourse. For language analysis, the communication taking place on the social network “Twitter” is of interest as a fairly new discursive practice. The material for the study was a sample of more than 200 comments in German by both followers and opponents of the german party “Alternative für Deutschland” to the party’s posts on the social network “Twitter” during the preparation and holding of the parliamentary elections of 2021 in Germany.

Keywords: German internet discourse, political twitting, communication strategies and tactics, virtual communication

For citation: Kuchina, D. D. (2022). Communicative personal strategy in the comments to the posts of the German party «Alternative für Deutschland» on Twitter. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 7(862), 56–63. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_56

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативная персонная стратегия и ее тактики исследуются в статье в контексте лингводискурсивного анализа [Wiedemann, 2019] комментариев, оставленных немецкоязычными пользователями к постам партии «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland) (далее – АдГ) [Pfahl-Traughber, 2019] в социальной сети Twitter в 2021 г. Основанная в 2013 году партия «АдГ» стала третьей по численности партией в Бундестаге в 2017-м, а в 2019 году партия была заподозрена в экстремистской деятельности [Wolf, 2019]. В 2021 году были проведены парламентские выборы в ФРГ, в результате которых партия получила 10,3% голосов и оказалась на пятом месте среди партий, входящих в правительство Бундестага.

Развитие информационных технологий и формирование интернета радикально повлияли на традиционную массовую коммуникацию на немецком языке. Интернет, как специфическое коммуникативное пространство, привлекает особое внимание лингвистов. Формируются специальные направления исследований, включающие изучение немецкого интернет-дискурса, речевых жанров, мультимодальности интернет-коммуникации и т. д.

Интернет-текст – это особый тип медиатекста, который отличается от других типов медиатекстов гипертекстуальностью, мультимодальностью, интерактивностью, нелинейностью и неполнотой[1]. Особенности интернет-коммуникации также влияют на систему жанров СМИ, трансформируя ее в соответствии со своими правилами или расширяя ее за счет формирования новых жанров: форумы, блоги, комментарии, чаты и т. д. В данной работе речь пойдет об исследовании стратегий и тактик в комментариях пользователей.

В статье рассматриваются лингвостилистические особенности Twitter-коммуникации как средства речевого воздействия в политическом медиадискурсе. Для языкового анализа коммуникация, происходящая в социальной сети Twitter представляет интерес как достаточно новая дискурсивная практика[2].

Материалом для исследования послужила выборка из более чем 200 комментариев на немецком языке как последователей, так и оппонентов «АдГ» к постам партии в социальной сети Twitter во время подготовки и проведения парламентских выборов 2021 года в ФРГ.

Выбор социальной сети объясняется тем, что Twitter является не только источником, где пользователи могут почерпнуть информацию, но и выступает для некоторых членов общества каналом для осуществления коммуникации. Производится она посредством размещения публикаций, оставления лайков в виде идеограмм, репостов и вербальных (а также индексных) комментариев к основным постам. Таким образом, тема, затронутая автором поста, порождает мнения, разного рода воззрения, новые аспекты и подробности освещенного в публикации события. Благодаря комментариям можно проследить, как пользователи, не связанные прямо или косвенно с политикой, относятся к идеям и наблюдениям, высказанным в постах политической партии.

Согласно мнению Б. Г. Вульфовича, за каждым высказыванием, опубликованным в интернет-пространстве, стоит сознательная или бессознательная интенция [Вульфович, 2020]. Не всегда комментатор ставит своей целью вызвать реакцию у других читателей, скорее, виртуальное пространство, подаренное веком технологий, используется в качестве самовыражения. Тем не менее, если комментирующий и не преследует цели затронуть мировоззрения современников, оставленный комментарий уже имеет подсознательный смысл [Атягина, 2012].

А. А. Селютин исследует различные формы вовлеченности в интернет-коммуникацию. Так, он делит пользователей на две группы. Первая характеризуется пассивной формой восприятия: поиск информации и ее потребление. Вторая отличается большей активностью. На первый план выходит не столько поиск самой информации, сколько создание собственного контента: будь то комментирование постов на разного рода интернет-платформах или же ведение собственного блога в социальных сетях [Селютин, 2009].

Коммуникативная ситуация, разворачивающаяся в интернет-пространстве, реализует особую проксемику в виду отсутствия перцептивного аспекта коммуникации [Попова, 2015]: пространство для общения, где отсутствует анализ внешней стороны поведения партнера по коммуникации, обусловлено дистанцированностью в виртуальном пространстве. Здесь отметим свободу самовыражения, анонимность коммуникантов, в том числе за счет употребления ими псевдонимов. В связи с этим можно говорить об ином, отличающемся от прямого межперсонального общения, речевом способе взаимодействия, где личность проявляет себя несколько иначе. Посредством самовыражения себя в комментариях формируется «сетевая идентичность». С появлением и распространением

[1] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-zhanry-novost-i-kommentariy-v-prostranstve-interneta/viewer

[2] URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-658-25186-4?error=cookies_not_supported&code=8f4e9bb7-7e42-4e72-af83-d462ac28c6f9

интернет-площадок, предназначенных для коммуникаций, в связи с анонимностью, появился такой феномен, как речевая агрессия [Scharloth, 2018]. Потому ежечасно можно наблюдать стремление к осуждению, критике, дискредитации других лиц, участвующих в виртуальном диалоговом общении по определенной тематике. Подобные негативные проявления по отношению к другим обусловлены в первую очередь тем, что участвующие в виртуальном коммуникативном пространстве скрыты от наблюдения, вследствие этого невозможно нанести ущерб идентичности, находящейся вне интернет-пространства.

С. Н. Плотникова полагает, что интернет-общение носит стратегический характер: осознанно управляемая коммуникация уступает бессознательному выбору стратегий, которые также интуитивно складываются в цепочку определенных действий [Плотникова, 2011].

АНАЛИЗ ТИПОЛОГИЙ КОММУНИКАТИВНЫХ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В языкознании принято выделять следующие определения относительно тактик и стратегий:

Коммуникативная стратегия – определенный план действий, направленный на реализацию коммуникативного намерения [Чернявская, 2021]. В. Е. Чернявская предлагает двухаспектное рассмотрение стратегии: 1. планирование, прогнозирование; 2. реализация плана [там же].

Коммуникативно-речевая тактика – отдельный инструмент реализации общей стратегии, который осуществляется на основе лингвистических средств, соответствующих инвентарю определенной тактики [там же]. В случае «стратегии» подразумевается видение коммуникантом окончательного результата, который возможен благодаря четкому следованию заранее запланированным «тактикам», осуществляющимся в речевых актах.

На сегодняшний день отсутствует единообразная классификация тактик и стратегий коммуникантов в интернет-дискурсе, поэтому была предпринята попытка анализа и систематизации существующих типологий, которым следуют языковеды при проведении исследований. В том числе отечественные языковеды посвящали работы исследованиям политического интернет-дискурса [Ергалиева, 2018; Иссерс, 2003; Манерова, 2018; Михалева, 2009; Паршина, 2004; Плотникова, 2011; Савельева, 2013; Чернявская, 2021 и др.] Например, О. С. Иссерс проводит анализ стратегий и тактик, ориентируясь на типологию: семантическую (уговаривание, дискредитация), прагматическую (комплимент, самопрезентация), диалоговую (контроль над инициативой) и др. [Иссерс, 2003]

С. Ж. Ергалиева в своих работах предлагает двухуровневую классификацию стратегий и тактик, где различаются персонный и текстовый уровни взаимодействия. Персонный уровень предполагает, что составитель комментария, в ущерб объективности, высказывает сугубо личное мнение, которое носит ассоциативный характер и не относится напрямую к содержанию опубликованного поста. Тактики, относящиеся к данному уровню имеют следующие отличительные особенности: уже упомянутая нами ассоциативность (создание комментария вызвано ассоциацией, возникающей при ознакомлении с текстом поста), домысливание (как правило, связано с тактикой ассоциативности, предполагает дополнение исходного текста новой информацией) и эмоциональность (используя средства стилистической выразительности, автор комментария выражает свою точку зрения относительно текста публикации).

Стратегия текстопорождения подразумевает составление комментария на основе исходного текста, который служит отправной точкой для дальнейших рассуждений, порождаемых другими авторами, не являющимися специалистами в данной тематике. Присущие данной стратегии тактики наделены следующими чертами: копиальность формы – копирование автором фрагмента исходного текста или интертекстуальность, копиальность содержания и обращение к ключевым словам [Ергалиева, 2018].

Все вышеперечисленные тактики и стратегии являются взаимодополняющими. И могут сосуществовать в одном пространстве. В последующем анализе мы будем придерживаться классификации, предложенной С. Ж. Ергалиевой, так как она представляется наиболее подходящей для анализа интернет-комментариев в Twitter.

АНАЛИЗ ПЕРСОННОЙ СТРАТЕГИИ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ И СОПУТСТВУЮЩИХ ЕЙ ТАКТИК

Среди более 200 проанализированных нами комментариев на немецком языке в социальной сети Twitter пользователей к постам партии «АдГ» была выявлена тенденция к применению персонной стратегии текстообразования. Здесь имеют место тактики ассоциативности, домысливания и эмоциональности, выраженной как в положительной, так и в отрицательной формах. Ниже приводятся результаты анализа выбранных

примеров – комментариев пользователей социальной сети Twitter – с последующим толкованием.

В комментариях к публикации в Twitter, где говорится о том, что партия набрала двадцать один процент голосов и заняла, таким образом, второе место в списке лидеров, можно наблюдать значительное количество тактик эмоциональности и ассоциативности.

1. Тактики ассоциативности

Alternative für Deutschland

@AfD
Genial! Die Prognose zur #BTW21 sieht die #AfD bei 21 % und somit als zweitstärkste Kraft im Osten! #abernormal #Volkspartei[1]

(1) @xXbyS4mXx 27 сент. 2021 г.
В ответ @AfD
...das erinnert mich an meinen Geschichtsunterricht. Wie meine Lehrerin sagte: Die Deutschen haben damals ihren Untergangs selbst gewählt.. Sie haben SEINE Partei gewählt. Afd ist doch nur ein billiger Abklatsch SEINER Partei. Da denkt man Menschen lernen aus ihren Fehlern.[2] – «...это напоминает мне мои уроки истории. Как сказала моя учительница: немцы тогда сами выбрали свою гибель.. Они выбрали ЕГО партию. АдГ – это всего лишь жалкое подобие ЕГО партии. А принято считать, что люди учатся на своих ошибках».

Комментарий представляет тактику ассоциативности по отношению к исходному тексту публикации. Его содержание значительно расходится с контекстом, в котором он был создан. Считаем обоснованным привлечь для анализа комментариев теорию Г. П. Грайса: в соответствии с коммуникативными максимами, сформулированными Г. П. Грайсом [Грайс, 1985], не все смыслы могут быть извлечены адресатом, с опорой лишь на поверхностную структуру текста. Некоторая информация декодируется с привлечением фоновых знаний по затрагиваемой адресантом теме. Г. П. Грайс ввел в «Теорию речевых актов» максимы кооперации, лежащие в основе межличностных отношений. Выделяют: 1. максима качества информации; 2. максима релевантности; 3. максима ясности. Сопоставляя опубликованный пост с комментарием, оставленным пользователем социальной сети Twitter, с позиции коммуникативного кодекса Грайса можно предположить, что в данном случае нарушается максима релевантности, так как в самом посте заключена информация только о промежуточных результатах выборов в ФРГ, что противоположно теме, затронутой автором комментария в ответ на вышеуказанную новость.

Персонная стратегия в данном комментарии обнаруживает себя в том, что акцент делается не на смысловом содержимом исходного поста, а на персонализированном личном опыте, о чем свидетельствует упомянутый в данном предложении немецкий возвратный глагол *sich erinnern*[3] в форме сказуемого 3-го лица ед. ч. и дополнением, выраженным личным местоимением *ich* в аккузативе (mich), обладающий значением «восстанавливать в сознании события, относящиеся к прошлому», а также вводное предложение «Wie meine Lehrerin sagte». Комментарий можно рассмотреть также с точки зрения имплицитного смысла. В. Е. Чернявская понимает под имплицитным смыслом значение, не выраженное вербально в высказывании, но подразумеваемое [Чернявская, 2021]. Она полагает, что наличие скрытых смыслов позволяет разгрузить семантическую структуру высказывания, облегчить ее и обеспечить эффективность и экономичность речевых усилий. Интерпретация скрытых смыслов в данном случае осуществляется на основе своей языковой компетенции, фоновых и энциклопедических знаний о мире. Таким образом, можно предположить, что комментатор, используя притяжательное местоимение *SEINE* в вышеуказанном предложении, проводит историческую параллель с лидером «Национал-социалистической немецкой рабочей партии» Германии. На эту связь указывает немецкое наречие времени *damals* – использующееся в качестве указания на область прошедшего времени. Существительное *Untergang*[4] (разрушение, исчезновение, но не мгновенное, как при катастрофе, а медленное, малозаметное, но абсолютно неизбежное) в данном контексте, очевидно, должно актуализировать связь с общественно-политическими событиями прошлого Германии времен Третьего рейха. Название труда Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» стало в немецком языке крылатым выражением. Таким образом, можно предположить, что данное слово привязано к культурно-историческому дискурсу национал-социалистического прошлого Германии. Будучи распространенным в социальных процессах и дискуссиях того временного отрезка, оно входит в тексты и становится их

[1] URL: https://twitter.com/afd/status/1442191249780318210 (дата обращения: 08.02.2022).
[2] URL: https://twitter.com/xXbyS4mXx/status/1442234774001750016 (дата обращения: 08.01.2022).
[3] URL: https://www.dwds.de/wb/erinnern (дата обращения: 22.09.2022).
[4] URL: https://www.dwds.de/wb/Untergang (дата обращения: 22.09.2022).

структурно-семантическим элементом, участвующим в прагматическом фокусировании нужных отправителю комментария смыслов.

Обесценивающий характер сообщения актуализируется использованием лексических средств с пейоративной семантикой, например, номинации *billiger Abklatsch* (дешевая копия). Следует различать буквальное значение и дополнительный скрытый смысл, выводимый из контекстуальных знаний и коммуникативного кодекса П. Грайса. Так, учитывая контекст комментария, выражение *Da denkt man Menschen lernen aus ihren Fehlern* нарушает максиму качества и содержит непрямую импликатуру: *На своих ошибках не учатся*, выраженную в качестве противопоставления по отношению к поверхностной структуре высказывания.

2. Тактики эмоциональности

(2) @derTiiger 26 сент. 2021 г.
В ответ @AfD
Spricht nicht für den Intellekt im Osten...[1] – «Не говорит об интеллекте на Востоке»

(3) @SparklyMoon6 27 сент. 2021 г.
В ответ @AfD
Im Osten... Da könnt ihr gern bleiben.[2] – «На Востоке ... там вы можете остаться»

(4) @medimusicus
26 сент. 2021 г.
В ответ @AfD
Nur Leute, die Rechtsextreme gut finden, wählen #rechtsextreme, antidemokratische #Parteien wie die #AfD! Oder sehr dumme Menschen! Andere Begründungen kann es nicht geben! Deutschland wäre ohne die #noAfD ein besserer Ort! #btw213 – «Только люди, которые находят крайне правых хорошими, выбирают #крайне правые, антидемократические #партии, такие как #AfD! Или очень глупые люди! Других обоснований быть не может! Германия была бы лучшим местом без #noAfD!»

(4) @MarkusSiebert[5]
26 сент. 2021 г.
В ответ @AfD
Die Hand, welche das Kreuz bei der ideologischen Nachfolgepartei der NSDAP macht, soll verdorren.[4] – «Рука, делающая крестное знамение идеологической партии, являющейся преемницей НСДАП, должна отсохнуть»

(6) @chindogu_io
26 сент. 2021 г.
В ответ @AfD: Zu einem normalen Deutschland gehören (mittlerweile) keine Nazis![5] – «Нормальная Германия (в настоящее время) не включает нацистов»

Представленные выше примеры ясно свидетельствуют, что для конфронтационной риторики и речевой агрессии в комментариях характерным является их эмоциональность и оценочность, выражающаяся в использовании пейоративной лексики, например, идеологических ярлыков: *#rechtsextreme, antidemokratische #Parteien wie die #AfD!*. Так, в шестом примере партию называют преемницей «Национал-социалистической немецкой рабочей партии»[6], обозначают посредством соответствующего ярлыка: *Nachfolgepartei der NSDAP*. Во втором и четвертом примерах авторами комментариев используется оценочная лексика, служащая обозначением любых действий субъектов, не входящих в группу «свои»: *Nur Leute, die Rechtsextreme gut finden, wählen #rechtsextreme, antidemokratische #Parteien wie die #AfD!* Здесь имеет место логическая импликатура, которая может быть выделена из языковой семантики единиц, составляющих высказывание: деление на мы, кто находится на Западе, и чужие, находящиеся на Востоке *Im Osten... Da könnt ihr gern bleiben*. (аллюзия на большое количество последователей «АдГ» в Восточной Германии). Одним из приемов дискредитирующей риторики являются инвективы – нанесение оскорбления, любое резкое выступление, выпад против оппонента: *sehr dumme Menschen!; Spricht nicht für den Intellekt im Osten*. Для четвертого комментария также характерно расставление хештегов (ключевых слов), по которым затем его можно было бы найти в целой цепочке подобных комментариев, связанных с этой микротемой.

[1] URL: https://twitter.com/derTiiger/status/1442200196608311296 (дата обращения: 09.01.2022)
[2] URL: https://twitter.com/SparklyMoon6/status/1442358632079835141 (дата обращения: 09.01.2022)
[3] URL: https://twitter.com/medimusicus/status/1442021083146637312 (дата обращения: 09.01.2022)
[4] URL: https://twitter.com/MarkusSiebert5/status/1442025074421166086 (дата обращения: 10.01.2022)
[5] URL: https://twitter.com/chindogu_io/status/1442025043794350081 (дата обращения: 10.01.2022)
[6] Единственная законная партия в нацистской Германии (1933–1945), чья идеология была признана одной из главных причин Второй мировой войны

3. Тактики домысливания

Alternative für Deutschland ретвитнул(а)

Alice Weidel
@Alice_Weidel
23 сент. 2021 г.
Das mit der „heißen Phase des Wahlkampfs“ haben

@Tino_Chrupalla
und ich heute wörtlich genommen: Wir haben uns die „Keulahütte“ angesehen, eine Gießerei in #Görlitz. Die Politik muss sich endlich wieder am Wohl der Arbeitnehmer und am Interesse unserer #Wirtschaft ausrichten.#AfD1

@Nordstern1965
23 сент. 2021 г.
В ответ @Alice_Weidel и @Tino_Chrupalla
War sicher interessant. Da wird kein Roter oder Grüner sich sehen lassen, weil Arbeiter für diese Genossen es nicht Wert sind!![2] – «Было, конечно, интересно. Там не будет ни одного красного или зеленого, потому что рабочие для этих товарищей не стоят их присутствия».

Комментарий относится к событию, посвященному посещению литейной мастерской в Германии, где говорится о возвращении к той политике, которая была бы направлена на благополучие рабочих. Для тактики домысливания характерным является добавление к комментарию оттенков, которые не были выражены в самом тексте поста. Данный пример это наглядно иллюстрирует. Автор оставленного комментария, прибегая к средствам гиперболизации *kein Roter oder Grüner*, добавляет от себя, что для некоторых партий рабочий класс не столь важен. Кроме того, здесь имеет место принцип бинарности, характеризующий конфронтационную риторику и позволяющий очертить круг «своих» и «чужих». В данном случае проводится граница между партиями, заинтересованными в будущем благополучии рабочих, и теми, кто в этом не заинтересован, а именно партиями «СПДГ» (партийный цвет – красный) и «Партия зеленых / Союз 90» (партийный цвет – зеленый).

[1] URL: https://twitter.com/Alice_Weidel/status/1441020203731755012 (дата обращения: 10.01.2022)
[2] URL: https://twitter.com/Nordstern1965/status/1441021588451864577 (дата обращения: 10.01.2022)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный первичный лингвистический анализ более чем 200 комментариев немецкой социальной сети Twitter позволяет сделать следующие выводы.

Пользователи немецкой социальной сети Twitter в основном прибегают к персонной стратегии комментирования политических постов, реализация которой стала возможна благодаря тактикам ассоциативности, домысливания и эмоциональности. Что свидетельствует об антропоцентрической направленности комментариев, где центральной фигурой является человек и его индивидуальное мышление с присущими только ему одному коммуникативными средствами выражения.

В целом при использовании тактик ассоциативности явно прослеживается тенденция к нарушению максимы релевантности и качества. Содержание исходного текста поста может учитываться лишь отчасти или вовсе не учитываться пользователями Twitter. Тактики, используемые комментаторами, имеют смешанный характер, то есть в одном комментарии может наблюдаться сочетание нескольких тактик, относящихся к вышеупомянутой стратегии. Например, тактике ассоциативности присуще дополнение информации новыми фактами, исходящими из личного опыта комментирующих. Из этого следует, что она может сочетаться с тактиками домысливания или эмоциональности.

Лингвостилистическими особенностями Twitter-коммуникации, осуществляющейся в комментариях к постам немецкой партии «АдГ», являются: использование лексических средств с пейоративной семантикой, одним из приемов дискредитирующей риторики являются инвективы – нанесение оскорбления; любые резкие проявления против оппонента. Имплицитные смыслы, так же как и логические импликатуры, содержащиеся в текстах-комментариях, используются с целью разгрузить семантическую и синтаксическую структуру высказывания.

Перспективы дальнейшего исследования немецкого политического медиадискурса в Твиттере мы видим в более подробном изучении его речежанровой специфики и рассмотрении дискурсообразующих признаков: графического, лексического, синтаксического и семантического уровней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wiedemann T. Diskursanalyse für die Kommunikationswissenschaft. Wiesbaden: Springer VS. 2019.
2. Pfahl-Traughber A. Die Afd und der Rechtsextremismus. Wiesbaden: Springer VS. 2019.

3. Wolf T. Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa. Wiesbaden: Springer VS. 2019.
4. Вульфович Б. Г. Особенности социальной сети «Twitter» // Филология в контексте коммуникации и современной литературы: сборник трудов конференции Кубанского государственного университета. 2020. С. 56–61. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44150834
5. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика в сети Интернет // Вестник Омского университета. 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tvitter-kak-novaya-diskursivnaya-praktika-v-seti-internet
6. Селютин А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайновой личности // Вестник Челябинского гоударственного университета. 2009. Вып. 37. С. 138–141. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13075763
7. Попова Д. А. Стратегия позиционирования как способ реализации субъектности во французском межперсональном интернет-дискурсе в жанре комментария // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 21 (732). С. 82–92. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39246409
8. Scharloth J. Sprachliche Gewalt. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2018.
9. Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи. Иркутск: Издательство Иркутского государственного лингвистического университета, 2011. С. 6–43.
10. Чернявская В. Е., Молодыченко Е. Н. Речевое воздействие в политическом рекламном и интернет-дискурсе. М.: Едиториал УРСС, 2021. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29040005
11. Ергалиева С. Ж. Политический дискурс в текстодериватологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов): дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2018.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003.
13. Манерова К. В. О развитии лексемы Sanktionen как ключевого слова политически-правового рестриктивного дискурса в немецком языке // Журнал Уральского государственного педагогического университета: Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 81–89.
14. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроном, 2009.
15. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань: Издательство АГТУ, 2004.
16. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект: дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
17. Grice P. Logic and Conversation. Speech acts. New York: Academic Press, 1975.
18. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. München: C. H. Beck, 1920.

REFERENCES

1. Wiedemann, T. (2019). Diskursanalyse für die Kommunikationswissenschaft. Wiesbaden: Springer VS.
2. Pfahl-Traughber, A. (2019). Die Afd und der Rechtsextremismus. Wiesbaden: Springer VS.
3. Wolf, T. (2019). Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa. Wiesbaden: Springer VS.
4. Wulfowitch, B. G. (2020). Osobennosti sozialnoj seti “Twitter” = Features of the social network “Twitter”. Philologia v kontekste kommunikazii i sovremennoj literaturi: The digest of articles of the Kuban State University. P. 56–61. (In Russ.) URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44150834
5. Atyagina, A.P. (2012) Tvitter kak novaya diskursivnaya praktika v seti Internet.Vestnik Omskogo universiteta. https://cyberleninka.ru/article/n/tvitter-kak-novaya-diskursivnaya-praktika-v-seti-internet
6. Selutin, A. A. (2009). Zhanri kak forma kommunikativnogo virazhenia online-novoi lichnosti = Genres as a form of communicative expression of an online new personality. Vestnik of Chelyabinsk State University, 35(173), 138–141. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13075763 (In Russ.).
7. Popova, D. A. (2015). Strategija pozicionirovanija kak sposob realizacii sub#ektnosti vo francuzskom mezhpersonal’nom internet-diskurse v zhanre kommentarija = Positioning strategy as a way of the subjectness realisation in the interpersonal French discourse in the genre of comment. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 21(732), 82–92. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39246409 (In Russ.).
8. Scharloth, J. (2018). Sprachliche Gewalt. Wiesbaden: Springer-Verlag.
9. Plotnikova, S. N. (2011). Diskursivnie technologii I diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoi informazionnoi epochi = Discursive technologies and discursive Weapons as realities of the Modern Information age (pp. 6–43). Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State Linguistic University. (In Russ.)
10 Chernjavskaya, V. E. (2021). Rechevoe vosdeistvie v politicheskom reklamnom i internet-diskurse = Speech impact in political advertising and Internet discourse. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

11. Ergalieva, S. Zh. (2018). Politicheskiy diskurs v technoderivatologicheskom aspekte (na materiale rossiyskich i kasachstanskich internet-saitov = Political discourse in the textual-pedagogical aspect (based on the material of Russian and Kazakh Internet sites): PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
12. Issers, O. S. (2003). Kommunikativnie strategii i taktiki russkoi rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
13. Manerova, K. V. (2018). O rasvitii lexemi Sanktionen kak klychevogo slova politicheski- pravovogo restriktivnogo diskursa v nemetskom yazike = On the development of the Sanktionen lexeme as a key word of the political and legal restrictive discourse in the German language. Journal of the Ural State Pedagogical University: Political Linguistics, 5(71), 81–89. (In Russ.)
14. Michaleva, O. L. (2009). Politicheskiy diskurs. Spezifika manipuljativnogo vosdeystvia = Political discourse. The specifics of manipulative influence. Moscow: Libronom. (in Russ.)
15. Parshina, O. Ch. (2004). Strategii i taktiki rechevogo povedenia sovremennoi politicheskoi eliti Rossii = Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia. Astrakhan: Publishing House of Astrakhan State Technological University. (In Russ.)
16. Saveljeva, I. V. (2013). Variativnost strategiy tekstovosprijatia i tekstoporozhdenia: lingvopersonologicheskiy aspekt = Variability of strategies of text perception and text generation: linguopersonological aspect: PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
17. Grice, P. (1975). Logic and Conversation. Speech acts. New York: Academic Press.
18. Spengler, O. (1920). Der Untergang des Abendlandes. München: C. H. Beck.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кучина Дарья Дмитриевна
аспирантка кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuchina Daria Dmitrievna
postgraduate student of the Department of German Philology,
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811.112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_64

Категория времени в семантическом поле **tugent** (на материале немецкого средневекового трактата «Der welsche Gast»)

Т. А. Лазарева
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tatiandreevna13@yandex.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается поле tugent на материале произведения Томасина фон Цирклера «Der welsche Gast». В статье демонстрируются особенности употребления абстрактной лексики с точки зрения частных концепций средневековой элиты и общих духовных представлений о человеческой личности. Особенно подчеркивается лексика, связанная с категорией времени и использованием отведенного времени жизни для выполнения различных социальных задач.

Ключевые слова: абстрактная лексика, историческая семантика, значение, абстрактная семантика, словообразование, категория времени

Для цитирования: Лазарева Т. А. Категория времени в семантическом поле tugent (на материале немецкого средневекового трактата «Der welsche Gast») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 64–70. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_64

Original article

The Category of Time in the Semantic Field **tugent** (on the material of the German Medieval Treatise “Der welsche Gast”)

Tatiana A. Lazareva
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tatiandreevna13@yandex.ru

Abstract. The study examines the tugent field on the material of Thomasin von Zirkler’s work “Der welsche Gast”. The article demonstrates the features of the use of abstract vocabulary from the point of view of particular concepts of the medieval elite and general spiritual ideas about the human personality. The vocabulary associated with the category of time and the use of the allotted time of life to perform various social tasks is especially emphasized.

Keywords: abstract vocabulary, historical semantics, meaning, abstract semantics, word formation, category of time

For citation: Lazareva, T. A. (2022). The category of time in the semantic field *tugent* (on the material of the German Medieval Treatise “Der welsche Gast”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 64–70. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_64

ВВЕДЕНИЕ

Произведение XIII века «Der welsche Gast», написанное Томасином фон Цирклером (Thomasin von Zirklaere), представляет собой интерес с нескольких точек зрения: с точки зрения его создания и распространения, с точки зрения отраженных в нем социальных представлений о морали и с точки зрения средневерхненемецкого языка.

ИСТОРИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Томасин фон Цирклер (1186–1235) – очень необычный для своего времени автор. Будучи министериалом итальянского происхождения, Томасин фон Цирклер создает корпус этических наставлений для молодого дворянства на баварском диалекте [Höfer, 2017]. Сборник охватывает 14750 строф и оснащен иллюстрациями. Цифровую версию рукописи представил Гейдельбергский университет, в котором также хранится его старейшая копия.

Поскольку немецкий язык не является родным для Томасина фон Цирклера, он извиняется за качество своего текста (стихи 67–74), который он составил буквально за десять месяцев в 1215–1216 годах, о чем он сообщает в отрывках 11709–22 и строфе 12228 и непосредственно в названии, которое можно перевести как «Иностранный гость».

«Der welsche Gast» можно было бы перевести точнее не только как «Иностранный гость», но и как «Гость из Рима», «Гость из Италии», поскольку слово *welsch / welhisch / wälsch* используется в первую очередь для обозначения представителей романского мира: это могут быть носители любого языка романской группы, но в силу геополитических причин это преимущественно обозначение жителей альпийского региона – областей современной Италии и Швейцарии. Иногда этим словом называли любой иностранный язык по отношению к родному – немецкому: *tihten von der wälsche in diutsche zungen* – «записывал иностранные стихи на немецком языке» [Mittelhochdeutsches Wörterbuch von Benecke, Müller, Zarncke].

Несмотря на заявленные автором художественные недостатки, произведение обретает популярность: на сегодняшний день насчитывается 24 рукописи. Также примечательно, что иллюстрации не являются поздней вставкой, а изначально сопровождали текст произведения и есть вероятность, что были согласованы с автором.

НРАВСТВЕННЫЕ КОДЕКСЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В средневековом немецкоязычном культурном пространстве можно насчитать несколько типов нравственных предписаний:

1. Наставления для всех христиан в рамках католической церковной традиции (помимо Библии, например, Нокер фон Цвифальтен – «Memento mori», 1070);
2. Наставления для читателей придворной литературы (то есть для людей благородного происхождения, в эту группу можно включить рыцарей, дворян, королевскую свиту и пр.) Это могли быть различные жанры: например, рыцарский роман, миннезанг или героический эпос. В каждом жанре нравственные предписания были обусловлены, с одной стороны, собственной жанровой спецификой, с другой стороны, каждый тип персонажа обладал набором личностных качеств, которые должны были отвечать стереотипам современного общества.
3. Наставления мистиков (например, Майстера Экхарта – основоположника концепции отрешенности в средневековой немецкой культуре). Рекомендации мистиков относительно ведения духовной жизни отличаются от остальной духовной литературы и выделены в отдельную группу, поскольку в данном случае речь идет не о практических наставлениях для жизни человека в обществе, а о развитии у человека способности к богообщению, т. е. результатом внутренней работы должно стать удаление от мира с его склонностью к различным грехам.
4. Наставления для королевских особ, которые основываются на произведениях о Карле Великом, короле Артуре и других королях (например, «Король Ротер» XII в.), а также на хрониках и былинах.
5. Сборники универсальных общественных наставлений. Например, ***Winsbecke*** (XII в.) – наставления отца сыну и ***Winsbeckin*** – материнские наставления дочери.

Совокупность положительных качеств, которыми должен обладать представитель каждой социальной группы, выражается лексемой *tugent*, которая непременно присутствует в произведениях любого жанра, особенно в таких произведениях, как «Der welsche Gast», для которого объяснение этики является главной целью.

КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА TUGENT

В тексте «Der welsche Gast» насчитывается 467 контекстов со словом *tugent*. Употребление лексемы можно проанализировать с точки зрения особенностей ее морфологии и с точки зрения лексической сочетаемости.

Существительное *tugent* образовано от претерито-презентного глагола *tugen*, который к XIII веку превращается в слабый глагол. Слово *tugent* образовано путем конверсии от причастия настоящего времени (Partizip I), что придает образованному существительному значение длительного процесса [Paul, 1930, с. 429]. Это значение оказывается важным при попадании слова в соответствующий контекст.

В статье выделяется три группы контекстов на основе произведения «Der welsche Gast»: это *tugent* для всех людей и отдельно для элиты (а именно для дам и для рыцарей). С точки зрения трактовки лексемы *tugent*, корректнее было бы использовать не основное современное значение *добродетель*, а охарактеризовать его как *достоинство*. В этом случае находит свое объяснение постановка через запятую нравственных качеств, предписываемых христианской церковью, и положительных черт с точки зрения общества.

Для каждой группы контекстов выделяется лексика, составляющая совокупность положительных качеств (*tugent*) и отрицательных качеств (*untugent*). В связи с этим в каждом случае будет приведено по два списка слов соответственно.

1. Общечеловеческие качества

tugent: jugent, zuht, vrum(keit), muot, guete, rehte, rîchtuom, sin, dîemüete;
untugent: bosheit, trâheit, vîhe, ûzen, schalkeit, hoehe, unsælikeit, strît, erge, lüge, spot, has, zorn.

В тексте произведения подобные перечисления делаются в отношении человеческой души или даже целого мира, который поражен грехом.

Diu werlt hât erwelt strît,
erge, lüge, spot, haz, nît, zorn:
die ***tugende*** sint nu gar verlorn.
(*Der welsche Gast 2022, II, 2460*)

«Мир избрал раздор,
ярость, ложь, хитрость, ненависть, зависть и гнев:
добродетели сейчас совсем утеряны»
(Здесь и далее перевод наш. – *Т.А.)*

2. Качества дамы (vrouwe)

tugent: wârheit, guete, triuwe, schoene, gemüote, stæte, senfter muot, sinne, kiusche, jugent, getæte, hûfscheit, edelkeit, biderbe, milte;
untugent: unstætekeit, untriuwe, hôhvart, boeser list, valsch, übermuot, triwen holt, boesewîht, valsche bîten, altez wîp;

Diemüete zimt in beiden wol:
ein ***rîter*** und ein ***vrouwe*** sol
diemüete sîn; doch stêt diemüete
den ***vrouwen*** baz, wan ir güete
sol sîn geziert mit der tugent
beidiu an alter und an jugent.
Dem ***rîter*** zimt wol vrümkeit,
den ***vrouwen*** triuwe und wârheit
(*Der welsche Gast, I, 980*)

«Смирение подобает проявлять обоим: рыцарю и даме следует быть смиренными; но все же смирение больше подходит даме, когда ее доброта возрастает вместе с добродетелью и в молодости, и в старости. Рыцарю требуется большое благочестие, дамам – верность и правдивость».

3. Качества рыцаря (rîter):

tugent: vrûmkeit, ere, stæte, guete, kraft, jugent, wîze / wîztuom, rîchtuom, vlize, muot, biderbe, hüfscheit, rîche, rein, edeltuom, herzen kraft, milte, diumout, senfte, maht, guot gerîht, sælikeit, snell, sîn, dicke sin, hêrschaft, glust, adel, schoene site, vorhte, minne, sterke;
untugent: schalkeit, unsælikeit, boeser list, unstæte, armuot, boeser armman, unrehter muot, bosheit, lüge, unzuht, üpperkeit, übel, unmaht, hôhvart, schade, unsælde, übermuot, sunde / sunt, unreht, lôsheit, grôze müe, untugent wît, unkiusche, trâkeit, erge, nît, zorn, nerrischeit, ungeslaht, vîhe, unmâze, bloedekeit, unsin, zagehaft, trunkenheit.

Der ***rîter*** arc ist gar ân êre:
daz tumbe wîp an güete lære.
Dem ***rîter*** zimt niht schalkeit:
ein ***vrowe*** sol vor unstætekeit
und vor untriuwen sîn behuot
und vor hôhvart, daz ist guot.
(*Der welsche Gast, I, 990*)

«Ярость рыцаря – полное отсутствие чести *для него*: *как и для* глупой женщины, *которая* пуста в доброте. Рыцарю не подобает раболепство:

даме следует остерегаться непостоянства и неверности, и гордости – это правильно».

Слова в приведенных перечнях качеств можно было бы сгруппировать не только с точки зрения нравственных представлений о личности, но и с точки зрения задач, которые возложены на человека с точки зрения его жизни в обществе.

Например, для всех групп актуальны такие положительные качества, как *jugent* (*молодость*), *muot* (*мужество, дух, разум*), *guete* (*доброта*) и отрицательные *bosheit* (*злость*), *vîhe* (*скотское поведение*), где *guete* и *bosheit* отражают нравственный аспект жизни, а *jugent*, *muot* и *vîhe* – социальный.

Интересно отметить, что слово *guete*, соответствующее современному *Güte*, получило расширение значения. Сейчас оно обозначает не только доброту, но и совокупность положительных качеств в человеке (подобно тому, как в свн. использовалось *tugent*). Однако на момент создания произведения «Der welsche Gast» оно имело более узкое значение *доброта*, в то время как слово *tugent*, использовавшееся в самом широком смысле, наоборот, сузилось до значения (духовная) *добродетель* в противоположность пороку.

В числе нравственных качеств дамы следует назвать *wârheit, guete, triuwe, gemüote, kiusche, milte* (*правдивость, доброта, верность, заботливость, скромность, щедрость*), а в числе «социальных» – *schoene, stæte, senfter muot, sinne, jugent, getæte, hûfscheit, edelkeit, biderbe* (*красота, постоянство, трезвый ум, разумность, молодость, стать, воспитанность, благородство, полезность*).

Для рыцаря же актуален другой набор. В нравственном измерении – это *vrûmkeit, guete, rein, herzen kraft, milte, diumout, sælikeit, vorhte, minne* (*благочестие, доброта, чистота, душевные силы, смирение, совершенство, богобоязненность, любовь*), а в социальном – *ere, stæte, kraft, jugent, wîze / wîztuom, rîche / rîchtuom, vlize, muot, biderbe, hüfscheit, edeltuom / adel, senfte, maht, guot gerîht, snell, sîn, dicke sin, hêrschaft, glust, schoene site* (*честь, постоянство, сила, молодость, мудрость, великодушие, усердие, мужество, полезность, воспитанность, благородство, зрелость, власть* (*политическая*), *хороший суд, храбрость, ум, уверенность, власть* (*благородство*), *радость, хорошие привычки*).

Можно увидеть, что среди перечисленных слов обозначения нравственности составляют меньшую часть. Среди остальных существует еще одно условное разделение: слова распределяются на качества, связанные с физическими параметрами (например, *kraft* – *сила* или *stæte* – *стать*), и на качества, иллюстрирующие интеллектуальные способности, воспитание, душевные качества (например, *muot* – *решимость* или *triuwe* – *верность*).

Так, для обозначения физических качеств можно выделить у дамы *schoene* – *красота*, *jugent* – *молодость*, а у рыцаря *kraft* – *сила*, *jugent* – *молодость*, в то время как остальные слова включают характеристики порядочной женщины как прежде всего части элитного мира придворной культуры (*hûfscheit* – *воспитанность, edelkeit* – *благородство, sinne* – *разумность* и т. д.) или характеристики рыцаря как хорошего воина, который не только участвует в бою, но и имеет власть распоряжаться имуществом и принимать ответственные решения, в том числе судебного характера (*ere* – *честь, wîztuom* – *мудрость, rîchtuom* – *великодушие, vlize* – *усердие*, *muot* – *мужество* и т. д.).

Среди душевных качеств для дам и рыцарей общими являются в нравственном плане *guete* – *доброта*, *milte* – *щедрость*, а в социокультурном контексте это *stæte* – *постоянство / стать*, *sin* – *разум*, *hûfscheit* – *воспитанность*.

ВАЖНОСТЬ СЛОВА JUGENT В КОНТЕКСТЕ ДОСТОИНСТВ ЧЕЛОВЕКА

Особый интерес в названной лексике представляет собой слово *jugent* – *молодость*, появление которого кажется несколько неожиданным. Точнее, в ряде контекстов слово *jugent* – *молодость* сочетается с *alter* – *старость*, и тогда оппозиция кажется закономерной:

ez mag im vrumen an der ***tugent***
bêdiu an ***alter*** unde an ***jugent***
(*Der welsche Gast, I, 30*)

«Это может ему принести пользу
как в старости, так и в молодости».

В большинстве случаев представленные в произведении качества действительно могут быть присущи как молодым людям, так и пожилым. Однако в некоторых случаях Томасин фон Цирклер подчеркивает необходимость начинать работу над собой именно в молодом возрасте, чтобы эти качества закрепились в человеке на длительное время (*zaller vrist*):

Seht, er gap genuoc kleine,
wan daz sîn herze was sô reine,
daz erz von ***tugenden*** gap: er ist
dervon genant ***zaller vrist***
(*Der welsche Gast, III, 3785*)

«Смотрите, он был достаточно маленький, когда его сердце было таким чистым, что оно было полно *достоинств*: теперь он ими исполнен на долгое время».

В то же время есть отрывки, в которых акцент делается на значимости *jugent* для реализации определенной социальной задачи. Чтобы человек реализовался, ему необходимо провести свою молодость продуктивно, иначе он не выполнит свое предназначение:

Muoze ist jungen liutn ***untugent;***
trâkeit ist niht wol bî ***jugent***
(*Der welsche Gast, I, 145*)

«Наличие большого количества свободного времени плохо для молодых людей, праздность не приветствуется в молодости».

Если человек воспитывается в правильном духе, ему сложнее уклониться в сторону порока или несоответствия ожиданиям:

Swelch vrouwe kiusche ist in ir jugent.
Hât si dar zuo dan dise ***tugent***
daz si vor hôhvart sî behuot.
(*Der welsche Gast, I, 1360*)

«Какая дама проявляет скромность в молодости, *такая* имеет тогда эту добродетель, что защищает ее от высокомерия».

Молодость, которую общество хочет видеть от образцового представителя элиты, должна позволить этому человеку обрести максимально стабильное нравственное и физическое состояние, которое сделает его достаточно надежным на долгое время.

В этом смысле автор отмечает, что обретенную *tugent* легко утратить, а вот негативные черты остаются с человеком надолго. Это напрямую коррелирует с необходимостью совершенствоваться с юности, о чем упоминалось выше.

Swaz von tugent niht komen ist,
daz ist untugent ***zaller vrist***.
(*Der welsche Gast, III, 3720*)

«*То*, что происходит не от *добродетели*,
является *пороком* на долгое время».

Слова *tugent / untugent* и сема времени

Как было показано выше, дама и рыцарь как главные участники придворной жизни изначально должны находиться в правильных условиях, чтобы поддерживать свой образ жизни. Отражением постоянной работы личности является лексика, в семантике которой содержится указание на время.

Например, в списках *tugent / untugent* обнаруживаются такие качества, как *stæte / unstæte*, *snelle / trâkeit*. Каждое из них имеет целый ряд значений. Упомянутые добродетели *snelle* и *stæte* имеют не только значение скорости (*snelle*) и постоянства (*stæte*), но и употребляются в значениях *дерзновение, храбрость* (*snelle*) и *стать, достоинство, надлежащее поведение* (*stæte*). При этом спешка также расценивается плохо, поскольку провоцирует человека на неправильные поступки. Например:

Swer ze der milte und zer diumuot
stîgen wil, hêrschaft unde guot
ziehent in snelle wider:
sô muoz er zer erge nider
vallen und ze der übermuot.
(*Der welsche Gast, V, 5950*)

«Кто хочет возвыситься до милосердия и смирения, воинственность и доброту, убавьте пыл: он должен пасть к ярости и гордости».

С целью показать неоднозначность употребления некоторых слов приводится несколько контекстов. В первом отрывке слово *snell* следует понимать как указание на скорость, бойкость и физическую быстроту:

Die tugende der sêle krefte sint;
den lîp diu sterke ane wint,
diu ***snelle*** und diu behendekeit,
daz wizzet vür die wârheit.
(*Der welsche Gast, VIII, 8505*)

Букв.: ‘добродетели – это силы души; тела сила – *без поворота,* резвость и ловкость, это знайте для правды’.

При этом тело должно подчиняться душе, так что рыцарю недостаточно обладать силой и быстротой, он должен следить за тем, чтобы они были направлены на обретение добродетели, иначе все его действия считаются глупыми, безрассудными.

Solden sterke und ***snellekeit***
geben tugende und vrümkeit,
sô wære ouch tugenthaft ein rint,
wan ez ist starc: eins gouches kint

vliuget vaste, sô wær ouch
tugenthaft der selbe gouch.
(*Der welsche Gast, VIII, 8570*)

«Должны сила и быстрота давать добродетели и благочестие, а то был бы добродетельным и скот, если он сильный: глупость ребенка летит быстро (сильно), так что такая добродетель – такая же глупость».

Второе значение уже вовсе не телесная быстрота, а дерзновение ума. И тогда можно найти такое употребление:

Wir handeln ***sneller*** mit dem sinne,
daz ein grôz dinc wirt bereit,
dan mit des lîbes ***snellekeit***.
(*Der welsche Gast, VIII, 8520*)

«Мы действуем бойко умом, так что больше вещей получается, чем за счет быстроты тела».

Получается, что важно действовать быстро и смело, однако не нужно торопиться. Антиподом слову *snell* служит *trâkeit* – *праздность*, потому что она забирает у человека время, после чего он утрачивает достоинство. Это следует из контекста:

Wie aver der der zaller ***zît***
mit beine über beine lît,
der ist ein schalc der ***trâkeit***:
er mac der vrouwen sîn gemeit.
(*Der welsche Gast, IV, 4300*)

«Но кто лежит нога на ногу все время, тот раб праздности: он может превратиться в женщину».

Аналогично ведут себя лексемы *stæte / unstæte*, когда речь идет о постоянстве и ветреном поведении.

Swer ot ***stæte*** an tugenden ist,
im wirt wol zetlîcher vrist.
(*Der welsche Gast, VI, 6860*)

«Кто постоянен в своих добродетелях, тот долго благополучен».

При этом качеству постоянства отводится достаточно большая часть среди других положительных качеств. Например, в некоторых отрывках постоянству приписывается ключевая роль для обретения высшей ступени добродетели.

Wil er zem oberisten guot
stîgen, er muoz ***stæten*** muot
hân: er muoz mit müe dar,
daz geloubet wol vür wâr.
(*Der welsche Gast, V, 5900*)

«Кто хочет возвыситься до высшего добра, должен иметь дух постоянства: он должен стараться получать похвалу за то, что действительно хорошо».

ВЫВОДЫ

Достоинства, которыми должен владеть человек вне зависимости от своего положения в обществе, не следует рассматривать как статичные категории. Они обретаются в движении, которое задается словом *tugent*, начиная с его отглагольного, точнее причастного значения и заканчивая его контекстуальным употреблением.

Слово *tugent* в свн. обладает максимально широким диапазоном значений и является собирательным для нравственных, социальных и даже некоторых физических характеристик человека.

Человек должен расти в добродетели и укрепляться в тех качествах, которые от него требуются для реализации в обществе. Двигаясь от молодого возраста, где важнее проявить себя в качестве здорового, сильного, ловкого, быстрого и проворного, к зрелости, человек постепенно укрепляется в благоразумии, надежности и доброте, поскольку именно для воплощения духовных идеалов нужны физические возможности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mittelhochdeutsches Wörterbuch von Benecke, Müller, Zarncke, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. URL: https://www.woerterbuchnetz.de/BMZ (дата обращения: 03.05.2022).
2. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. URL: https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer (дата обращения: 03.05.2022).
3. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle: Niemeyer, 1930.

4. Höfer S. Thomasin von Zirklaere. Der welsche Gast: Gesellschaftliche Werte und Normen und deren Umsetzung in Muster praktischen Handelns für den höfischen Adel nebst Traditionszusammenhang. Übersicht über die Vorrede, die Bücher 1-3 und 9. URL: https://docplayer.org/26667525-Thomasin-von-zerklaere-der-welsche-gast.html (дата обращения: 15.04.2022).
5. Thomasin von Zerklaere. Welscher Gast. Text-Bild-Edition "Welscher Gast digital". Hrsg. von Jakub Šimek unter Mitwirkung von Peter Schmidt und Christian Schneider, Heidelberg: Universitätsbibliothek, 2015ff.
6. Thomasin von Zirklaere (2022). Der welsche Gast. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/13Jh/Thomasin/tho_intr.html (дата обращения: 20.03.2022).

REFERENCES

1. Mittelhochdeutsches Wörterbuch von Benecke, Müller, Zarncke, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. https://www.woerterbuchnetz.de/BMZ, abgerufen am 03.05.2022.
2. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer, abgerufen am 03.05.2022.
3. Paul, H. (1930) Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle: Niemeyer.
4. Höfer, S. Thomasin von Zirklaere. Der welsche Gast. Gesellschaftliche Werte und Normen und deren Umsetzung in Muster praktischen Handelns für den höfischen Adel nebst Traditionszusammenhang. Übersicht über die Vorrede, die Bücher 1-3 und 9. https://docplayer.org/26667525-Thomasin-von-zerklaere-der-welsche-gast.html, abgerufen am: 15.04.2022.
5. Thomasin von Zerklaere (2015). Welscher Gast. Text-Bild-Edition "Welscher Gast digital". Hrsg. von Jakub Šimek unter Mitwirkung von Peter Schmidt und Christian Schneider, Heidelberg: Universitätsbibliothek.
6. Thomasin von Zirklaere (2022). Der welsche Gast. https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/13Jh/Thomasin/tho_intr.html, abgerufen am: 20.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарева Татьяна Андреевна
старший преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazareva Tatiana Andreevna
Senior lecturer, Department of Grammar and History of the German language,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81'44; 811.221.18
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_71

Результативная акциональность в глаголах терминативно-временных способов действия (ограничительность) в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским языком)

А. А. Левитская

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия
54alina.levitskaya@gmail.com

Аннотация. При анализе сходств и различий в осетинских и русских глаголах со значением ограничительности с использованием традиционных методов – компонентного анализа, описательного, сравнительно-сопоставительного, типологического – получены подтверждения различной степени облигаторности и частотности выражения определенных смыслов при обозначении одной и той же внеязыковой ситуации разными аспектуальными системами, задающими определенные ракурсы видения характера протекания и распределения действия во времени.

Ключевые слова: способы действия, пердуративность, делимитативность, универсальные и идиоэтнические смыслы, результативная акциональность

Для цитирования: Левитская А. А. Результативная акциональность в глаголах терминативно-временных способов действия (ограничительность) в современном осетинском языке (в сопоставлении в русским языком // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 7 (862). С. 71–78. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_71

Scientific article

Resultative actionality in verbs of terminative-temporal Aktionsarts (limitation) in the modern Ossetian language (in comparison with the Russian language)

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia
54alina.levitskaya@gmail.com

Abstract. Analyzing the similarities and differences in the expression of limitation by Ossetian and Russian functional correspondences using the traditional methods of component analysis, descriptive, comparative, typological, confirmations of varying degrees of obligatoriness and frequency of expression of certain meanings were obtained when denoting the same non-linguistic situation by different aspectual systems that set certain perspectives of the nature of the flow and distribution of action in time.

Keywords: Aktionsarts, perdurativeness, delimitativeness, universal and idioethnic meanings, resultative actionality

For citation: Levitskaya, A. A. (2022). Resultative actionality in verbs of terminative-temporal Aktionsarts (limitation) in the modern Ossetian language (in comparison with the Russian language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 71–78. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_71

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является продолжением многолетних исследований автором особенностей организации функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности в современном осетинском языке в сопоставлении со структурно-смысловой организацией ФСП аспектуальности в современном русском языке. Принцип полевого подхода, сформулированный А. В. Бондарко [Бондарко, 1967, с.18–31], предполагает объединение на основании семантико-функциональной общности разнородных языковых элементов – лексических, морфологических, словообразовательных, синтаксических. ФСП аспектуальности можно считать универсалией: «так или иначе организованное, оно имеется во всех языках» [Маслов, 2004, с. 326]. Осетинский язык заметно выделяется в группе близкородственных иранских, не имеющих грамматической категории вида, и сближается с русским языком, характеризующимся моноцентрическим ФСП аспектуальности с целостным грамматическим ядром (категорией вида) [Бондарко, 2017, с.34], тем, что имеет ФСП аспектуальности, ядро которого является гетерогенным (представлено двумя грамматическими категориями: вида и политемпоральной кратности) [Цалиева (Левитская), 1983, с. 59–62, 118–123]. На периферии осетинского ФСП так же, как и в русском языке, функционируют способы глагольного действия (СД), представленные определенными лексико-семантическими разрядами, выделяемыми на основе сходства в особенностях характера протекания и распределения действия во времени [Левитская, 2007, с. 89–107]. Категорию предельности/непредельности (ПД/НПД) вслед за Ю. С. Масловым рассматриваем как «наивысшую абстракцию способов действия, абстракцию, … перерастающую рамки лексической группировки глаголов и как бы стоящую на пороге грамматики» [Маслов, 2004, с. 261] и определяем как полуграмматическую, как «переходное звено» между способами действия и категорией вида [Маслов, 1959, с. 198]. Придерживаемся точки зрения А. А. Холодовича и др. аспектологов относительно универсальности данной категории [Холодович, 1963, с. 8–9]. Исследование фактического осетинского материала позволило нам впервые в осетиноведческой научной традиции выделить и описать значительную часть характеризованных СД [Цалиева (Левитская), 1983, с. 19–51; Левитская, 2021а, с. 78–85; Левитская, 2021б, с. 86–93 и др.] с опорой на результаты теоретических и практических разработок проблематики способов действия отечественными и зарубежными аспектологами [Маслов, 1965, с. 53–80; Бондарко, 1971, с. 6–17; Шелякин, 1972, с. 240–253; Зализняк, Шмелев, 2000, с. 104–127; Храковский, 2017, с. 124–152 и др.; Агрелль, 1962, с. 36; Кошмидер, 1962, с.178; Якобсон, 1962, с. 39 и др.].

Настоящая публикация посвящена подробному описанию глаголов ограничительных СД в современном осетинском языке в сопоставлении с русским для выявления специфики взаимодействия глаголов данных СД с категорией вида, а также для установления универсальных сходств и идиоэтнических различий в функционально-переводных осетинских и русских вариантах при описании одной и той же внеязыковой ситуации в целях исследования отражения в разных языках закономерностей «интерпретации человеком объективных сущностей и отношений между ними» [Петрухина, 2001, с. 56].

ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЙ АКЦИОНАЛЬНОСТИ (ПЕРДУРАТИВНОСТИ И ДЕЛИМИТАТИВНОСТИ) ГЛАГОЛАМИ С ПРИСТАВКОЙ *фæ-* В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке к терминативно-временным СД относятся приставочные глаголы аспектуально-акциональной семантики, включающей в себя обозначение временнòй границы определенной длительности в протекании действия, воспринимаемой как предел данного действия [Шелякин, 2017, с. 65, 69, 79]. Производящими для этого класса глагольной лексики выступают непредельные глаголы или непредельные значения от глаголов с подвижной границей между предельными/непредельными значениями. Русские терминативно-временные СД включают в себя начинательный, длительно-ограниченный (пердуративный), ограничительный, финитивный, однократный, протяженно-одноактный [там же, с. 79–80], образующие сферу особой – результативной – акциональности, связанной с трансформацией семантики производящих непредельных бесприставочных глаголов в предельную семантику приставочных глаголов, обозначающих реализацию действия в рамках определенных временны́х границ с достижением некоего результата.

В подавляющем большинстве случаев осетинскими функционально-переводными соответствиями русских глаголов терминативно-временных СД выступают приставочные глаголы с *фæ-*, на что мы обратили внимание ранее, при описании приставочных образований с данным превербом, производных от предельных значений, тогда

как в осетинских вариантах наблюдались такие комбинации акциональных оттенков, которые не свойственны семантике современных русских глаголов [Левитская, 2021б, с. 86–93].

В данной статье отражены результаты более подробного исследования употреблений глаголов с приставкой *фæ-* именно в ограничительных значениях, функционально соответствующих русским терминативно-временным СД – пердуративному и делимитативному. Обратимся к контекстуальным примерам[1]:

Со значением *пердуративности*:

1. «Подумайте только, **прожили** *шесть месяцев* при немцах, как в могиле **просидели**: ни песен, ни смеха, только стоны, кровь, слезы», – с силой говорила Люба (608).
   «Ахъуыды ма кæнут, немыцы рæстæджы *æхсæз мæйы* **фæцардыстæм**, цыма ингæны **фæбадтыстæм**: зард дæр нæй, худт дæр, æрмæст хъæрзын, туг, цæссыгтæ», – зæрдиагæй дзырдта Любкæ (776).

2. Валько, расставшись со своими спутниками, весь день **пролежал** *в степи*... (259)
   Валько, йе'мбæлццатимæ фæхицæн уæвгæйæ, *æнæхъæн бон* **фæхуссыди** тыгъд быдыры... (325)

Со значением *делимитативности:*

1. Маленький худенький мальчик... взобрался на арку, *некоторое время* **повозился** на самой ее середине... (427)
   Чысыл къæсхуыр лæппу... сбырыд аркæмæ, *иу цасдæр рæстæг* ын йæ бæстæстæу **фæцархайдта** (544).

2. Она упала ему прямо в руки и обняла его за шею, и он **подержал** ее так *некоторое время* (488)
   Æрхауди лæппуйыл цæнгтыл раст, æмæ йын йæ хъуырыл атыхст, лæппу дæр ыл афтæ **фæхæцыдис** *иу цасдæр* (622).

В отличие от ситуации в современном русском языке, где значения пердуративности (длительной, определенной ограниченности) и делимитативности (недлительной, неопределенной ограниченности) действия маркируются разными приставками: пердуративность – приставками *про-*, *пере-*, *от-*, делимитативность – приставками *по-*, *вз-* в сочетании с суффиксом *-ну-*, а также приставками *при-*, *пере-*, *со-* [Шелякин, 2017, с. 79–80], в осетинском языке оба эти значения могут маркироваться одной и той же приставкой *фæ-*, и только контекст и специальные лексические средства уточняют характеристики длительности/ недлительности, определенности/неопределенности действия, ограниченного во времени. Особенно наглядны с этой точки зрения приставочные образования с *фæ-* со значением ограниченного во времени протекания действия разной степени длительности, образованные от одного и того же глагола, выступающего в разных контекстах. Например:

1. Ваня сунул окоченевшие руки в карманы пальто и прислонился к стене, склонив голову в ушанке, и так с присущим ему терпением **простоял** *долго*, он не знал, сколько, – может быть, *несколько часов* (583).
   Ваняйы къухтæ баргъæвстысты, йæ пъалтойы дзыппыты сæ атъыста æмæ къулыл банцой кодта, æмæ хъусджын худ йæ сæрыл афтæмæй йæ æркъуыл кодта æмæ уый хуызæнæй, кæддæриддæрæу, фæразонæй, быхсгæйæ, **фæлæууыди** *бирæ*, нæ йæ зыдта, цас, чи зоны, æмæ *цалдæр сахаты* (744).

2. Немецкие военные медики, покачиваясь... *некоторое время* **постояли** на крыльце в глубоком молчании (394).
   Немыцы хастон медиктæ, ... дзойтæ кæнгæйæ æмæ æнæ дзургæйæ *иу цасдæр* **фæлæууыдысты** тыргъы (501) и др.

Из приведенных (и многих др. примеров) очевидно, что осетинские функционально-переводные эквиваленты русских глаголов пердуративного СД и делимитативного СД «обозначают особый тип событий, которые сводятся к ограниченному во времени отрезку процесса... пусть и разной степени длительности» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2010, с. 17], в них предельность отличается особым характером – количественно-временным, наличием временнòй границы определенной длительности, бòльшей или мѐньшей. На протяженность длительности (долго/недолго) и определенность / неопределенность отрезка времени, в течение которого проявляется действие, указывают контекст и специальные лексические средства. При этом в современном осетинском языке обозначение идеи ограниченности протекания действия временными рамками с помощью приставочного глагола совершенного вида (СВ) с превербом

[1] В статье приводятся примеры из романа А. Фадеева «Молодая гвардия» на русском и осетинском языках. В скобках к примерам указаны страницы изданий: А.А. Фадеев. Молодая гвардия // Собр. соч.: в 7 т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 3. 678 с.; А. Фадеев. Æрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстоны чингуыты рауагъдат, 1953. 839 ф.

фæ- носит обязательный характер, тогда как в русских функционально-переводных эквивалентах может выступать и глагол несовершенного вида (НСВ), хотя, как показывают нижеприведенные (и им подобные) примеры, это всегда употребление глагола НСВ в общефактическом результативном значении, конкурирующем с конкретно-фактическим значением СВ, когда акцент делается на самом факте действия, «без какой бы то ни было конкретизации его протекания» [Бондарко, 1980, с. 611], «когда глагол несовершенного вида обозначает действие, достигшее результата» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 26]. Сравним:

> И Шульга пошел по улице, а Кондратович еще *некоторое время* **стоял** у этого угольного сарайчика… (144)
> Æмæ Шульга уынг-уынг ацыди, Кондратович ма *иу цасдæр* **фæлæууди** уыцы æвзалыдоны… (182)

Русскому глаголу НСВ «стоял» в общефактическом результативном значении соответствует осетинский глагол СВ в конкретно-фактическом значении «фæлæууыд», характеризующий ограниченность протекания действия именно благодаря приставке *фæ-*, а на его недлительность и временну́ю неопределенность указывают специальные лексические средства, как и в русском языке («иу цасдæр/некоторое время»). И если в русском варианте значение ограниченности протекания действия во времени обозначается именно контекстом, который и определяет востребованность соответствующей разновидности употребления русского НСВ, то в осетинском варианте налицо выражение значения ограниченной акциональности именно глагольной формой, обстоятельство времени («иу цасдæр») лишь уточняет степень длительности и ее неопределенность.

В следующем примере наблюдаем аспектуально-акциональную ситуацию действия пердуративного характера длительности с употреблением в русских вариантах глаголов в форме НСВ:

> Валя остановилась посреди дороги и **стояла** *долго-долго*, худая, с этим мешком за плечами, и ветер теребил мокрый, выбившийся из-под берета завиток ее волос (636)
> Валя æрлæууыди фæндаджы астæу æмæ иу ран *бирæ* **фæлæууыди**, уыцы голлаг йе'ккой, афтæмæй æмæ йын дымгæ ратон-батон кодта, береты бынæй чи разынд, уыцы бурдзалыг дзыккуйы дадали (813).

Аспектуально-акциональным смыслам русского словосочетания «стояла долго-долго» с глаголом НСВ в общефактическом результативном значении соответствует осетинский вариант «бирæ фæлæууыди» (*букв.*: 'долго простояла' – *А. Л.*) в пердуративном значении, формируемом и приставочной формой глагола СВ в конкретно-фактическом употреблении, и лексическим показателем «бирæ / долго».

Сравнительный анализ употреблений приставочных образований с *фæ-* в разных вариантах их функционально-переводных соответствий русским глаголам в пердуративном и делимитативном значениях, а также русским глаголам НСВ в общефактическом результативном значении, конкурирующем с конкретно-фактическим значением СВ в контекстах, синонимичных употреблениям глаголов СВ в пердуративном и делимитативном СД, позволяет убедиться в том, что осетинские приставочные глаголы СВ с превербом *фæ-* всегда обозначают результативность и тех действий, которые по природе своей являются непредельными (как, например, в нашем случае – глагол «стоять»). При условии ограничения протекания таких действий временными рамками большей или меньшей протяженности их аспектуальная характеристика дополняется «пределом в виде временной границы определенной длительности, когда предельность дополнительно «накладывается» на действие [Шелякин, 2017, с. 65]. Как отмечал Ю. С. Маслов, в современном русском языке «между выражениями типа *стоял полчаса* и *постоял полча*са (или *стоял полчаса* и *простоял полчаса*) отношения синонимии, подходящие под понятие «конкуренции» СВ и НСВ, основной смысл высказывания остается тем же, изменяются лишь оттенки значения, – оттенки, по-видимому, относящиеся не к числу универсальных компонентов аспектуальности, а к числу ее специфических компонентов. Во всяком случае, оттенки эти вряд ли могут быть отражены в переводе на язык, не имеющий СВ и НСВ и ограничительных способов действия…» [Маслов, 2004, с. 405]. Принимая во внимание особенности контекстуальных русско-осетинских функционально-переводных соответствий и приведенное суждение Ю. С. Маслова относительно неуниверсальности, специфичности значений ограничительного характера действия и малой вероятности их выражения в языках, не имеющих категории вида и соответствующих способов действия, отметим следующее:

- Составляющими функционально-семантического поля аспектуальности в современном осетинском языке являются грамматическая категория вида (НСВ / СВ), грамматическая категория политемпоральной кратности действия, образующие ядро этого поля, а также полуграмматическая категория

предельности / непредельности и многочисленные морфемно характеризованные способы глагольного действия, в том числе и со значением ограничительности.

- Идея ограниченности действия определенными временными рамками большей или меньшей протяженности в осетинском, в отличие от русского языка, в обязательном порядке фиксируется приставочными образованиями с *фæ-*, а модально-временные разновидности протяженности уточняются специальными лексическими показателями и контекстом, т. е. в выражении значения ограничительности глаголами определенных СД осетинский язык выступает более последовательно.
- Осетинский язык оказывается более последовательным и в обозначении результативного характера ограниченного во времени протекания действия в случаях функционально-переводных соответствий употреблениям русских глаголов НСВ в общефактическом результативном значении – в осетинском варианте всегда наблюдаем глагол СВ в конкретно-фактическом значении.

ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ ДЕЛИМИТАТИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ ГЛАГОЛАМИ С ПРИСТАВКОЙ А-

Для выражения аспектуально-акционального значения именно делимитативности в осетинском языке используются приставочные образования с превербом *а-*, причем, в отличие от употреблений глаголов с приставкой *фæ-*, безо всякой поддержки лексическими показателями или контекстом. Например:[1]

1. Он **полистал** газеты, которые лежали перед ним.
   Йæ размæ цы газеттæ уыдис, уыдон **арафæлдах-бафæлдах кодта** (*букв.*: 'поперелистывал'. – *А. Л.*) (144)

   полистал / арафæлдах-бафæлдах кодта ← полистать / арафæлдах-бафæлдах кæнын ← листать, перелистывать / рафæлдах-бафæлдах к.[2]

2. Болат **поискал** подорожник вокруг себя, но ему на глаза ничего не попалось.
   Болат йæ алфамбылай дугъы сыф **ацагуырдтæ**, фæлæ йæ цæст ницæуыл æрхæуыд (271)

   поискал / ацагуырдтæ ← поискать / ацагуырын ← искать / агуырын.

3. Сейчас этот парень поищет его и мы **поговорим** о том, как лучше поступить.
   Ныртæккæ йæ læппу æрцагурдзæн, æмæ куыд хуыздæр уыдзæн, ууыл иумæ **адзурдзыстæм** (49)

   поговорим / адзурдзыстæм ← поговорить / адзурын ← говорить / дзурын.

Ранее мы уже отмечали способность преверба *а-* маркировать значение делимитативности при соединении с глаголами движения-перемещения в случае актуализации в них значения ненаправленного характера перемещения (*аленк к. / поплавать*, *ахæтын / погулять* и др.); с глаголами мультипликативных СД (*анæтын / постонать*, *арæйын / полаять* и др.); статального СД (*абадын / посидеть*, *алæууын / постоять* и др.); эволютивного СД (*азарын / попеть*, *акафын / потанцевать* и др.), а также от глаголов других лексико-семантических разрядов [Цалиева (Левитская), 1983, с. 25–31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение в рамках данной статьи темы результативной акциональности в ограничительных терминативно-временных способах действия осетинского языка, характеризованных приставками *фæ-* и *а-*, в сопоставлении с русским языком, позволило установить сходства и различия между русскими и осетинскими функционально-переводными соответствиями в выражении универсального значения ограниченности действия, прежде всего маркированного превербом *фæ-*. Если в русском языке наблюдается дифференциация пердуративности и делимитативности благодаря употреблению разных превербов, то в осетинском на большую или меньшую степень ограниченности действия указывает контекст, а приставочный глагол с *фæ-* лишь обозначает ограниченный характер действия. Но при этом, если в русском языке при обозначении действия ограниченной длительности возможно употребление глагола НСВ в общефактическом результативном значении, то в осетинском наблюдаем бóльшую

[1] Примеры взяты из: Осетинско-русский словарь в 4-х т. Т. 1. Владикавказ: СОИГСИ РАН ВНЦ, 2016. В скобках указаны страницы.

[2] Здесь и далее к. – сокращенный вариант вспомогательного глагола в составных глаголах 'кæнын (кодта, кæндзæн)/делать' в разных временных формах.

последовательность: при обозначении ограниченного во времени результативного проявления действия всегда употребляется глагол СВ в конкретно-фактическом значении. Более того, для выражения именно делимитативного значения в осетинском используются приставочные образования СВ с *а*-, не требующие дополнительной контекстуальной поддержки при обозначении реализации действия в сравнительно недлительные и неопределенные отрезки времени.

Эти факты, с одной стороны, убеждают в том, что «категориальная видовая семантика и организация аспектуальной системы задают определенные ракурсы видения ситуации и могут накладывать ограничения на возможные способы ее представления» [Петрухина, 2001, с. 61], и, с другой стороны, подтверждают, что «различную степень облигаторности и частотности выражения того или иного смысла при обозначении типовых ситуаций в разных языках, отражающих разную значимость отдельных категориальных смыслов для языковых картин мира, можно считать проявлением своего рода языковой относительности в сфере грамматики» [там же]. Производные слова (в нашем случае приставочные глаголы, образованные с помощью разных приставок от предельных и непредельных значений) выступают как единицы «хранения, извлечения, получения и систематизации» опыта и знаний человека о мире [Кубрякова, 1998, с. 56]. При этом универсальные смыслы, комбинируясь с идиоэтническими компонентами семантики конкретных грамматических форм в каждом из сопоставляемых языков, «могут обусловливать расхождения в смысловых основах соответствующих предложений, являющихся функционально-переводными эквивалентами» [Петрухина, 2001, с. 60].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарко А. В. К проблеме функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С. 16–31.
2. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–364.
3. Цалиева (Левитская) А. А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: дис. … канд. филол. наук. Л., 1983.
4. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектология. Временная локализованность. Таксис. Изд. 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 5–39.
5. Левитская А. А. О видовой несоотносительности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 89–107.
6. Маслов Ю. С. Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 249–266.
7. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: АН СССР, 1959. С. 157–312.
8. Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Филология стран Востока. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 3–11.
9. Левитская А. А. Осетинские аспектуально-акциональные эквиваленты русских способов действия со значением распределенности, рассредоточенности, суммарности // Филология и Культура. Philology and Culture. Казань, 2021а. № 4. С. 78–85.
10. Левитская А. А. Способы выражения семантики дистрибутивной неоднократности в современном осетинском языке в сопоставлении с русским (на примере глаголов русского дистрибутивно-суммарного СД) // Филология и культура. Philology and Culture. Казань: Изд-во КФУ, 2021б. № 4. С. 86–93.
11. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 53–80.
12. Бондарко А. В. Виды глаголов и способы действия в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1971. № 2. С. 6–17.
13. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): дис. … д-ра филол. наук. Л., 1972.
14. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
15. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Изд. 7-е. М.: Ленанд, 2017. С. 124–152.

16. Агрелль С. О способах действия польского глагола // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 35–38.
17. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 105–167.
18. Якобсон Г. Из рецензии на книгу Якоба Вакернагеля «Лекции по синтаксису» // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 39–40.
19. Петрухина Е. В. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового содержания // Исследования по языкознанию к 70-летию члена-корр. РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. С. 56–65.
20. Шелякин А. М. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Ленанд, 2017. С. 63–85.
21. Зализняк А. А., Микаэлян И. А., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.
22. Бондарко А. В. Употребление видов // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. С. 604–613.
23. Маслов Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 396–410.
24. Кубрякова Е. С. Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3. К международному съезду славистов в Кракове. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 53–89.

REFERENCES

1. Bondarko, A.V. (1967). K probleme funktsional'no-semanticheskikh kategoriy (glagol'nyy vid i «aspektual'nost'» v russkom yazyke) = On the problem of functional-semantic categories (verb form and "aspectuality" in the Russian language). Issues of Linguistics, 2, 16–31. (In Russ.)
2. Maslov, Yu. S. (2004). K osnovaniyam sopostavitel'noy aspektologii = To the foundations of comparative aspectology. Izbrannyye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaniye (pp. 305–364). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
3. Tsalieva (Levitskaya), A. A. (1983). Aspektual'nost' v osetinskom yazyke, yeye geneticheskiye i areal'n·yye svyazi = Aspectuality in the Ossetian language, its genetic and areal connections: PhD in Philology. Leningrad. (In Russ.)
4. Bondarko, A. V. (2017). Vvedeniye. Osnovaniya funktsional'noy grammatiki = Introduction. The foundations of functional grammar. Theory of functional grammar: Introduction. Aspectology. Temporary localization. Taxis (pp. 5–39). 7th ed. Moscow: Lenand. (In Russ.)
5. Levitskaya, A. A. (2007). O vidovoy nesootnositel'nosti v sovremennom osetinskom yazyke (vliyaniye universal'nykh i idioetnicheskikh faktorov) = On species disparity in the modern Ossetian language (the influence of universal and idioethnic factors). Issues of Linguistics, 5, 89–107. (In Russ.)
6. Maslov, Yu. S. (2004). Kategoriya predel'nosti/nepredel'nosti glagol'nogo deystviya v gotskom yazyke = The Category of limit / non-limit of the verbal action in the Gothic language. Selected works. Aspectology. General Linguistics (pp. 249–266). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
7. Maslov, Yu. S. (1959). Glagol'nyy vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke (znacheniye i upotrebleniye). = Verb form in the modern Bulgarian literary language (meaning and usage). Issues of grammar of the Bulgarian literary language (pp. 157–312). Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
8. Kholodovich, A. A. (1963). O predel'nykh i nepredel'nykh glagolakh (po dannym koreyskogo i yaponskogo yazykov) = On marginal and non-marginal verbs (according to the Korean and Japanese languages). Philology of the East (pp. 3–11). Leningrad: Publishing house of Leningrad University. (In Russ.)
9. Levitskaya, A. A. (2021a). Osetinskiye aspektual'no-aktsional'n·yye ekvivalenty russkikh sposobov deystviya so znacheniyem raspredelennosti, rassredotochennosti, summarnosti = Ossetian aspectual-action equivalents of Russian modes of action with the meaning of distribution, dispersion, totality. Philology and Culture. Kazan, Publishing House of the KFU, 4, 78–85. (In Russ.)
10. Levitskaya, A. A. (2021b). Sposoby vyrazheniya semantiki distributivnoy neodnokratnosti v sovremennom osetinskom yazyke v sopostavlenii s russkim (na primere glagolov russkogo distributivno-summarnogo SD) = Ways of expressing the semantics of distributive repetition in the modern Ossetian language in comparison with Russian (on the example of verbs of the Russian distributive-summary SD), Philology and Culture. Philology and Culture. Kazan: Publishing House of the KFU, 4, 86–93. (In Russ.)

11. Maslov, Yu. S. (1965). Sistema osnovnykh ponyatiy i terminov slavyanskoy aspektologii = System of basic concepts and terms of Slavic aspectology. Issues of General Linguistics (pp. 53–80). Leningrad: Publishing House of LSU. (In Russ.)
12. Bondarko, A. V. (1971). Vidy glagolov i sposoby deystviya v russkom yazyke = Types of verbs and methods of action in the Russian language. Russian language in the national school, 2, 6–17. (In Russ.)
13. Shelyakin, M. A. (1972). Pristavochn·yye sposoby glagol'nogo deystviya i kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke (k teorii funktsional'no-semanticheskoy kategorii aspektual'nosti) = Prefixed methods of verbal action and the category of the type in modern Russian (on the theory of the functional-semantic category of aspectuality): Senior Doctoral thesis in Philology. Leningrad. (In Russ.)
14. Zaliznyak, A. A., Shmelev, A. D. (2000). Vvedeniye v russkuyu aspektologiyu = Introduction to Russian aspectology. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
15. Khrakovsky, V. S. (2017). Kratnost' = Multiplicity. Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis (pp. 124–152). 7th ed. Moscow: Lenand. (In Russ.)
16. Agrell, S. (1962). O sposobakh deystviya pol'skogo glagola = On the ways of action of the Polish verb. Issues of the verb form (pp. 35–38). Moscow: Publishing House of foreign Literature. (In Russ.)
17. Koshmider, E. (1962). Ocherk nauki o vidakh pol'skogo glagola. Opyt sinteza = An essay on the science of the types of the Polish verb. Synthesis experience. Issues of the verb form (pp. 105–167). Moscow: Publishing House of foreign Literature. (In Russ.)
18. Jakobson, G. (1962). Iz retsenzii na knigu Yakoba Vakernagelya «Lektsii po sintaksisU» = From the review of the book by Jacob Wackernagel "Lectures on syntax". Issues of the verb form (pp. 39–40). Moscow: Publishing House of Foreign Literature. (In Russ.)
19. Petrukhina, E. V. (2001). Ob universal'nom i idioetnicheskom komponentakh yazykovogo soderzhaniya = On the universal and idioethnic components of language content. Studies in linguistics for the 70th anniversary of the member-correspondent RAS of Alexander Vladimirovich Bondarko (pp. 56–65). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.)
20. Shelyakin, A. M. (2017). Sposoby deystviya v pole limitativnosti = Methods of action in the field of limitativeness. Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis (pp. 63–85). Moscow: Lenand. (In Russ.)
21. Zaliznyak, A. A., Mikaelyan, I. A., Shmelev, A. D. (2010). Vidovaya korrelyativnost' v russkom yazyke: v zashchitu vidovoy pary = Species correlativity in the Russian language: in defense of a species pair. Issues of linguistics, 1, 3–23. (In Russ.)
22. Bondarko, A. V. (1980). Upotrebleniye vidov = The use of species. Russian Grammar (pp. 604–613). Moscow: Nauka. (In Russ.)
23. Maslov, Yu. S. (2004). Universal'n·yye semanticheskiye komponenty v soderzhanii grammaticheskoy kategorii sovershennogo / nesovershennogo vida = Universal semantic components in the content of the grammatical category of the perfect / imperfect type. Selected works. Aspectology. General Linguistics (pp. 396–410). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
24. Kubryakova, E. S. (1998). Aktual'n·yye problemy izucheniya slovoobrazovatel'nykh sistem slavyanskikh yazykov =Relevant problems of studying word-formation systems of Slavic languages. Scientific reports of the Faculty of Philology of Moscow State University, 3, 53–89. To the International Congress of Slavists in Krakow. Moscow: Publishing House of MSU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левитская Алина Афакоевна

кандидат филологических наук, доцент, руководитель отдела культурного наследия
Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Levitskaya Alina Afakoevna

PhD (Philology), Associate Professor, Head of Cultural heritage department,
Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania

Статья поступила в редакцию 28.04.2022
одобрена после рецензирования 20.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 28.04.2022
approved after reviewing 20.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_79

Семантика грамматических единиц в метаязыке искусства

Е. И. Мальцева
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elizaveta_korshu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансфера идеи грамматической упорядоченности из лингвистики в теорию искусства. В статье представлен диахронический, сопоставительный и контекстный анализ лексических средств, относящихся к области грамматики и употребляющихся в метаязыке искусства. Материалом исследования послужили немецкоязычные искусствоведческие рецензии и специальная литература, посвященная анализу истории и теории искусства. В результате исследования были установлены механизмы трансфера понятий, основанного на структурной схожести языка и искусства.

Ключевые слова: трансфер, семиотическая система, метаязык, грамматика, рационализация

Для цитирования: Мальцева Е. И. Семантика грамматических единиц в метаязыке искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 79–85. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_79

Scientific article

Semantics of Grammatical Units in the Metalanguage of Art

Elisaveta I. Maltseva
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: elizaveta_korshu@mail.ru

Abstract. The paper focuses on the problem of transferring the idea of grammatical order from linguistics to the theory of art. The research is conducted with the help of diachronic, comparative and contextual analysis of lexical means related to the field of grammar and used in the metalanguage of art. Research materials include art reviews and scientific papers in German devoted to the analysis of the history and theory of art. The result of the research states the mechanisms of concept transfer based on the structural similarity of language and art.

Keywords: transfer, semiotic system, metalanguage, grammar, rationalization

For citation: Maltseva, E. I. (2022). Semantics of grammatical units in the metalanguage of art. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 79–85. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_79

ВВЕДЕНИЕ

Грамматика – многозначное понятие, употребляемое не только в лингвистике, но и в других научных областях, например, в метаязыке искусства. Причина использования этого понятия по отношению к искусству кроется во взаимосвязи искусства и языка в целом. Эта связь становится объектом подробного научного рассмотрения с появлением семиотических исследований в области искусства. Язык выступает первичной знаковой системой и служит средством вербализации, т.е. метаязыком, других (вторичных) систем [Лотман, 2002; Ulrich, 1997].

Однако и при анализе исторической эволюции лингвистических и эстетических концепций становится очевидно, что понятие языка зачастую перемещалось в область искусства (ср. *Sprache der Kunst, Tanzsprache, Musiksprache*) [Фещенко, 2016, с. 51]. На основе взаимосвязи *язык – искусство* происходит «обмен» понятиями, обслуживающими обе системы.

Подобный обмен мы анализируем в рамках идеи ***трансфера***, предполагающего процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 5]. Данное понятие позволяет учесть 1) перемещение идей, терминов и концепций между разными науками, 2) межъязыковой (универсальный) характер подобного перемещения и 3) его континуальность, которая подразумевает рассмотрение явлений в процессе развития.

Цель нашего исследования – выявить цель трансфера понятия *грамматика* между языком и искусством.

В задачи нашего исследования входит:

- диахронический анализ значения немецкоязычной лексемы *Grammatik* в метаязыках разных направлений искусства;
- контекстный и сопоставительный анализ лексических средств, несущий идею грамматической упорядоченности;
- уточнение функциональной стороны при трансфере грамматических понятий в метаязыке искусства.

Теоретическую основу исследования представляют труды по семиотике Ю. М. Лотмана, В. В. Фещенко, Э. Бизанц, поскольку речь идет о сопоставлении разных знаковых систем (естественный язык – искусство).

Материал представлен немецкоязычной специальной литературой по истории и теории искусства (энциклопедии, словари, научные труды), а также искусствоведческие рецензии.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВА

Само слово *грамматика* (нем. *Grammatik*) происходит от древнегреческого *grammatikḗ* (*téchnē*) (*γραμματικὴ τέχνη*), что первоначально обозначало «владение навыком чтения и письма», т. е. предполагало в первую очередь практическое применение знаний языка. В эпоху эллинизма и Древнего Рима понятие грамматики стало употребляться для обозначения науки о языке и литературе, а в период поздней Античности – науки о строении языка. В XVI веке в немецком языке лексема *Grammatik* переживает метонимический сдвиг и используется в значении «сборник правил для изучения языка» [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache]. В современном употреблении немецкоязычная лексема имеет два значения, которые зафиксированы в Универсальном словаре Дуден.

1. Teil der Sprachwissenschaft, der sich mit den sprachlichen Formen und deren Funktion im Satz, mit den Gesetzmäßigkeiten, dem Bau einer Sprache beschäftigt;	1. раздел лингвистики, изучающий языковые формы, их функцию в предложении, а также закономерности и устройство;
2. wissenschaftliche Darstellung, Lehrbuch der Grammatik.[1]	2. научное представление, учебник по грамматике[2].

Причина употребления понятия *грамматика* (нем. *Grammatik,* англ. *grammar*) в отношении искусства объясняется необходимостью **рационализации** его истории и теории, что приводит к появлению различных концепций о «грамматике» и «языке» искусства. Под рационализацией понимается упорядочивание, систематизация науки об искусстве, предполагающей разработку терминологического аппарата и новых методов анализа искусства. О необходимости такого подхода к искусству писали, например, представители Государственной академии художественных наук (ГАХН), существовавшей в Москве с 1921 по 1931 гг., чьей целью было сформировать методологические принципы науки об искусстве, объединив художников (например, В. В. Кандинский), философов (Г. Шпет) и представителей различных наук [Plotnikov, 2014]. А британский историк и теоретик искусства Э. Винд (1900–1971), рассматривая эстетическую и когнитивную функции искусства, проводит аналогию между произведениями искусства и *предложениями*. Его идея заключается в поиске правил связности,

[1] URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Grammatik

[2] Здесь и далее перевод выполнен автором. – *Е. М.*

на основании которых из разрозненных элементов будет создано целое [Collenberg-Plotnikov, 2014].

ГРАММАТИКА – ОВЛАДЕНИЕ НАВЫКОМ

Использование лексемы *Grammatik* в подобного рода работах обусловлено, в первую очередь, ***дидактической целью***. Авторам необходимо (нередко в самом названии) указать на аналогию с учебным пособием по грамматике языка, а также наглядно продемонстрировать сходство музыкальных и танцевальных техник и элементов с грамматическими правилами языка. Такое сравнение обеспечивает доступность и простоту для понимания учебного материала.

В метаязыке музыки лексема *Grammatik* встречается лишь у немногих теоретиков XIX в. (в частности, Г. Вебер, Г. В. Финк). Например, Г. В. Финк в труде «*Musikalische Grammatik* oder theoretisch-praktischer Unterricht in der Tonkunst» (1836) объясняет использование этого слова желанием точно и доступно описать структуру произведения для обучающихся.

Sollte sich aber Zeit und Lust der Leser finden, würde ich der *Grammatik* <…>, *ein System der Harmonie*, an dem es in Rücksicht auf Deutlichkeit und Bündigkeit in möglichster Kürze noch immer fehlt, folgen lassen (*Fink, G. W. Musikalische Grammatik oder theoretisch-praktischer Unterricht in der Tonkunst*).	Но если читатель найдет время и желание, я бы последовал за грамматикой, системой гармонии, которой не достает, когда речь заходит о четкости и ясности, выраженных как можно более кратко.

Сочетание *musikalische Grammatik* понимается как набор правил и законов, которые музыкант (а также композитор и исполнитель) должен соблюдать при исполнении произведения. В широком значении лексема *Grammatik* синонимична лексеме *Technik*, а в узком – является определенной частью техники, правилами, согласно которым сочетаются тона и аккорды [Mendel, Reissmann, 1874].

In diesem engeren Sinne versteht man unter *Grammatik* den Inbegriff *der Regeln,* nach welchen die *Töne und Accorde* richtig aneinander gereiht und mit einander verbunden werden müssen (*Mendel, H., Reissmann, A. Musikalisches Conversations-Lexikon: eine Encyklopädie der gesammten musikalischen Wissenschaften.*)	В этом узком смысле под *грамматикой* понимается воплощение *правил*, по которым *звуки и аккорды* должны друг за другом следовать и друг с другом соединяться.

Говоря о грамматике танца, следует упомянуть один из первых немецкоязычных трудов по хореографии «Grammatik der Tanzkunst» Ф. А. Цорна (1885), в котором была описана техника исполнения некоторых бальных и народных танцев. Особый интерес для лингвистического анализа представляет предисловие этого учебного пособия. Автор указывает на особый вклад французских хореографов, заложивших основу теории танца и сформировавших ее, однако стремится уйти от использования сложной для понимания французской терминологии. Автор ставит перед собой цель найти обозначения танцевальных фигур и движений на немецком языке, не потеряв научной достоверности и точности.

Im Vergleiche mit der Grammatik einer Sprache entsprechen die Positionen *den Selbstlauten,* die einfachen Bewegungen *den Mitlauten,* die zusammengesetzten Bewegungen *den Silben,* die Schritte *den Wörtern,* die Schrittverkettungen *den Sätzen oder Phrasen, die Verbindungen mehrerer Phrasen den Perioden* (*Zorn, F.A. Grammatik der Tanzkunst: theoretischer und praktischer Unterricht in der Tanzkunst und Tanzschreibkunst oder Choreographie*).	По аналогии с грамматикой языка [танцевальные] позиции соответствуют *гласным*, простые движения – *согласным*, сложные [составные] движения – *слогам*, шаги – *словам*, комбинация шагов – *предложениям и фразам*, комбинация нескольких фраз – *периодам.*

Современное употребление лексемы *Grammatik* в метаязыке музыки и танца в целом не изменилось. Это видно на примере употребления лексемы *Grammatik* в рецензиях, посвященных анализу творчества деятелей искусства или конкретному произведению. Основная идея по-прежнему заключаются в обозначении устройства произведения. Однако целью больше не является уподобление музыки и танца правилам языка, а подчеркивается возможность создания и описания правил искусства (*beschreiben, austüfteln, entwerfen*), которые носят индивидуальный характер (*zukünftig, seine, neu*). В основе такого употребления лежит общая концепция о самостоятельности (автономности) искусства [Brassat, 2017].

- wichtige Grammatik einer zukünftigen Musik (*Die Zeit, 01.08.1975, Nr. 32*) / важная грамматика будущей музыки;
- die Grammatik der neuen Musik weit schwieriger ist als die der Malerei (*Die Zeit, 28.03.1969, Nr. 13*) / грамматика новой музыки намного сложнее, чем живописи;

- Der Philosoph und seine Grammatik des Tanzes (*Die Welt, 13.09.1999*) / философ и его танцевальная грамматика;
- die Grammatik der Musik beschreiben (*Schwanitz, D.: Bildung, Frankfurt a. M.: Eichborn 1999, S. 317*) / описывать грамматику музыки;
- eine Grammatik des Tanzes austüfteln (*Die Welt, 11.01.2000*) / придумывать грамматику танца;
- eine Grammatik des freien Tanzes entwerfen (*Berliner Zeitung, 16.02.2000*) / разрабатывать грамматику свободного танца.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ИСКУССТВА

В отличие от рецензий, теория искусства и семиология понимают под грамматикой научный ***конструкт***, используемый в исследованиях об эстетических категориях. При этом искусство рассматривается как система, состоящая из определенных элементов и категорий. Такое употребление лексемы *Grammatik* в искусствоведческих трудах совпадает с лингвистическим, при котором грамматика языка представляет собой раздел языкознания, изучающий устройство языка.

Подобно грамматике языка, музыкальная «грамматика» обладает разделом *синтаксиса* (нем. *musikalische Syntax*), описывающим модели, по которым отдельные элементы складываются в более крупные единицы и по которым строятся отношения между различными *уровнями*. Однако помимо этих правил важно индивидуальное восприятие и наличие контрастов [Lexikon Neue Musik, 2016, с. 338].

Единицей «лингвистического» синтаксиса является предложение (нем. *Satz*). В музыкальной форме термин *Satz* (ср. рус. *музыкальная фраза, мысль)* обозначает фрагмент произведения в два, четыре или восемь тактов, который, как правило, состоит из двух более мелких отрезков (нем. *Halbsätze*). В немецкой традиции эти отрезки обозначаются лексемами *Vordersatz* и *Nachsatz*. В более сложной музыкальной фразе между первым и вторым отрезками может стоять так называемый «промежуточный» (нем. *Zwischensatz*) [Kaiser]. Наиболее яркие примеры употребления термина *Satz* в этом значении можно найти в рецензии Э. Т. А. Гофмана[1] на Пятую симфонию Л. ван Бетховена (1810).

Auch die Violinen etc. wiederholen ihren *Satz* und es folgt ein Ruhepunkt in F dur; aus zwey Takten bestehender Zwischensatz Alle *Sätze* des Andante sind sehr melodiös und der *Hauptsatz* sogar schmeichelnd (*E. T. A. Hoffmann. Rezension zur Fünften Sinfonie von Beethoven*).	Также и скрипки и др. повторяют свою [музыкальную] *фразу*, а затем следует смена тональности на фа мажор; промежуточная часть фразы, состоящая из двух тактов; все *фразы* анданте мелодичны, а *основная* – даже ласкова.

Термин *Satz* является многозначным в музыкальной теории. Помимо обозначения фрагмента в несколько тактов (ср. рус. *музыкальная фраза*) *Satz* служит номинации определенной *части* произведения, которая является гораздо более крупной структурно-смысловой единицей. Часть симфонии, например, значительно больше одной музыкальной фразы, так же, как и глава романа крупнее одного предложения.

В современных рецензиях, посвященных анализу классической симфонии термин *Satz* используется преимущественно в значении 'часть'. Например, для обозначения первой части симфонии может использоваться лексема *Kopfsatz*, а последней – *Finalsatz*. Оба музыкальных значения лексемы *Satz* служат номинации определенного структурного элемента, являющегося частью целого произведения.

die Stimmung des gesamten Kopfsatzes; Der zweite Satz offenbart eine Vorliebe des Komponisten; die Öffnung des dritten Satzes zum Finalsatz (*www.magazin.klassik.com*)	Настроение всей первой части; Во второй части видны предпочтения композитора; Переход от третьей части к заключительной.

Подобная «синтаксическая» единица присутствует и в метаязыке танца, однако она, в отличие от «музыкальной» *Satz*, не зафиксирована в специальных словарях как термин. Тем не менее лексема *Phrase* и ее словообразовательные дериваты употребляются как в рецензиях, так и в научных статьях, посвященных анализу хореографии.

eine Phrase tanzen; präzise Phrasierung (*Tanz. Theorie. Text / Klein, G., Zippich, Ch.*(*Hg.*)) – танцевать фразу; четкая фразировка

Синтаксис как часть понятия грамматики также переходит в метаязык музыки и танца. Основой

[1] Примечательно, что Э. Т. А. Гофман известен не только как выдающийся писатель, но и как композитор и музыкальный критик. Указанная рецензия вышла в крупнейшем в то время научном периодическом издании «Allgemeine musikalische Zeitung» (URL: https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/newspaper/bsbmult00000037).

для этого является ***динамика***, т. е. развертываемость во времени этих направлений искусства и речи. Это свойство позволяет членить произведение на более мелкие фрагменты.

Однако своя «грамматика» существует и в статичных видах искусства (живопись, скульптура). Так, художники эпохи модерна (В. В. Кандинский, П. Клее и др.) исследовали базовые элементы грамматики живописи и описывали правила, по которым эти элементы следует комбинировать для создания определенного стиля [Корпан, 2018; Bisanz, 2002].

Грамматика живописи (нем. *Grammatik der Malerei*) в эстетической традиции стала значимым понятием в исследованиях формы. В начале XX в., в эпоху кубизма в живописи, историк искусства А. Ригль искал ***общие законы***, которым подчиняются все произведения изобразительного искусства. Сначала Ригль установил, что все произведения имеют общие элементы со схожей историей развития. Помимо этого, он указывал на связь между языком и изобразительным искусством, а также подчеркивал важность описания грамматики последнего по аналогии с грамматикой естественного языка. Ригль пользовался понятием *историческая грамматика* (нем. *historische Grammatik der bildenden Künste*), которое он трактовал как базовое учение об изобразительном искусстве, описывающем цели, материалы, техники, мотивы, форму и содержание. Развитие этих элементов формирует основу исторической грамматики искусства [Bisanz, 2002].

Опираясь на идеи Ригля, представители так называемой визуальной семиотики в 1980-е гг. сформулировали идею о *семиотической грамматике визуального языка* (нем. *bildsemiotische Grammatik der visuellen Sprache*), в которой были выделены определенные «грамматические категории», свойственные произведению изобразительного искусства, например, динамика и абстракция. Целью семиотической грамматики визуального языка является не представление исторического развития элементов искусства, а объяснение системы визуальных образов. Такая грамматика основывается, с одной стороны, на индивидуальных критериях восприятия, а с другой – на объективных категориях из области биологии и физики [Bisanz, 2002]. Визуальная грамматика призвана описать процессы, при которых устанавливаются базовые элементы и по основным правилам соединяются в более крупные единицы [Saint-Martin, 1990, с. 67].

Важная особенность этой концепции – это стремление уйти от аналогии с лингвистическими категориями и единицами, которые значительно ограничивают возможности для анализа визуального образа. По этой причине исследователи выделили особую единицу визуальной грамматики – *колорему* (нем. *das Kolorem*), – представляющую собой комплекс визуальных переменных, таких как цвет, текстура, размер и др. [Nöth, 2000]. Несмотря на то, что структура этой единицы далека от лингвистических, очевидно, что основой для номинации послужила аналогия с *фонемой*, *морфемой* и *лексемой* (нем. *das Phonem, das Morphem, das Lexem*).

Под *синтаксисом* визуального языка (нем. *Syntax der visuellen Sprache*, англ. *syntax of visual language*) понимается не столько описание отношений между визуальными элементами, сколько механизмы, регулирующие визуальные трансформации [Saint-Martin, 1990, с. 67].

На наш взгляд, употребление понятия *синтаксис* в метаязыке искусства первоначально основано на аналогии с языком. Понятие языка в рамках семиотического подхода расширяется, и синтаксис, изучающий закономерности соединения слов, перерастает в *синтактику,* изучающую отношения между знаками. Оба понятия *синтаксис* и *синтактика* (нем. *Syntax*, *Syntaktik*) восходят к древнегреческой лексеме *syntássein* (*συντάσσειν*) «составлять, упорядочивать».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью трансфера идеи о грамматической упорядоченности является ***рационализация*** искусства, представляющая собой определенный набор закономерностей и правил, которые описывают произведение искусства как структурированное целое, как систему. В метаязыках музыки и танца подобный трансфер подчеркивается наличием определенной динамики, объединяющим их с речью.

Первый из рассмотренных типов подобной рационализации искусства носит ***практический*** характер, поскольку сферой употребления понятия грамматики являются пособия по овладению музыкальными или танцевальными техниками. Такое употребление призвано указать на обучающий тип текста, что типично для пособий XIX века, а также основано на первоначальном значении понятия грамматика, т. е. овладение навыком. В этом смысле грамматика синонимична технике исполнения.

Другой тип рационализации (или *грамматикализации*) искусства выполняет ***методологическую*** функцию. Научное осмысление искусства в рамках семиотики заключается в выделении базовых элементов и единиц (*Kolorem*), которые могут образовывать комбинации, а также в членении произведения на структурные фрагменты (*Satz, Phrase*). Такое моделирование искусства делает его

похожим на языковую систему, чем и объясняется употребление «лингвистических» понятий в семиотических исследованиях искусства.

Итак, схожесть систем искусства и языка (или стремление их сравнить) послужила основой для трансфера идеи грамматики из лингвистики в искусство. Хотя современные семиотические концепции отрицают непосредственную схожесть между ними, очевидно, что ряд лингвистических понятий либо уже закрепился в метаязыке искусства, либо привлекается для номинации понятий, необходимых для описания системы искусства. Трансфер грамматических понятий реализуется в разных типах текста, однако служит одной цели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств») / сост. Р. Г. Григорьева ; предисл. С. М. Даниэля. СПб.: Академический проект, 2002.
2 Ulrich M. Die Sprache als Sache: Primärsprache, Metasprache, Übersetzung. Tübingen: Narr, 1997.
3. Фещенко В. В. Искусство как язык, язык как искусство: терминологический и концептуальный трансфер // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2016. Т. 7. № 7. С. 49–69.
4. Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016.
5. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 25.12.2020).
6. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 25.12.2020).
7. Plotnikov N. Einleitung: Die Staatliche Akademie der Kunstwissenschaften in der europäischen ästhetischen Diskussion der 1920er Jahre // Kunst als Sprache – Sprachen der Kunst. Russische Ästhetik und Kunsttheorie der 1920er Jahre in der europäischen Diskussion: Sonderheft 12 der Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft / Nikolaj Plotnikov (Hg.). Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2014. S. 7–30.
8. Collenberg-Plotnikov B. «Das Auge liest anders, wenn der Gedanke es lenkt» Zur Bestimmung des Verhältnisses von Sehen und Wissen bei Edgar Wind // Kunst als Sprache – Sprachen der Kunst. Russische Ästhetik und Kunsttheorie der 1920er Jahre in der europäischen Diskussion : Sonderheft 12 der Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft / Nikolaj Plotnikov (Hg.). Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2014. S. 92–110.
9. Fink G. W. Musikalische Grammatik oder theoretisch-praktischer Unterricht in der Tonkunst. Leipzig: Georg Wigand's Verlag, 1836.
10. Mendel H., Reissmann A. Musikalisches Conversations-Lexikon: Eine Encyklopadie Der Gesammten Musikalischen Wissenschaften. Vol. 4. Leipzig: List & Francke, 1874.
11. Zorn F.A. Grammatik der Tanzkunst: theoretischer und praktischer Unterricht in der Tanzkunst und Tanzschreibkunst oder Choreographie. Leipzig : Weber, 1887.
12. Brassat W. Handbuch Rhetorik der bildenden Künste. Berlin: De Gruyter, 2017.
13. Lexikon Neue Musik / J. Hiekel, Ch. Utz (Hg.). Stuttgart: J. B. Metzler, 2016.
14. Kaiser, U. Formenlehre IV – Periode und Satz. URL: https://musikanalyse.net/tutorials/periode-und-satz/ (дата обращения: 12.03.2020)
15. Корпан Л. М. Концепция «языка» и «грамматики» символов в искусстве русского авангарда и ее влияние на символьные системы XX века // Культура и искусство. 2018. № 3. С. 33–40. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.3.25790.
16. Bisanz E. Malerei als écriture: Semiotische Zugänge zur Abstraktion. Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag, 2002.
17. Saint-Martin F. Semiotics of Visual Language. Bloomington: Indiana University Press, 1990.
18. Nöth W. Handbuch der Semiotik. 2. Aufl. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. (2002). Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva = Articles on the semiotics of culture and art. St. Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russ.)
2. Ulrich, M. (1997). Die Sprache als Sache: Primärsprache, Metasprache, Übersetzung. Tübingen: Narr.
3. Feshchenko V. V. (2016). Iskusstvo kak yazyk, yazyk kak iskusstvo: terminologicheskii i kontseptual'nyi transfer = Art as language, language as art: terminological and conceptual transfer. Trudy instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova, 7, 7, 49–69. (In Russ.)

4. Feshchenko, V. V., Bochaver, S. Yu. (2016). Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoi lingvistike = The theory of cultural transfers: from translation studies – through cultural studies – to theoretical linguistics. Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii (pp. 5–36). (In Russ.)
5. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. https://www.dwds.de/ (date of access: 25.12.2020).
6. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. https://www.duden.de/ (date of access: 25.12.2020).
7. Plotnikov, N. (2014). Einleitung: Die Staatliche Akademie der Kunstwissenschaften in der europäischen ästhetischen Diskussion der 1920er Jahre. In N. Plotnikov (Hg.), Kunst als Sprache – Sprachen der Kunst. Russische Ästhetik und Kunsttheorie der 1920er Jahre in der europäischen Diskussion: Sonderheft 12 der Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft (S. 7–30). Hamburg: Felix Meiner Verlag.
8. Collenberg-Plotnikov, B. (2014). «Das Auge liest anders, wenn der Gedanke es lenkt» Zur Bestimmung des Verhältnisses von Sehen und Wissen bei Edgar Wind. In N. Plotnikov (Hg.), Kunst als Sprache – Sprachen der Kunst. Russische Ästhetik und Kunsttheorie der 1920er Jahre in der europäischen Diskussion: Sonderheft 12 der Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft (S. 92–110). Hamburg: Felix Meiner Verlag.
9. Fink, G. W. (1836). Musikalische Grammatik oder theoretisch-praktischer Unterricht in der Tonkunst. Leipzig: Georg Wigand's Verlag.
10. Mendel, H., Reissmann, A. (1874). Musikalisches Conversations-Lexikon: Eine Encyklopadie Der Gesammten Musikalischen Wissenschaften (vol. 4). Leipzig: List & Francke.
11. Zorn, F. A. (1887). Grammatik der Tanzkunst: theoretischer und praktischer Unterricht in der Tanzkunst und Tanzschreibkunst oder Choreographie. Leipzig: Weber.
12. Brassat, W. (2017). Handbuch Rhetorik der bildenden Künste. Berlin: De Gruyter.
13. Hiekel, J., Utz Ch. (Hg.). (2016). Lexikon Neue Musik. Stuttgart: J. B. Metzler.
14. Kaiser, U. Formenlehre IV – Periode und Satz. https://musikanalyse.net/tutorials/periode-und-satz/ (date of access: 12.03.2020)
15. Korpan L. M. (2018) Kontseptsiya «yazyka» i «grammatiki» simvolov v iskusstve russkogo avangarda i ee vliyanie na simvol'nye sistemy XX veka = The concept of "language" and "grammar" of symbols in the art of the Russian avant-garde and its influence on the symbolic systems of the XX century. Kul'tura i iskusstvo, 3, 33–40. (In Russ.)
16. Bisanz, E. (2002). Malerei als écriture: Semiotische Zugänge zur Abstraktion. Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag.
17. Saint-Martin, F. (1990). Semiotics of Visual Language. Bloomington: Indiana University Press.
18. Nöth, W. (2000). Handbuch der Semiotik. 2. Aufl. Stuttgart; Weimar: Metzler.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальцева Елизавета Игоревна
преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maltseva Elizaveta Igorevna
Lecturer, Department of Grammar and History of German, Faculty of German,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81-22
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_86

Жанровые особенности формальной устной речи в ООН

М. В. Матакова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
matakova@un.org

Аннотация. Статья продолжает исследование корпуса материалов устной формальной речи в Организации Объединенных Наций, служащей способом реализации коммуникации между взаимодействующими лицами на основе согласованных ритуалов общения. Описано четыре жанра, их композиция, прагмалингвистические особенности, ситуативный контекст использования. Выявлены особенности синхронного перевода публичной речи в ООН, возникающие при работе с каждым из жанров. Сделан вывод, что возможности компрессии выступлений разных жанров обусловлены не только коммуникативной целью, композиционными и стилистическими особенностями, но и степенью информационной насыщенности речи и техническим ситуативным контекстом.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, жанр, метафора, понятийный аппарат ООН, устный перевод на языки международных организаций, компрессия, паузирование

Для цитирования: Матакова М. В. Жанровые особенности формальной устной речи в ООН // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 86–93. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_86

Original article

Genres of Formal Public Speech at United Nations

Marianna V. Matakova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
matakova@un.org

Abstract. The article is devoted to a study of examples of oral formal speech at the UN which is used to support communication between various actors following agreed patterns of communication. The purpose of this study is to identify, organize, describe in the thematic, compositional, stylistic aspects all genres that an interpreter is faced with at the UN. The article identifies four genres and describes their composition, pragmalinguistic features as well as a context of their use. Finally, we discuss challenges posed by various rhetorical genres to simultaneous interpreters at the UN. It is concluded that linguistic compression in interpretation depends not only on a type of communication and stylistic and structural traits but can be largely determined by density of the source text and technical quality of the original.

Keywords: diplomatic discourse, genre, metaphor, conceptual and terminological system of the UN, interpretation at international organisations, compression, pausing

For citation: Matakova, M. V. (2022). Genres of formal public speech at United Nations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 86–93. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_86

ВВЕДЕНИЕ

Синхронный перевод в ООН помогает в выполнении важной функции взаимодействия между участниками дискурса. В этой статье мы продолжаем обобщение структурных, содержательных и звуковых особенностей формальной публичной речи в ООН, знания о которых важны как для участников программ подготовки к переводу в международных организациях, так и для журналистов и лингвистов в целом. Предлагаемая система жанров, описание тематических, композиционных и стилистических аспектов служит основой для решения проблемы перевода в условиях высокого темпа речи ораторов, информационной насыщенности речи и слабо выраженного паузирования. Особо актуальным представляется текущий технический ситуативный контекст перевода.

В 2020 году Общие прения в ГА ООН состоялись, несмотря на эпидемию коронавируса. Все выступления первых лиц были записаны в форме видеосообщения и предварялись кратким представлением из зала ГА. Такой формат, безусловно, повлиял на работу устных переводчиков. Видеосвязь использовалась и ранее, но в 2020 году ее доля значительно возросла и появился новый формат заранее записанных видеосообщений, предлагаемых для устного синхронного перевода. Добровольный регламент выступлений на Общих прениях – 15 минут, но главы государств часто его не соблюдают, так в 2020 году президент Венесуэлы выступал 38 минут, а президент Франции – 49 минут, но это не рекорд.

В первой статье [Матакова, 2020] мы рассмотрели особенности ряда выделенных нами жанров, среди них доклад Генерального секретаря ООН о работе Организации, выступления представителей Секретариата разного уровня, формальная речь в осуществлении регламента – Правил Процедуры, интерактивные дискуссии, выступления внешних лиц и редакция документов. В данной статье мы остановимся на четырех оставшихся жанрах: выступлениях делегаций, технических презентациях, пресс-конференциях и декламации стихов.

1. ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕЛЕГАЦИЙ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ

Позиции делегаций выражаются в форме монолога и звучат на заседаниях всех органов, будь то Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности (как на открытых, так и на закрытых), Совета по правам человека, Конференции по разоружению и пр.

Широко известны традиционные Общие прения ГА, на которые съезжаются главы государств и правительств всех стран. Они выступают с программными речами, освещающими ситуацию в стране и предлагающими обозрение международной обстановки. Композиция сообщений определяется традицией. После подробного обращения с перечислением всех групп присутствующих идет вступление с анонсом основных тем выступления, среди них ситуация в мире, острые конфликты и положение в родной стране. После развертывания выбранных тем оратор подводит итог, предлагает свое видение будущего и благодарит всех за внимание. Такие выступления отличаются формальным высоким стилем, включают цитаты и прецизионную лексику. Как и другим жанрам дипломатического и политического дискурсов, речевому жанру Общих прений в ООН характерна высокая степень манипулирования, при этом язык используется как средство воздействия. Выступления на Общих прениях уникальны по своему характеру и вызываемому резонансу и отражают неповторимый ситуативный контекст – возможность представить мировоззренческую позицию целой страны.

В ООН только шесть официальных языков, поэтому очень часто делегаты выбирают английский язык как альтернативу родному, не входящему в число официальных. Культура родного языка подспудно чувствуется в речи делегата, проявляясь в произношении, синтаксисе предложений, а порой и в идиоматических выражениях. Часто такие ораторы отличаются и сильным акцентом, хотя и у носителей языка встречаются заметные региональные фонетические особенности.

Если делегат не в состоянии выступить на одном из официальных языков, он предоставляет своего переводчика с языка на один из официальных языков ООН. В процессе подготовки к выступлению речь часто переводится на английский язык письменно и зачастую отличается длинными фразами со сложным синтаксисом и книжными формулировками. Приведем пример из выступления министра иностранных дел Сербии Ивицы Дачича в СБ:

> ***Notwithstanding some contentions*** that our deliberations are often antagonistic and less than constructive, ***the consideration of the situation in Kosovo and Metohija*** in this esteemed body ***is an occasion*** not to be missed ***to advise the Security Council*** and the international community, on a regular basis and in a transparent way, ***of the situation on the ground*** and the key political and security challenges that we face in the Province, no matter how difficult they may be and

> despite the fact that it is evident that our positions are different (*Выступление Ивицы Дачича, 2019*)[1].

Ряд ораторов, например генеральный секретарь или представители стран с двумя или более государственными языками (Канада, Швейцария), выступают на двух языках попеременно (английском и французском). Среди выступлений в ГА много исторических, вошедших в аудиовизуальную библиотеку ООН. Королева Елизавета II дважды выступала в ГА, и каждый раз для этого созывалось отдельное заседание.

В отдельный поджанр можно выделить более ***короткие выступления****, в которых звучат комментарий, вопрос, выступление с правом на ответ, поручение, просьба*.

Выступления с правом на ответ можно часто услышать от делегаций, страны которых находятся в сложных отношениях (Индия и Пакистан, государство-наблюдатель Палестина и Израиль). Такое выступление насыщено контраргументацией, историческими экскурсами и эмоционально окрашенными утверждениями, в нем ярко выражена концептуальная метафора «Свои – Чужие»:

> «Считается, что каждое слово, произнесенное с трибуны Генеральной Ассамблеи, имеет историческую важность. Однако из уст премьер-министра Пакистана Имрана Хана мы услышали не что иное, как, должна с прискорбием отметить, бездушное описание мира с позиции противостояния: мы против них, богатые против бедных, юг против севера, развитые против развивающихся, мусульмане против всех остальных. Такие высказывания, ведущие к расколу в Организации Объединенных Наций, преследующие цель подчеркнуть различия и разжечь ненависть, являются, попросту говоря, ненавистнической риторикой» (*Выступление Видиши Майтры, 2019*)[2].

С правом на ответ делегации выступают не только в Генеральной Ассамблее. Частым местом для подобного поджанра является и Совет по правам человека (далее СПЧ), выступления в котором заслуживают отдельного внимания. Время выступлений здесь жестко регламентировано. Порой делегациям включают своего рода светофор – индикатор, переключающийся с зеленого цвета на желтый за десять секунд до окончания выделенного времени, а по истечении его и на красный, причем во многих случаях председатель выключает микрофон выступающему по окончании времени.

Жесткий регламент в СПЧ в целом ставит делегатов в сложное положение и приводит к значительному увеличению темпа выступления. Непросто выразить официальную позицию за менее чем одну минуту. В это же время должны хотя бы тезисно прозвучать основные элементы позиции и ритуальная часть, а именно приветствие, благодарность за предоставление слова, выводы и благодарность за внимание.

Дискуссионные выступления с места встречаются в переговорах по выработке юридически обязательных или факультативных документов, так называемых рабочих групп открытого состава (Рабочая группа открытого состава по подготовке договора о торговле оружием или Рабочая группа высокого уровня открытого состава по финансовому положению ООН). Делегации изначально выступают с позиционными речами, но затем работа переходит в переговорный режим. Адресатами устного перевода на таких мероприятиях можно назвать национальных экспертов, дипломатов и всех интересующихся, желающих послушать работу через веб-каст.

К этой категории можно отнести закрытые консультации, будь то встречи СБ или Консультативного комитета по административным и бюджетным вопросам (далее ККАБВ), на которых также представляется доклад и затем звучат позиции стран-членов в случае СБ или вопросы экспертов в случае ККАБВ, но отсутствуют любые внешние возможности подключиться к ходу заседания. На закрытых консультациях намного чаще звучат спонтанные выступления и реплики, хотя некоторые делегации придерживаются подготовленного текста. В последние годы получило распространение «правило двух пальцев», делегат может поднять вверх указательный и средний пальцы в случае, если он хотел бы выступить вне очереди с коротким ответом на только что прозвучавшее выступление коллеги.

Дискуссионное выступление содержит элементы выступления информационного, и среди них риторическое построение речи: обращение, благодарность, основная часть и заключение. Оратор выступает от имени делегации и использует первое лицо множественного числа, часто опуская местоимение в именительном падеже. Однако основной упор в таком выступлении – на аргументацию позиции и на убеждение в целесообразности предлагаемого курса действий. Автор приводит позицию

[1] Выступление министра иностранных дел Сербии Ивицы Дачича в Совете Безопасности 10.06.2019 S/PV.8541. URL: https://undocs.org/en/S/PV.8541 (дата обращения 20.02.2020).

[2] Выступление первого секретаря Индии Видиши Майтры на Генеральной Ассамблее ООН с правом на ответ 27.09.2019. A/74/PV.10. URL: https://digitallibrary.un.org/?ln=en (дата обращения 26.04.2020). Здесь и далее перевод наш. – *М.М.*

оппонентов и противопоставляет ее своей, например:

> «Мы нередко слышим, что активизация работы ГА – политический вопрос. Но пока этот орган не заработает эффективно с технической точки зрения, едва ли стоит рассчитывать на повышение его политического веса».[1]

Оратор делится рекомендациями:

> «Целесообразно рассмотреть вопрос о ее упорядочении, в частности переводе рассмотрения некоторых пунктов на двух- или трехгодичную основу».[2]

В конце высказываются пожелания о дальнейшем предпочтительном развитии событий.

Интересно отметить работу экспертов договорных органов по рассмотрению выполнения конвенции, пакта или договора отдельной страной (Конвенция по правам ребенка, Конвенция против пыток). После представления официального и альтернативного докладов работа переходит в закрытый режим и разворачивается в формате вопросов и ответов. Устный перевод обеспечивает максимальное взаимопонимание экспертов с делегацией рассматриваемой страны и между экспертами.

2.ВЫСТУПЛЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В ООН существует целый ряд комиссий и комитетов, занимающихся изучением и разработкой новых правил в отдельных областях (Комитет по использованию космического пространства в мирных целях, Комиссия ООН по границам континентального шельфа и пр.) Характерной чертой работы в узкоспециальных комиссиях можно назвать технические презентации, отличающиеся не только новизной и сложностью содержания, но и порой сильно акцентуированной речью.

В переводе таких презентаций переводчик часто прибегает к метонимическим идеализированным когнитивным моделям [Лакофф, Джонсон, 2004] для более понятной передачи смысла сообщения:

> The solar eruption causes dramatic storms and substorms which results in satellite anomaly and dramatically induced current on the power line. Dramatically induced current may cause major power failure at high exposure countries.[3] – «Это суббури, которые приводят к аномальным движениям спутников и кое-где к магнитным помехам в передаче электроэнергии, что может в высоких широтах приводить к значительным сбоям в снабжении электричеством».

ООН располагает внутренней системой правосудия; среди органов, в которых приходится работать переводчику – Трибунал по спорам и Апелляционный Трибунал. Во время оглашения решения в Апелляционном Трибунале звучит четко регламентированная речь, подразумевающая подбор эквивалентов, действует правило обращаться к судьям со словами «Ваша честь». Заседания Трибунала по спорам скорее походят на классические судебные слушания, в которых звучат позиции сторон, дают показания и отвечают на вопросы свидетели. Существует и практика двусторонних переговоров с участием юрисконсульта ООН с целью урегулирования территориальных споров, например между Экваториальной Гвинеей и Габоном. В таких встречах участвуют дипломаты и различные профильные эксперты обеих сторон.

3.ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Ежедневно во всех местах службы ООН проходят пресс-конференции. Их основное отличие – динамизм, быстрая смена вопросов и ответов и непредсказуемость затрагиваемых тем. Композиционно, после небольшого введения, участники пресс-конференции выступают с программным сообщением и переходят к части ответа на вопросы. Свободная речь характеризуется более разговорным стилем, более красочна, содержит фразеологизмы бытийного оттенка: «So, we have also a few things to provide for that inquiry…», «…both at our regular meetings and if anything pops up»[4].

4.ДЕКЛАМАЦИЯ СТИХОВ

Помимо цитирования примеров мировой поэзии, по случаю завершения переговоров или сессии (Третий комитет), а также на памятных

[1] Выступление представителя РФ А. Р. Богуславского на заседании Рабочей группы по активизации ГА ООН 12.03.2020. URL: https://russiaun.ru/ru/news/revitalizationga_120320 (дата обращения 03.04.2020).

[2] Там же.

[3] Выступление от группы СКОСТЕП в КОПУОС ООН. 04.02.2020. URL: https://www.unoosa.org/oosa/audio/v2/meetings.jsp?lng=en (дата обращения 5.12.2020)

[4] Пресс-конференция В. Небензи в ООН. 03.09.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BUsO6KPC6SU (дата обращения 5.12.2020)

мероприятиях делегаты пишут и декламируют стихи в рифмованном виде или в форме белого стиха. Традиционным стал обмен одами к Третьему комитету делегациями Соединенного Королевства и Египта. В 2020 году ода СК была написана в рифмованном виде и посвящена Чарльзу Диккенсу.

> A hundred fifty years on from Charles Dickens' death, let us consider the Committee in his breath.[1]

В оде встречается метафоризация: «Работа в ООН – это Путешествие»:

> For a time it looked like our work would be slowed but Zoom kept this human right's show on the road.[2]

Интересно отметить, что хотя ритуальный обмен одами звучит на пленарном заседании, транслирующемся по всему миру, основными адресатами этих зарисовок о работе Третьего комитета представляются именно принимавшие участие в работе делегаты.

> Azerbaijan in short no character went missing in this tale while Brazil and Germany assured privacy over our mail.[3]

5.ОБЩЕЖАНРОВЫЕ ЧЕРТЫ

В дипломатическом дискурсе в ООН находит отражение не только языковой, но и культурно-исторический, интеллектуальный, идеологический, социальный и другие виды опыта носителей языка. В качестве общежанровых черт мы выделяем риторические приемы, метафоризацию, некоторые аспекты компрессии и техники речи.

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

В своем диссертационном исследовании о характере парламентской речи А. С. Константинова приводит перечисление активно используемых в парламентской речи приемов аргументации [Константинова, 2013]. Многие из этих приемов можно проследить в устной речи, звучащей в ООН. Приведем несколько примеров:

1) апелляция к авторитету:

> As the Secretary-General has often stressed in his remarks on energy, I quote, "energy is the golden thread that connects economic growth, increased social equity, and an environment that allows the world to thrive." Unquote.[4]

2) апелляция путем самолигитимации:

> Many of America's closest friends today were once our gravest foes. The United States has never believed in permanent enemies. We want partners, not adversaries. America knows that while anyone can make war, only the most courageous can choose peace.[5]

3) апелляция к чувствам

> Я знаю, что для всех присутствующих в этом зале мысль о детях, живущих в военных лагерях или принимающих участие в боевых действиях, является невообразимой. Она бесчеловечна в самом строгом смысле этого слова: она лишает своих жертв того этапа жизни, на который имеет право каждый человек.[6]

4) прием изолирования:

> We, and all the Arab countries, have constantly cautioned about the disastrous consequences of the continuation of the Israeli occupation and the denial of freedom and independence for the people of Palestine.[7]

5) апелляция к факту

> В октябре шестилетний мальчик, по имени Фарид Шауки, играл в прятки в Таизе, когда вблизи от него был нанесен ракетный удар. Он был ранен осколками и срочно доставлен в больницу вместе с, по меньшей мере, шестью другими ранеными мальчиками.[8]

6) прием бумеранга

> While they tell you – and you just heard – they want peace…From 1947–2017, the Palestinians have

[1] Ода Соединенного Королевства к Третьему комитету. 15 заседание 75 сессии 19.11.2020. URL: http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/main-committees/3rd-committee/watch/poem-lecture-united-kingdom-%E2%80%93-third-committee-15th-meeting-%E2%80%93-general-assembly-75th-session/6211083607001/?term= (дата обращения 26.11.2020).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Выступление зам. Генерального секретаря ООН по экон. и соц. вопросам Ву Хонгбо 15.01.2013. URL: https://www.un.org/en/development/desa/usg/statements/mr-wu/2013/01/sustainable-energy-for-all-2.html (дата обращения: 27.04.2020).

[5] Выступление Президента США Дональда Трампа на Генеральной Ассамблее ООН 25.09.2019. URL:https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-74th-session-united-nations-general-assembly/ (дата обращения: 27.04.2020).

[6] Выступление Спецпосланника ЮНЕСКО по вопросам мира и примирения Фореста Уитакера в Совете Безопасности 8.09.2014. URL: https://undocs.org/ru/S/PV.7259 (дата обращения: 28.04.2020).

[7] Выступление Махмуда Аббаса на Общих прениях Генеральной Ассамблеи ООН 26.09.2014. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/69/PS_en.pdf (дата обращения: 29.04.2020).

[8] Выступление Саманты Пауэр в Совете Безопасности. S/PV.7596. URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.7596 (дата обращения 26.04.2020).

rejected every opportunity for peace. I will give you an example...2 years after Israel left, Gaza has become a haven for terror.[1]

МЕТАФОРИЗАЦИЯ

Часто в выступлениях используются метафоры. Рассмотрим два выступления Елизаветы II в ГА в 1957[2] и 2010 гг.[3] В обоих выступлениях использовались метафоры:

- «Жизнь – это путешествие»

  We ***are*** still ***far from*** the achievement of the ideals which I have mentioned but we must not be discouraged (1957); Remarkably, many of these sweeping advances ***have come about*** not because of governments, committee resolutions, or central directives – although all these have played a part – but instead because ***millions of people around the world*** have wanted them (2010);

- «Работа ООН – это спорт»:

  the United Nations will the more confidently ***achieve*** the goal of a world at peace (1957);

- «Движение вверх – улучшение»:

  Instead, the United Nations ***has grown*** and prospered by responding and adapting to these shifts (2010);

- акцент на воплощении в ООН идеалов простых людей:

  This Assembly was born of the endeavors of ***countless men and women from different nations*** (1957).

КОМПРЕССИЯ

Компрессия особо актуальна при высоком темпе оригинала, однако эту особенность следует рассматривать вместе с информационной насыщенностью выступления и наличием пауз. Совершенно очевидно, что в выступлениях в СПЧ насыщенность очень высокая, что значительно снижает возможности компрессии, как синтаксической[4] (дающей самый большой выигрыш во времени, например использование синтаксических синонимов, таких как замена придаточных предложений на предложные обороты и под.), так и информационно-селективной[5] (ведь в выступлении все важно, все второстепенное уже исключено автором). Здесь целесообразно прибегать к использованию прагмасемантической[6] и лексической[7] компрессии.

ТЕХНИКА РЕЧИ

Паузы являются неотъемлемой частью публичного дискурса. Они не только дают возможность вдохнуть и выдохнуть, но и в значительной степени помогают расставить логические акценты. Монотонная речь плохо воспринимается слушателем, не говоря уже о достижении прагмалингвистических целей, таких как убеждение. С сокращением числа пауз у оратора уменьшается их объем и в речи переводчика, из нее пропадают логические ударения, а вынужденное прерывание речи происходит неосознанно для самого переводчика и попадает на фулькрумы [Ширяев, 1974], обозначающие начало и конец синтаксических блоков[8].

Так, выступления, представленные в видеозаписи (как в случае Общих прений ГА 2020), часто записываются с использованием телесуфлера. По нашему мнению, в таких случаях логические паузы могут значительно сглаживаться, что ведет к исчезновению невербального контакта с аудиторией и усложнению работы переводчика, так как затрудняет ориентирование в тексте, а также его декодирование и узнавание сверхфразовых единств [Ширяев, 1974].

С ростом числа заседаний, проходящих в удаленном формате, перед переводчиком встает

[1] Выступление посла Израиля Дэни Дэннона на Генеральной Ассамблее ООН. 29.11.2017. URL: https://embassies.gov.il/un/statements/general_assembly/Pages/Palestine-and-Hamas.aspx (дата обращения 14.03.2020).

[2] Выступление Королевы Елизаветы II на Генеральной Ассамблеи. 21.10.1957. URL: https://www.royal.uk/queens-speech-un-general-assembly (дата обращения 5.12.2020).

[3] Выступление Королевы Елизаветы II в ГА. 06.07.2010. URL: https://www.royal.uk/address-united-nations-general-assembly-6-july-2010 (дата обращения 5.12.2020).

[4] Пример синтаксической компрессии: «There is an indisputable fact that» – «неоспоримо то, что». Замена двусоставного предложения односоставным (безличным) с нулевой связкой сказуемого дает экономию в восемь слогов.

[5] Пример информационно-селективной компрессии: «We use this opportunity to call upon other countries, whose citizens are now in Bosnia and Herzegovina, to join us in this process» – «призываем других присоединиться». Пропуск уточняющей информации, понятной из контекста, дает экономию в 16 слогов.

[6] Пример прагмасемантической компрессии: «Before closing, finally, I would like however to make a small announcement». – «В заключение, небольшая информация». Подобное лексическое свертывание приводит к экономии девяти слогов.

[7] Пример лексической компрессии: «To put a particular emphasis on» – «отметить». Замена расчлененной конструкции одним словом приводит к экономии девяти слогов.

[8] Пример неосознанного паузирования: кроме того, поздравляю господина // Волкана Бозкыра с избранием. Он может рассчитывать на // полную поддержку...

новая задача. Работая из дома, синхронист помимо выполнения перевода следит и за недопущением технических сбоев. По мнению Д. Жиля, изменения в ситуативном экстралингвистическом контексте, в том числе снижение качества звука, звуковые помехи, могут приводить к разбалансировке «модели усилий» [Giles, 2008] – восприятие и анализ фрагмента + задействование краткосрочной памяти + вербализация перевода + контроль[1] – и, как следствие, сказываться на качестве перевода. Информационно-насыщенные выступления, пронизанные паузами, легче поддаются переводу, нежели более поверхностные, но звучащие сплошным потоком [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы описали систему жанров текстов, которые переводятся синхронно, и продемонстрировали их различия и общежанровые черты. Представляется важным рассматривать каждый текст не только с точки зрения межъязыковой трансформации, но и возможности использования внутриязыковой компрессии, а также учитывать ситуационный контекст.

Дискурс представляет собой «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 1989]. Для переводчика крайне полезным представляется понимание механизма метафоризации.

Компрессия может рассматриваться не только как способ слоговой экономии, но и как способ совершенствования уровня литературного русского языка переводчика. Представляется актуальным описать самые эффективные приемы компрессии и наделить ими переводчика. Наличие риторических и / или хезитационных пауз между предложениями значительно снижает когнитивную нагрузку переводчика и дает возможность переключиться с восприятия входящей речи, а также воспользоваться имеющимися знаниями. Все эти аспекты мы рассмотрели с учетом их актуальности для разных жанров.

[1] Sim. Int. = Listening and Analysis Effort + Short-term Memory Effort + Production Effort + Coordination Effort [Жиль, 2008].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матакова М. В. Жанровые особенности текстов выступлений в ООН // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 8 (837). С. 191–203.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Константинова А. С. Публичная парламентская речь в современной Германии и России: дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2013.
4. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979.
5. Giles D. Local Cognitive Load in Simultaneous Interpreting and its Implications for Empirical Research // International Journal of Interpretation and Translation, Vol. 6, Issue 2, John Benjamins Publishing Company, January 2008. URL: https://benjamins.com/catalog/forum.6.2 (дата обращения 26.11.2020)
6. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

REFERENCES

1 Matakova, M. V. (2020). Genres of public speech at United Nations). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(837), 191–203. (In Russ.)
2. Lakoff G., Johnson M. (2004). Metaphors we live by, ed. by A. N. Baranov. Moscow: EDITORIAL URSS. (In Russ.)
3. Konstantinova, A. S. (2013). Publichnaja parlamentskaja rech v sovremennoj Germanii i Rossii = Public parliamentary discourse nowadays in Germany and Russia: PhD in Philology. Pyatigorsk. (in Russ.)
4. Shiryajev, A. F. (1979). Sinhronny perevod. Dejatel'nost'sinhronnogo perevodchika I metodika prepodavanija sinhronnogo perevoda = Simultaneous interpretation. Activity of simultaneous interpreter and methods of teaching simultaneous interpretation. Moscow: Voenizdat. (in Russ.)

5. Giles, D. (2008, January). Local cognitive load in simultaneous interpreting and its implications for empirical research. International Journal of Interpretation and Translation, 6(2). John Benjamins Publishing Company. https://benjamins.com/catalog/forum.6.2 (accessed 26.11.2020).
6. Karaulov, Ju. N., Petrov, V. V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa = Grammar to Cognitive theory). In Dijk Teun van, Language, Mind, Communication. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матакова Марианна Вениаминовна
соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matakova Marianna Veniaminovna
External PhD student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81'33
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_94

Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика

Е. А. Молявина
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
molyavina68@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики планирования реализации речевого акта с точки зрения речедеятельностного подхода, предложенного Московской психолингвистической школой. Автор рассматривает коммуникативную стратегию как определяющий элемент достижения успеха в попытке сопряжения речевых, а в последствии и неречевых, деятельностей коммуникантов. В соответствии с основной функцией коммуникативной стратегии в статье определены ее свойства.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, прагматика, системно-деятельностный подход, речевой акт, коммуникативная ситуация

Для цитирования: Молявина Е. А. Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 94–99. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_94

Original article

Communicative Strategy: Quality, Classification and Pragmatics

Elena A. Molyavina
Military University of the Russian Federation Ministry of Defense, Moscow, Russia
molyavina68@inbox.ru

Abstract. The article deals with some peculiarities of speech acts planning process due to the system of activities approach which was offered by the Moscow school of psycholinguistics. The author discerns a communicative strategy as a determinant attribute of gaining success trying to join communicative, and then noncommunicative, activities of the interlocutors. Proceeding from the main function of a communicative strategy its specific features are defined in the article.

Key words: communicative strategy, pragmatics, a system of activities approach communicative act, communicative situation

For citation: Molyavina, E. A. (2022). Communicative strategy: quality, classification and pragmatics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7 (862), 94–99. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_94

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что в современных лингвистических исследованиях понятие «стратегия» используются уже давно и успешно, до сих пор теоретическая природа коммуникативных стратегий остается неопределенной, следовательно, преждевременно говорить и о создании (существовании) их универсальной и всеобъемлющей классификации.

Цель данной статьи заключается в комплексном рассмотрении понятия «коммуникативная стратегия», определении основных тенденций его классификации, а также лингвопрагматической специфики реализации коммуникативных стратегий в различных коммуникативных ситуациях.

Теоретической основой работы послужили труды таких авторитетных ученых, как Т. А. ван Дейк, О. С. Иссерс, А. А. Леонтьев, Е. В. Сидоров, Е. Ф. Тарасов и ряда других.

Новизна исследования заключается в раскрытии феномена «коммуникативная стратегия», распространенного в современной лингвистике, с точки зрения его прагматической обусловленности необходимостью сопряжения коммуникативной и некоммуникативной деятельностей коммуникантов, взятых в отдельно разворачивающейся коммуникативной ситуации.

Достоверность результатов проведенного нами анализа определена комплексным подходом к изучению предмета исследования, включившим в себя как общенаучные методы познания (синтез, анализ, сравнение), так и специфические – лингвистические методы.

СТРАТЕГИЯ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Термин «стратегия» пришел в лингвистику из военного дела. Согласно известному военному теоретику К. фон Клаузевицу «стратегия должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действиям целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря, она намечает проекты отдельных кампаний и дает в них установку отдельным боям» [Клаузевиц, 2007, с. 47].

Коммуникативные процессы, как и военные действия, не хаотичны: «структурность и целенаправленность – вот две важнейшие характеристики всякой специфически человеческой деятельности» [Леонтьев, 2019, с. 27]. Речевая деятельность – это целенаправленный процесс решения задач общения. Конечной целью любых коммуникативных процессов является организация совместной деятельности индивидов, посредством регулирования речевой (а через нее и неречевой) деятельности реципиента информации.

Однако речевая коммуникация – это не последовательность поочередных высказываний коммуникантов, а их переплетение как с лингвистической точки зрения (на лексико-грамматическом, фонетическом и др. уровнях), так и с экстралингвистической (задачи коммуникативного акта с точки зрения каждого из коммуникантов, ожидаемые результаты). Т. А. ван Дейк полагал, что «в речевом акте единственным “организующим” принципом является тот, который увязывает определенные цели, намерения, действия (высказывания, обладающие определенными характеристиками) говорящего с коммуникативной ситуацией и происходящими событиями» [Дейк, 1989, с. 17–18]. В связи с этим мы приходим к умозаключению о том, что в ходе целеобразования процесса общения его участники должны осуществлять ориентирование в ситуации (как социальной, так и коммуникативной), вероятностное прогнозирование и контроль влияния всей совокупности указанных факторов на результат коммуникативного акта.

Именно необходимость реализации строгого контроля и выработки оптимальных решений «системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия» [Дейк, 1989, с. 274] позволяет нам назвать речевую деятельность стратегическим процессом. Иными словами, успех знаковой координации деятельностей коммуникантов во многом зависит от процесса планирования реализации прагматических интенций инициатора интеракции в конкретной ситуации общения, так как именно на основании специфики ее структуры и взаимодействия составляющих ее компонентов говорящий планирует свою речевую деятельность, подразделяя ее на ряд подчиненных действий (ходов), объединенных прагматическими связями. Именно эту общую прагматическую канву речевой деятельности принято называть в современной лингвистике ***коммуникативной стратегией***.

Рассмотрим ряд определений понятия «коммуникативная стратегия», предложенных отечественными учеными. Так, О. С. Иссерс под коммуникативной стратегией понимает «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», включающий в себя планирование процесса общения, а также его реализацию с учетом отдельно взятой коммуникативной

ситуации [Иссерс, 2008, с. 70]. Исследовательница уточняет, что стратегия представляет собой некий «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях непроинформированности по поводу действий партнера» [там же, с. 56].

О. Л. Михалева определяет речевую стратегию как «план оптимальной реализации коммуникативных намерений, который учитывает субъективные и объективные условия и факторы, в которых протекает коммуникационный акт и которые обуславливают внутреннюю и внешнюю текстовую структуру и применение конкретных языковых средств» [Михалева, 2009, с. 45]. Автор также подчеркивает принципиальность учета как языковых, так и неязыковых элементов ситуации общения в ходе планирования средств воплощения прагматических целей говорящего, что соотносится и с определением В. Б. Кашкина, который понимает коммуникативную стратегию как «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определённой коммуникативной цели» [Кашкин, URL].

Известная представительница уральской лингвистической школы Г. А. Копнина трактует речевую стратегию как «общий мыслительный план, или общую психологическую линию речевого поведения, определяемую интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего / пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные, гендерные, этнические характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)» [Копнина, 2018, с. 56], тем самым исследовательница подчеркивает принципиальность учета максимального объема экстралингвистических факторов в процессе планирования высказывания.

Л. Ю. Веретенкина описывает коммуникативную стратегию как представленную в определённом временном отрезке установку автора сообщения, характеризующуюся восприятием партнера по общению неким средством реализации поставленных целей, неосознанно обрабатывающим эксплицитные и имплицитные смыслы, заложенные в текст [Веретенкина, 2001].

На основе указанных выше определений, а также ряда дефиниций, которые мы оставили за рамками данной работы во избежание перегруженности и излишних повторов, мы приходим к заключению, что коммуникативная стратегия представляет собой некий вектор развития коммуникативного акта, долгосрочный план, содержащий множество вариантов реализации речевой деятельности адресанта с учетом предполагаемой ответной деятельности (речевой и неречевой) реципиента в условиях конкретной коммуникативной ситуации, способствующий установлению и поддержанию контакта, а следовательно и организации интерактивной деятельности коммуникантов.

Вслед за В. Р. Муравлевой мы полагаем, что сопряжение деятельностей участников процесса общения становится возможным «благодаря системному функционированию основных составляющих коммуникативной стратегии» [Муравлева, 2021, с. 102], а именно:

- «определенной прагматической и коммуникативной цели;
- условий ее достижения (коммуникативной ситуации);
- средств достижения поставленной цели;
- плана выражения и плана содержания;
- результата реализации коммуникативной деятельности (последующей речевой и неречевой деятельности объекта воздействия)» [Муравлева, 2021, с. 102].

При этом высокая вариативность содержания и структуры программы осуществления коммуникативной стратегии обусловлена «возможностью использования различных коммуникативных ходов и комбинирования языковых ресурсов и приемов» [Юданова, 2003, с. 78–79], что позволяет наиболее эффективно направлять ход рассуждений адресата в нужное автору русло.

Правильно выстроенная коммуникативная стратегия позволяет адресанту выстроить «функциональную перспективу», логику речевого акта, которые способствовали бы систематизации речевых и неречевых компонентов коммуникативной ситуации в соответствии с его коммуникативными и прагматическими целями, а также избежать излишней хаотизации и дисбаланса речевых ходов.

С лингвистической точки зрения динамичность стратегического планирования процесса коммуникации зиждется на возможности одновременной реализации прагматических интенций на различных уровнях: концептуально-тематическом, функционально-прагматическом и формально-стилистическом. Максимальный эффект воздействия на адресата достигается умеренным сбалансированием количества «ходов», сделанных на каждом уровне, т. к. существенный перекос в сторону

одного плана чаще всего включает у реципиента информации некий защитный механизм, повышающий его сопротивление к дальнейшему сопряжению деятельностей.

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Наличие в современной лингвистике большого количества дефиниций коммуникативной стратегии, наталкивает нас на мысль о целесообразности классификации рассматриваемого нами явления на основании различных подходов (функционального, структурного, психологического, прагматического и ряда других).

Т. А. ван Дейк предлагает классификацию, основанную на прагматической цели адресанта, и выделяет две основные стратегии: положительной самопрезентации и негативной репрезентации оппонента [Дейк, 2013, с. 238–246]. В некоторых работах им соответствуют такие синонимичные термины, как, например, кооперативные и некооперативные (или конфронтационные) стратегии.

Ряд лингвистов, опираясь на принцип функциональности и учитывая степень «глобальности» коммуникативных намерений адресанта, подразделяют речевые стратегии на основные (в некоторых исследованиях – суперстратегии, общие, родовые, генеральные, глобальные или базовые стратегии) и вспомогательные (частные стратегии или субстратегии). Так, например, О. С. Иссерс к основным стратегиям относит семантические и когнитивные стратегии, такие как дискредитация и подчинение. Вспомогательные стратегии, на взгляд отечественного лингвиста, способствуют реализации общей стратегии и подразделяются на прагматические (коммуникативно-ситуационные) стратегии, такие как самопрезентация или эмоционально настраивающие стратегии, диалоговые стратегии, отвечающие за контроль над пониманием темы, инициативой и т. д., а также риторические стратегии [Иссерс, 2008, с. 58].

Принимая во внимание современную тенденцию «инфотеймента» (целенаправленного разбавления фактической информации элементами развлекательного характера (рекламой, ребусами, анекдотами, фотографиями, не связанными непосредственно с сообщением), зачастую с преобладанием последних [Кастельс, 2017, с. 174]), целесообразным кажется добавление О. Л. Михалевой к уже ставшим «классическими» стратегии на понижение (дискредитации противника), стратегии на повышение (возвышение над противником) и стратегии театральности (ориентация на реципиента информации) [Михалева, 2009, с. 57].

Коммуникативные стратегии также классифицируют по сферам воздействия (когнитивную, аксиологическую, эмоциональную базу). Так, С. Ю. Полуйкова подразделяет манипулятивные стратегии на:

1. Рациональные (воздействие оказывается на когнитивную базу реципиента);
2. Эмоциональные (нацелены на стимуляцию у адресата определенных эмоций, способствуя тем самым «блокировке» критического осмысления полученной информации);
3. Смешанные (одновременное обращение к эмотивному и рациональному мышлению) [Полуйкова, 2010, с. 64].

СВОЙСТВА И ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Рассмотрев природу феномена «коммуникативной стратегии» с позиций теории речевой деятельности и определив ее как некий план, содержащий множество вариантов осуществления прототипического образца речевой деятельности адресанта с учетом его прагматических интенций и предполагаемой ответной деятельности (речевой и неречевой) реципиента в условиях конкретной коммуникативной ситуации, мы можем предпринять скромную попытку определить наиболее характерные функции коммуникативных стратегий. К ним предлагаем относить:

1. ориентирование в коммуникативной ситуации, систематизация ее компонентов;
2. прогнозирование действий участников речевого акта;
3. определение общей «канвы» принятия коммуникативных решений адресанта, способной привести к достижению поставленных прагматических и коммуникативных целей.

Исходя из функций коммуникативной стратегии в процессе создания и развертывания коммуникативного акта мы можем выделить ее специфические свойства, а именно:

- прагматическую и коммуникативную целеположенность (достижение эффективного сопряжения деятельностей (как коммуникативных, так и некоммуникативных) участников общения);
- зависимость от системы экстралингвистической ситуации и разворачивающегося на ее фоне коммуникативного акта;
- гибкость и интерактивность (способность изменяться в соответствии с развитием процесса общения);

– концептуальность (изначальный замысел развертывания коммуникативного акта абстрактен);
– конкретность (по мере реализации обобщенная идея опредмечивается посредством конкретных речевых действий адресанта).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, успех знаковой координации деятельностей участников процесса общения во многом зависит от планирования речевого поведения коммуникантов, которое представляет собой не простое наложение высказываний, а их интерактивное взаимодействие, определяемое желанием как минимум одного коммуниканта достигнуть сопряжения коммуникативных деятельностей участников процесса общения с целью получения возможности управлять их некоммуникативной деятельностью.

Исходя из этого, выработка коммуникативной стратегии и ее адаптация к конкретной коммуникативной ситуации во всем ее сложном единстве определяются коммуникативными и прагматическими целями адресанта. В свою очередь коммуникативная стратегия организует и регулирует речевое поведение адресанта, подразделяя его на ряд подчиненных действий (ходов), объединенных прагматическими связями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клаузевиц К. фон. О войне. М.: Эксмо, 2007.
2. Леонтьев А. А. Прикладная лингвистика речевого общения и массовой коммуникации. Издание 2, стереот. М.: Смысл, 2019.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
5. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
6. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. URL: http://www.dere.com.ua/library/kashkin/06.shtml (дата обращения 02.02.2022).
7. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2018.
8. Веретенкина Л. Ю. Стратегия, тактика и приемы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Тезисы докладов Международной научной конференции (Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г.) Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 177–179.
9. Муравлева В. Р. Прагмалингвистические особенности коммуникативной ситуации «информационная война» (на материале печатных текстов СМИ): дис. … канд. филол. наук. М., 2021.
10. Юданова Е. Т. Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2003.
11. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛАБРОКОМ», 2013.
12. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. Н. Тылевич. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.
13. Полуйкова С. Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. 2010. № 4. С. 63–67.

REFERENCES

1. Klauzevic, K., fon. (2007). O vojne = On the war. Moscow: Jeksmo. (In Russ.)
2. Leont'ev, A. A. (2019). Prikladnaja lingvistika rechevogo obshhenija i massovoj kommunikacii = Applied linguistics of speech communication and mass communication. Izdanie 2, stereot. Moscow: Smysl. (In Russ.)
3. Dejk, T. A. van. (1989). Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Language. Cognition. Communication. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Issers, O. S. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi: monografija = Communicative strategies and tactics of Russian speech: a monograph. 5-e izd. Moscow: LKI. (In Russ.)
5. Mihaleva, O. L. (2009). Politicheskij diskurs: specifika manipuljativnogo vozdejstvija = Political discourse: the specifics of manipulative influence. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
6. Kashkin, V. B. Vvedenie v teoriju kommunikacii = Introduction to the theory of communication. http://www.dere.com.ua/library/kashkin/06.shtml (Data obrashhenija 02.02.2022). (In Russ.)

7. Kopnina, G. A. (2018). Rechevoe manipulirovanie = Speech manipulation: a textbook. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
8. Veretenkina, L. Yu. (2001). Strategija, taktika i prijomy manipulirovanija = Strategy, tactics and manipulation techniques. Lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: Proceedings of the International Scientific Conference (Ekaterinburg, 24–26 October, 2001). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.)
9. Muravleva, V. R. (2021). Pragmalingvisticheskie osobennosti kommunikativnoj situacii «informacionnaja vojna» (na materiale pechatnyh tekstov SMI): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Judanova, E. T. (2003). Suggestivnaja funkcija jazykovyh sredstv anglojazychnogo politicheskogo diskursa: PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
11. Dejk, T. A. van. (2013). Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii = Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
12. Kastel's, M. (2020). Vlast' kommunikacii = The power of communication, transl. by N. Tylevich. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
13. Polujkova, S. Yu. (2010). Persuazivnye strategii v sovremennom prosvetitel'skom diskurse = Persuasive strategics in the modern enlightening discourse. Vestnik of Perm University, 4, 63–67. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молявина Елена Алексеевна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры английского языка (второго)
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Molyavina Elena Alekseyevna
PhD (Philology),
Senior Lecturer of the Department of English (Second Foreign Language)
of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 31.03.2022
одобрена после рецензирования 29.04.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 31.03.2022
approved after reviewing 29.04.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81'27
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_100

Территориально-политическая стратификация восприятия акцента русскоязычных иммигрантов носителями немецкого языка в ФРГ

М. В. Попова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
neunerin@gmail.com

Аннотация. В статье описаны результаты исследования, направленного на установление корреляций между политическими предпочтениями жителей федеральных земель Германии и процентным соотношением иммигрантов на данных территориях. Гипотеза исследования, согласно которой степень выраженности русского акцента оценивается носителями немецкого языка различно в зависимости от территориально-политической страты, не подтвердилась.

Ключевые слова: акцент, акцентная выраженность, социальная идентичность, социальный маркер, социолингвистика, миграционная лингвистика, территориально-политическая стратификация

Для цитирования: Попова М. В. Территориально-политическая стратификация восприятия акцента русскоязычных иммигрантов носителями немецкого языка в ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 100–107. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_100

Original article

Territorial-political Stratification of Perception of Russian-Speaking Immigrants' Accent by German Speakers in Germany

Marianna V. Popova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
neunerin@gmail.com

Abstract. The article describes the results of the study aimed at establishing correlations between the political preferences of residents of certain German federal states and the percentage of immigrants living on those territories. The hypothesis of the study, according to which the accentedness of Russian is assessed by native German speakers differently depending on the territorial-political stratum, was not confirmed.

Keywords: accent, accentedness, social identity, social marker, sociolinguistics, migration linguistics, territorial-political stratification

For citation: Popova, M. V. (2022). Territorial-political stratification of perception of Russian-spreaking immigrants' acccent by German speakers in Germany. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 100–107. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_100

ВВЕДЕНИЕ

Невозможно отрицать, что миграционные процессы, масштабы которых в последнее десятилетие привели к общеевропейскому кризису в 2015 году, оказывают значительное влияние на все сферы жизнедеятельности как иммигрантов, так и членов принимающего сообщества. Несмотря на очевидные плюсы мульти- и поликультурных сообществ, такие как реализация международных бизнес-проектов, обмен технологиями, инновациями и научным знанием, возникает и множество проблем, связанных с ассимиляцией и интеграцией, потерей национальной идентичности и самоидентификации, а также ксенофобией, национализмом, расизмом и, как следствие, дискриминацией определенных этносов [Дружинина, 2019]. Изучение различных аспектов миграционных процессов вызывает интерес исследователей из самых разных областей. Не является исключением в этом случае и лингвистика, подтверждением чему служит формирование в последние десятилетия нового направления лингвистических исследований, известного как «миграционная лингвистика» (Migrationslinguistik) [Раренко, 2021]. Особый интерес исследователей в данной связи вызывает, с одной стороны, характер влияния языков мигрантов на языки принимающего общества, вследствие чего возникают различного рода социолекты, такие как, например, Kiezdeutsch [Hinrichs, 2013; Акулова 2016], а с другой стороны – вопросы социальной категоризации иммигрантов и проблемы ассимиляции, связанные с особенностями их речи на всех языковых уровнях, в особенности – на фонетическом [Settinieri, 2014; Roessel, Schoel, Zimmermann, Stahlberg, 2017; Попова 2021].

По данным на 2021 год в Германии проживает 22,3 миллиона людей с «миграционными корнями» («Migrationshintergrund»), что составляет 27,2% от общего населения, что на два процентных пункта больше, чем в 2020 году [Statistisches Bundesamt, 2022]. При этом только 11,8 млн из них имеют немецкое гражданство, а чуть более 14 млн. имеют «собственный миграционный опыт» («eigene Migrationserfahrung»), что означает, что они родились за границей и позже иммигрировали [там же]. Следует отметить, что понятие «миграционные корни», служащее своеобразным «ярлыком иммигранта», уже не первый год подвергается в Германии критике, в связи с чем Федеральное статистическое управление собирается в ближайшем будущем ввести новую категорию: «Eingewanderte und Ihre Nachkommen» («приехавшие и их потомки») [Pürckhauer, 2022].

Анализ научной литературы и статистических данных позволяет предположить, что существует пропорциональная зависимость миграционной картины от политических предпочтений жителей федеральных земель. Об этом свидетельствует значительно более низкий процент проживающих мигрантов на территориях федеральных земель (в числе которых Саксония, Саксония-Анхальт, Бранденбург, Мекленбург-Передняя Померания и Тюрингия), где в последние годы наблюдается наиболее высокий процент поддерживающих политику АдГ [Welt, 2017]. Данное наблюдение позволило нам выдвинуть гипотезу о том, что степень выраженности русского акцента оценивается различно в зависимости от территориально-политической страты.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В 2020 году на базе МГЛУ было проведено экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка, основной целью которого явилось выявление зависимости оценок социальной и личностных характеристик носителя русского языка от степени выраженности у него акцента в речи на немецком языке с позиции носителей немецкого языка. В качестве факторов влияния рассматривались гендерная, возрастная и территориально-политическая принадлежность аудиторов. В настоящей статье основное внимание уделяется результатам анализа данных по последнему фактору, так как федеральные земли Германии являются условно самостоятельными единицами со своим правительством, политическим курсом и даже особенностями законодательства. Кроме того, высокая мобильность населения Германии и различные квоты для иммигрантов в рамках разных федеральных земель позволяют заключить, что фактор территориально-политической принадлежности аудитора может оказывать влияние на его оценку испытуемого с акцентной окрашенностью речи.

Материалом для исследования послужил корпус фонограмм на немецком языке, составленный в процессе подготовки. В качестве аудиторов выступили совершеннолетние носители немецкого языка без «миграционных корней». В качестве основных методов исследования были использованы: перцептивно-слуховой анализ в группе иноязычных информантов, а также методы статистической обработки данных.

Объектом исследования послужила реализация русского акцента в речи на немецком языке.

В качестве предмета исследования выступило влияние иноязычного акцента на социальный портрет говорящего с позиции носителей немецкого языка.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе аудиторам предлагалось оценить степень выраженности акцента говорящего согласно разработанной нами шкале (см. табл. 1).

Таблица 1

ШКАЛА ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОГО АКЦЕНТА

Очень сильный акцент	Акцент затрудняет понимание. Необходимо многократное внимательное прослушивание для того, чтобы понять говорящего.
Сильный акцент	В общем и целом сказанное понятно людям, имеющим большой опыт общения с иностранцами. Большое количество произносительных ошибок вынуждает слушателя напрягаться и может вызвать нарушения понимания.
Средний акцент	Сказанное понятно, но некоторые ошибки в произношении могут вызвать нарушения понимания.
Слабый акцент	Произношение не мешает пониманию.
Отсутствие акцента	Человек говорит без акцента.

В результате были отобраны восемь фонограмм, результаты оценки которых были наиболее однозначными.

На втором этапе аудиторам предлагалось оценить испытуемых с различной степенью выраженности русского акцента по социальным (бедный – богатый; необразованный – образованный; глупый – умный; неуспешный – успешный) и личностным (не заслуживающий – заслуживающий доверия; недружелюбный – приветливый; злой – добрый; неприятный – приятный) характеристикам в рамках предложенных нами оппозиций по шкале от 1 до 10, где 5 – «не могу определиться» (см. рис. 1).

Рис. 1. Шкала оценки социальной характеристики русскоязычных «дикторов» немецкоязычными аудиторами по оппозиции «бедный – богатый»

Следует отметить, что на каждом этапе в качестве аудиторов привлекались разные люди.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для определения территориальной стратификации восприятия акцентной выраженности в рамках отдельных федеральных земель мы исключили одну из фонограмм из-за статистически значимых отличий от остальных фонограмм, вызванных, по нашему мнению, индивидуальными произносительными особенностями диктора и порядком подачи фонограмм, и выбрали по одной фонограмме из каждой группы акцентной выраженности путем двойного слепого метода.

Полученные в результате настоящего экспериментально-фонетического исследования данные не позволяют провести статистический анализ по каждой федеральной земле вследствие недостаточного количества респондентов из некоторых федеральных земель. Поэтому мы приняли решение объединить федеральные земли в группы, исходя из статистических данных по процентной величине, характеризующей долю населения с миграционными корнями, и значимыми изменениями в политической картине Германии в последние годы. Основываясь на этих данных, мы выдвинули гипотезу о наличии взаимосвязи между политическими и миграционными особенностями определенных федеральных земель, с одной стороны, и отношением их населения к акцентной выраженности мигрантов – с другой. В таблице 2 представлены социально-политические характеристики федеральных земель, взятые за основу для составления их социально-политической стратификации.

С 2018 года партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), продвигающая право-популистские и националистические положения в

Таблица 2

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ ГЕРМАНИИ С 2016 ПО 2021 ГГ.

№ п/п	Федеральная земля	Численность населения без миграционных корней на конец 2018 (тыс.)	Численность населения с миграционными корнями на конец 2018 (тыс.)	Процентное соотношение населения с миграционными корнями на конец 2018 (%)	Результаты голосования за АдГ для избрания в ландтаги с 2016 по 2021 г. (%)
1	Бавария	9 559	3 282	25,6	10,2
2	Баден-Вюртемберг	7 259	3 638	33,4	9,7
3	Берлин	2 455	1 135	31,6	14,2
4	Бранденбург	2 260	208	8,4	23,7
5	Бремен	437	236	35,1	6,1
6	Гамбург	1 218	607	33,3	5,3
7	Гессен	4 094	2 075	33,6	13,1
8	Мекленбург-Передняя Померания	1 453	124	7,9	20,8
9	Нижняя Саксония	6 097	1 726	22,1	6,2
10	Райнланд-Пфальц	2 966	1 045	26,1	8,3
11	Саар	757	220	22,5	6,2
12	Саксония	3 675	327	8,2	27,5
13	Саксония-Анхальт	1 996	168	7,8	20,8
14	Северный Рейн-Вестфалия	12 284	5 362	30,4	7,4
15	Тюрингия	1 955	155	7,3	23,4
16	Шлезвиг-Гольштейн	2 349	492	17,3	5,9

своей программе, имеет места в парламентах всех 16 федеральных земель. В преддверии федеральных выборов 2021 года Фонд Бертельсманна опубликовал результаты репрезентативного опроса, в котором приняли участие 10055 человек. Согласно результатам, 29 % избирателей АдГ открыто придерживаются правоэкстремистских взглядов, и еще 27 % предпочитают это не афишировать. 15 % опрошенных поддерживают правую диктатуру, 13 % упрощают национал-социализм, 13 процентов поддерживают антисемитизм, 54 % – шовинизм, 65 % – ксенофобию и 8 % – социальный дарвинизм. По сравнению с избирателями других партий доля таких настроений в некоторых случаях значительно выше [Bartelsmann-Studie, 2021].

Укрепила свои позиции партия и в Европейском парламенте, набрав в 2019 году 11 % и получив 11 мест, что на 9 мест превышает предыдущий результат в 2014 году.

На рисунке 2 четко прослеживается обратная пропорциональная зависимость количества голосов, полученных партией «Альтернатива для Германии» на выборах в ландтаги, и количества мигрантов, проживающих на территории каждой федеральной земли. Тюрингия, Саксония, Саксония-Анхальт, Мекленбург-Передняя Померания и Бранденбург демонстрируют наименьший процент населения с миграционными корнями и наибольший процент мест в ландтагах партии «Альтернатива для Германии». Думается, что такая картина является закономерным отражением отношения жителей вышеназванных федеральных земель к проблемам миграции, поэтому, на наш взгляд, является необходимым установить факт наличия или отсутствия различий между ответами респондентов, проживающих в федеральных землях, где есть преобладание поддерживающих политику АдГ, и в остальных федеральных землях.

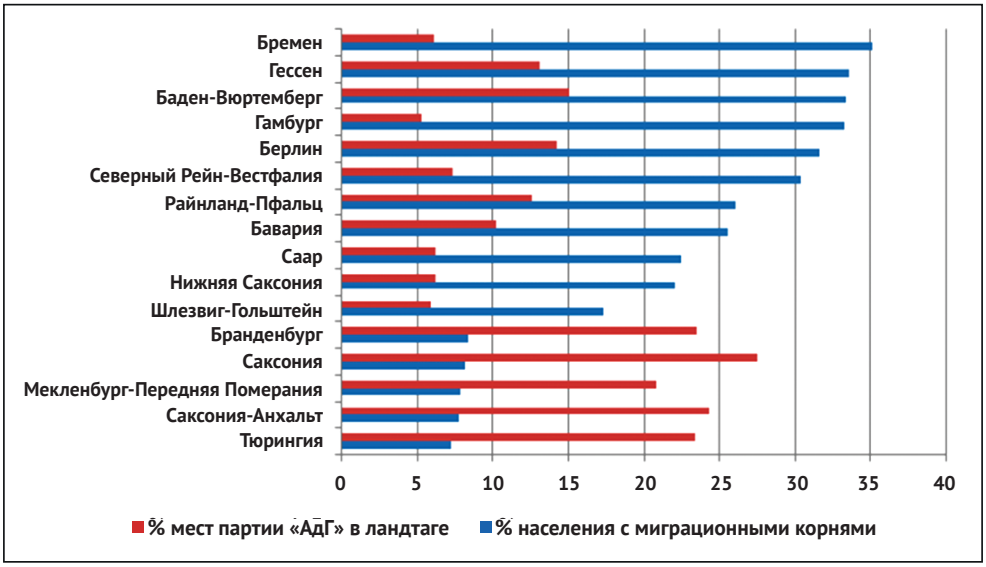


Рис. 2. Данные по населению с миграционными корнями и без таковых в ФРГ на 2018 год в соотношении с результатами выборов партии «АдГ» в ландтаги с 2016 по 2021 гг. (по результатам последних выборов)

Различия между оценками жителей двух групп федеральных земель по социальным и личностным характеристикам дикторов представлены в таблице 3.

Таблица 3

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ОЦЕНКАМИ СОЦИАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДИКТОРОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЫ РЕСПОНДЕНТОВ ПО Т-КРИТЕРИЮ СТЬЮДЕНТА

№ п/п	Показатель	t-стат.	p-знач.	Оценки жителей фед. земель, в кот. высокий % поддерживающих политику АдГ	Оценки жителей фед. земель, в кот. высокий % НЕ поддерживающих политику АдГ
1	Бедный – богатый	0,07	0,95	5,57	5,58
2	Необразованный – образованный	1,23	0,22	6,09	5,88
3	Глупый – умный	0,74	0,46	6,47	6,35
4	Неуспешный – успешный	0,62	0,54	5,73	5,62
5	Не заслуживающий доверия – заслуживающий доверия	0,35	0,72	6,25	6,31
6	Недружелюбный – приветливый	1,61	0,12	6,59	6,84
7	Злой – добрый	0,03	0,98	6,88	6,87
8	Неприятный – приятный	0,83	0,41	6,07	6,22
9	Вероятность сдачи жилья	2,60	0,009**	5,90	6,38
10	Соотношения с профессиями различного социального статуса	1,56	0,12	2,60	2,75

** – значимо на уровне 0,01

Как мы можем увидеть, принадлежность к определенному типу федеральной земли влияет только на вероятность сдачи жилья, при этом жители земель с преобладающей поддержкой АдГ склонны давать более низкую оценку в целом (5,90 против 6,38).

Влияние принадлежности к одному из типов федеральных земель на оценку людей с различной степенью акцентной выраженности было проверено с помощью двухфакторного дисперсионного анализа, который показал, что фактор проживания на территории федеральной земли определенного типа не связан с фактором акцентной выраженности при оценке социальных и личностных характеристик ни по одному из вопросов. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ МНОГОФАКТОРНОГО ДИСПЕРСИОННОГО АНАЛИЗА

Вопрос	Показатель	Фактор	F-критерий	p-значение
1	Бедный – богатый	Акцент	47,3	<0,001***
		Тип федеральной земли	0,0	0,942
		Акцент*Тип федеральной земли	0,4	0,791
2	Необразованный – образованный	Акцент	43,7	<0,001***
		Тип федеральной земли	1,9	0,172
		Акцент*Тип федеральной земли	0,3	0,816
3	Глупый – умный	Акцент	30,6	<0,001***
		Тип федеральной земли	0,6	0,42
		Акцент*Тип федеральной земли	0,4	0,77
4	Неуспешный – успешный	Акцент	41,2	<0,001***
		Тип федеральной земли	0,5	0,49
		Акцент*Тип федеральной земли	0,1	0,96
5	Не заслуживающий доверия – заслуживающий доверия	Акцент	11,5	<0,001***
		Тип федеральной земли	0,1	0,72
		Акцент*Тип федеральной земли	0,2	0,88
6	Недружелюбный – приветливый	Акцент	4,1	0,007**
		Тип федеральной земли	2,7	0,10
		Акцент*Тип федеральной земли	1,1	0,35
7	Злой – добрый	Акцент	3,0	0,03
		Тип федеральной земли	0,0	0,97
		Акцент*Тип федеральной земли	0,5	0,69
8	Неприятный – приятный	Акцент	18,2	<0,001***
		Тип федеральной земли	0,8	0,38
		Акцент*Тип федеральной земли	0,7	0,59
9	Вероятность сдачи жилья	Акцент	17,9	<0,001***
		Тип федеральной земли	7,4	0,007**
		Акцент*Тип федеральной земли	0,3	0,80
10	Соотношения с профессиями различного социального статуса	Акцент	60,0	<0,001***
		Тип федеральной земли	3,2	0,07
		Акцент*Тип федеральной земли	0,5	0,67

*** - значимо на уровне 0,001

** - значимо на уровне 0,01

Несмотря на то, что по результатам исследования фактор проживания на федеральной земле не связан с фактором акцентной выраженности при оценке социальных и личностных характеристик, нам удалось установить, что оценки жителей вышеперечисленных федеральных земель демонстрируют меньшую вероятность сдачи жилья всем дикторам вне зависимости от степени выраженности акцента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании полученных результатов был сделан вывод о том, что фактор территориально-политической страты не оказывает влияния на оценки носителями немецкого языка социальных и личностных характеристик, говорящих с различной степенью выраженности акцента. Однако декларируемая готовность сдачи жилья статистически значимо ниже на территории федеральных земель, демонстрирующих низкий процент населения с миграционными корнями и высокий процент поддерживающих политику партии АдГ (Саксонии, Саксонии-Анхальта, Бранденбурга, Мекленбурга-Передней Померании и Тюрингии) вне зависимости от акцентной выраженности.

Мы полагаем, что полученные нами данные могут объясняться влиянием социально одобряемого поведения вследствие широкого распространения в Германии принципов толерантности. Об этом также свидетельствует процентное соотношение выборок респондентов из предположительно благоприятно (81 %) и неблагоприятно (19 %) настроенных к мигрантам федеральных земель. Полагаем, что низкий процент аудиторов из федеральных земель с небольшим количеством мигрантов и большинством (по сравнению с другими федеральными землями) мандатов АдГ в ландтагах может также объясняться влиянием «спирали молчания». Согласно данной концепции, предложенной немецким социологом и политологом Э. Ноэль-Нойман, люди, которые считают, что придерживаются мнения меньшинства, будут менее склонны выражать его публично, опасаясь осуждения и изоляции [Ноэль-Нойман, 1996].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дружинина М. В. О роли языковой образовательной политики университета в процессе развития миграционной политики // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 102–156.
2. Раренко М. Б. [и др.]. Миграционная лингвистика и ее место в современных лингвистических исследованиях (Обзор). Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма: коллективная монография. Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2021. С. 5–11.
3. Hinrichs U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C. H. Beck, 2013.
4. Акулова М. Е. Речевое поведение немецкой молодежи на примере мультиэтнолекта Kiezdeutsch (социо- и прагмалингвистический аспект): дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016.
5. Settinieri J. Soziale Akzeptanz unterschiedlicher Normabweichungen in der Zielsprache Deutsch // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht Didaktik und Methodik im Bereich Deutsch als Fremdsprache. 2011. Nummer 2. S. 67–80.
6. Roessel J. et al. Shedding New Light on the Evaluation of Accented Speakers: Basic Mechanisms behind Nonnative Listeners' Evaluations of Nonnative Accented Job Candidates // Journal of Language and Social Psychology. 2017. 38(1), P. 3–32.
7. Popova M. V. The role of a foreign accent in the social and personal identification of a speaker // SHS Web Conf., 101 01013. 2021, April 26. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/202110101013 (дата обращения: 29.04.2022).
8. Statistisches Bundesamt: Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2021, S. 39f. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Publikationen/Downloads-Migration/migrationshintergrund-2010220217004.pdf?__blob=publicationFile#page=39 (дата обращения: 15.05.2022).
9. Pürckhauer A. Ciao, Migrationshintergrund? // Mediendienst Integration. 2022, April 12. URL: https://mediendienst-integration.de/artikel/ciao-migrationshintergrund-1.html (дата обращения: 15.05.2022).
10. In diesem Bundesland hat sich die Zahl der Migranten mehr als verdoppelt // Welt. 2017, August 1. URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/article167287260/In-diesem-Bundesland-hat-sich-die-Zahl-der-Migranten-mehr-als-verdoppelt.html (дата обращения: 15.05.2022).
11. Bartelmanns-Studie. 29 Prozent der AfD-Wählerinnen und -Wähler sind rechtsextrem eingestellt // Der Spiegel. 2021, February 1. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-29-prozent-der-afd-waehler-sind-rechtsextrem-eingestellt-laut-bertelsmann-studie-a-79d3b168-35bb-475c-9b7b-22f76649b621 (дата обращения: 29.04.2022).

12. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.
13. Bevölkerung // Mediendienst Integration. URL: https://mediendienst-integration.de/migration/bevoelkerung.html (дата обращения: 15.05.2022).

REFERENCES

1. Druzhinina, M. V. (2019). O roli jazykovoj obrazovatelnoj politiki universiteta v prozesse razvitija migracionnoj politiki = On the role of the University's language education policy in the development of migration policy. Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: mediacionnye praktiki (pp. 102–156): monografija. Perm: Perm State National Research University. (In Russ.)
2. Rarenko, M. B. et al. (2021). Migracionnaya lingvistika i ejo mesto v sovremennyh lingvisticheskih issledovanijah (Obzor). Migracionnaja lingvistika v sovremennoj nauchnoj paradigme: diskursivnye praktiki i literatura mul'tikul'turalizma. Kollektivnaja monografiy = Migration linguistics and its place in modern linguistic research (Review). Migration linguistics in the modern scientific paradigm: Discursive practices and literature of multiculturalism (pp. 5–11): collective monograph. Perm: Perm Institute of Economics and Finance. (In Russ.).
3. Hinrichs, U. (2013). Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C. H. Beck.
4. Akulova, M. E. (2016). Rechevoe povedenie nemeckoj molodjozhi na primere multijetnolekta Kiezdeutsch (socio- i pragmalingvisticheskij aspekt) = Speech behavior of German youth on the example of the Kiezdeutsch multiethnolect (socio- and pragmalinguistic aspect): PhD in Philology. Rostov-on-Don. (In Russ.)
5. Settinieri, J. (2011). Soziale Akzeptanz unterschiedlicher Normabweichungen in der Zielsprache Deutsch. Zeitschrift Für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht Didaktik Und Methodik Im Bereich Deutsch Als Fremdsprache, 2, 67–80.
6. Roessel, J. et al. (2017). Shedding New Light on the Evaluation of Accented Speakers: Basic Mechanisms behind Nonnative Listeners' Evaluations of Nonnative Accented Job Candidates. Journal of Language and Social Psychology, 38(1), 3–32.
7. Popova, M. V. (2021, April 26).The role of a foreign accent in the social and personal identification of a speaker. SHS Web of Conferences, 101 01013. https://doi.org/10.1051/shsconf/202110101013
8. Statistisches Bundesamt (2022). Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2021, 39. https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Publikationen/Downloads-Migration/migrationshintergrund-2010220217004.pdf?__blob=publicationFile#page=39
9. Pürckhauer, A. (2022, April 12). Ciao, Migrationshintergrund? Mediendienst Integration. https://mediendienst-integration.de/artikel/ciao-migrationshintergrund-1.html
10. In diesem Bundesland hat sich die Zahl der Migranten mehr als verdoppelt. (2017, August 1). Welt. https://www.welt.de/politik/deutschland/article167287260/In-diesem-Bundesland-hat-sich-die-Zahl-der-Migranten-mehr-als-verdoppelt.html
11. Bartelmanns-Studie. (2021, February 1). 29 Prozent der AfD-Wählerinnen und -Wähler sind rechtsextrem eingestellt. Spiegel. https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-29-prozent-der-afd-waehler-sind-rechtsextrem-eingestellt-laut-bertelsmann-studie-a-79d3b168-35bb-475c-9b7b-22f76649b621
12. Noelle-Neumann, E. (1996). Obshhestvennoe mnenie. Otrkrytie spirali molchanija = Public opinion. Opening the spiral of silence. Moscow: Progress-Akademija, Ves Mir. (In Russ.)
13. Bevölkerung. Mediendienst Integration. https://mediendienst-integration.de/migration/bevoelkerung.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Марианна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Marianna Viktorovna

PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Phonetics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_108

Коммуникативно-прагматический потенциал библейского сюжета об Адаме и Еве в немецком парламентском дискурсе

З. С. Романова[1], **Г. Б. Воронина**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*zromanovva@gmail.com*
[2]*galinavoronina@yahoo.com*

Аннотация. В статье рассматривается коммуникативно-прагматический потенциал библейского сюжета об Адаме и Еве и их изгнания из рая в немецком парламентском дискурсе. Авторы выдвигают рабочую гипотезу о том, что использование данных имен и библейского сюжета о них в выступлениях политиков в немецком парламенте (бундестаге) выполняет прагматическую функцию воздействия на целевую аудиторию в процессе аргументации и делает речь политиков более выразительной и экспрессивной.

Ключевые слова: религиозный дискурс, политический дискурс, парламентский дискурс, библеизмы, эпонимы

Для цитирования: Романова З. С., Воронина Г. Б. Коммуникативно-прагматический потенциал библейского сюжета об Адаме и Еве в немецком парламентском дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 108–115. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_108

Original article

Communicative and Pragmatic Potential of the Biblical Story about Adam and Eve in the German Parliamentary Discourse

Zarina S. Romanova[1], **Galina B. Voronina**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*zromanovva@gmail.com*
[2]*galinavoronina@yahoo.com*

Abstract. The article examines the communicative and pragmatic potential of the biblical story about Adam and Eve and their expulsion from paradise in the German parliamentary discourse. The authors put forward a working hypothesis that the use of these names and the biblical story about them in the speeches of politicians in the German parliament (Bundestag) performs a pragmatic function of influencing the target audience in the process of argumentation and makes speeches more expressive.

Keywords: religious discourse, political discourse, parliamentary discourse, bibleisms, eponyms

For citation: Romanova, Z. S., Voronina, G. B . (2022). Communicative and pragmatic potential of the biblical story about Adam and Eve in the German parliamentary discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 108–115. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_108

ВВЕДЕНИЕ

Немецкий парламентский дискурс является особенным жанром политического дискурса. Его изучают как отечественные, так и зарубежные исследователи (Е. И. Шейгал, Х. Гирнт, Ж. В. Никонова, Е. В. Соловьева и др.). Немецкий парламентский дискурс представлен дебатами в парламенте (бундестаге). Отличительной особенностью выступлений депутатов или министров в бундестаге является их многоадресность. Как и в парламентах других стран, основной целевой аудиторией политиков во время выступлений в бундестаге являются, с одной стороны, прежде всего его депутаты, с другой – общественность всей страны; иными словами – широкая публика, поскольку любой желающий может по предварительной записи присутствовать на пленарном заседании бундестага в качестве слушающего. Кроме того, граждане ФРГ могут следить за выступлениями в бундестаге через средства массовой информации. Все протоколы пленарных заседаний публикуются на официальном сайте бундестага. Целью политического дискурса в целом является борьба за власть [Шейгал, 2000]. В случае парламентских дебатов политики пытаются убедить присутствующих депутатов, а также свой электорат в своих идеях. Именно поэтому исследователи выделяют фактор обращенности немецкого парламентского дискурса как один из важных факторов функционирования данного дискурса [Никонова, Соловьева, 2019]. Таким образом, можно заключить, что выступающие политики осознанно и целенаправленно подходят к стратегии аргументирования в своих речах. В этой связи следует отметить значимость и необходимость изучения любых включений других дискурсов в политический дискурс парламентских дебатов, что обусловливает актуальность настоящей статьи.

Целью данного исследования является выявление коммуникативно-прагматического потенциала включений сюжета об Адаме и Еве и их изгнании из Эдемского сада в выступлениях политиков в бундестаге. Материалом для исследования послужили протоколы пленарных заседаний, опубликованные на официальном сайте бундестага[1]. Рассматриваемые в статье фрагменты были отобраны по ключевым словам (*Adam, Eva, Vertreibung aus dem Paradies, Paradies*) с использованием поисковой системы самого сайта немецкого парламента и ограничиваются временны́м периодом с 01.10.1990 по 01.12.2020 гг. В 1990 году завершал свою работу бундестаг 11 созыва, первый общегерманский парламент воссоединенной Германии был избран второго декабря 1990 года. В 2021 году был избран бундестаг 20 созыва. За период с 1990 года по 2020 год работало 8 бундестагов: 1990–1994 гг. – бундестаг 12 созыва, 1994–998 гг. – бундестаг 13 созыва, 1998–2002 гг. – бундестаг 14 созыва, 2002–2005 гг. – бундестаг 15 созыва, 2005–2009 гг. – бундестаг 16 созыва, 2009–2013 гг. – бундестаг 17 созыва, 2013–2017 гг. – бундестаг 18 созыва, 2017–2020 гг. – бундестаг 19 созыва. Представленность политических партий в бундестаге всех созывов оставалась стабильной. В бундестагах с 1990 по 2020 гг. были представлены:

- две консервативные (правоцентристские) партии: Христианско-демократический союз Германии / ХДС (CDU) и Христианско-социальный союз в Баварии / ХСС (CSU), образующие одну парламентскую фракцию. Идеологической основой этих партий являются христианская демократия, консерватизм и проевропеизм.
- Социал-демократическая партия Германии / СДПГ (SPD), отстаивающая идеи социал-демократии, мультикультурализма, проевропеизма, евроатлантизма.
- Свободная демократическая партия Германии / СвДП (FDP), руководствующаяся идеологией классического либерализма и проевропеизма.
- Союз 90 / Зеленые (Bündnis 90 / Grüne) – экологическая партия, выступающая за охрану природы и окружающей среды под контролем государства. В некоторые годы это объединение называлось только Зеленые (Die Grünen).
- Партия демократического социализма / ПДС (PDS) имела своих депутатов в бундестагах 1990, 1994, 1998 гг.; с 2005 г. представлена новой партией
- Левая (Die Linke). Партия руководствуется идеями демократического социализма, антикапитализма, антимилитаризма, антифашизма, поддерживает зеленую политику.
- Новая ультраправая партия – Альтернатива для Германии / АдГ (AfD) имеет свое представительство в бундестаге с 2017 года, руководствуется немецкими националистическими и правопопулистскими идеями, относится в Европейском союзе к партиям евроскептиков.

Информация о партийном составе бундестага важна для понимания того, какие политические интересы каких социальных слоев общества отражает немецкий парламент, а также для ответа на вопрос, насколько включение элементов религиозного дискурса в выступления депутатов

[1] URL: https://www.bundestag.de/protokolle

бундестага зависит от соответствующих программных партийных документов, от содержания обсуждаемых в бундестаге вопросов и, наконец, от личности выступающего.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭПОНИМОВ «ADAM» И «EVA» В НЕМЕЦКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

В Библии имя Адама встречается несколько раз: в первой книге Пятикнижия Ветхого Завета (Das erste Buch Mose – Genesis) (1. Mose 3,8), в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (Das Buch Jesus Sirach) (Sir 49.20), в Евангелии от Луки (Das Evangelium nach Lukas) (Lk 3,38) в Послании апостола Павла к Римлянам (Der Brief des Paulus an die Römer) (Rö 5,14), в Первом послании апостола Павла к Коринфянам (Der erste Brief des Paulus an die Korinther) (1 Ko 15,45), в Первом послании апостола Павла к Тимофею (Der erste Brief des Paulus an Timotheus) (1Ti 2,13), в Послании Иуды (Der Brief des Judas) (Jud 1,14).[1]

Однако глава «Грехопадение» – Der Sündenfall – (1. Mose 3,8) является одним из первых важных сюжетов в книге Бытия, то есть первой книги Пятикнижия Ветхого Завета. Первые люди Адам и Ева, созданные Богом, не должны были прикасаться лишь к одному дереву в Эдемском саду, дереву познания добра и зла. Но искушенная змеем (прообразом Сатаны) Ева нарушает данный завет, что в итоге заканчивается изгнанием Адама и Евы из Эдемского сада, то есть рая и познанием ими страдания и смерти (Быт 3 / 1 Mo 3)[2]. Данная мифологема является одной из самых известных для широкого круга людей. Она распространена во всех авраамических религиях, история с искушением змеем и даже просто упоминание первых людей встречаются также и в массовой культуре.

Вначале будет рассмотрено использование имен *Adam* и *Eva* в качестве эпонимов. Эпонимами являются имена личные, используемые в качестве нарицательных [Карпенко, 2015, с. 373]. Самым частотным употреблением в отобранных нами фрагментах является употребление этих имен во фразеологизме *bei Adam und Eva anfangen*. Данный библеизм имеет несколько значений:

- eine lange Vorrede halten;
- umständlich zum Thema kommen;
- alle Vorinformationen erklären, bevor man zum eigentlichen Thema kommt;
- eine Sache auf halbem Wege beenden und von vorne beginnen.[3]

Все перечисленные значения объединяет один общий смысл: подходить к сути вопроса издалека, или постоянно начинать с самого начала, не доводя мысль до логического завершения, что объясняется происхождением библеизма: согласно библейскому преданию Адам и Ева были первыми людьми: «Der erste Mensch, Adam, "wurde zu einem lebendigen Wesen" (1. Mose 2,7)» (1 Ko 15,45)[4]; «Henoch, der Siebente von Adam an» (Jud 1,14)[5].

В исследуемом корпусе текстов указанного периода библеизм *bei Adam und Eva anfangen* впервые зафиксирован 26.10.2000 в выступлении Рейнхарда Лоске, депутата партии Союза 90 / Зеленых при обсуждении вопроса об экологических налогах (*Ökosteuern*), т. е. налогах на охрану природы и окружающей среды. Политик начинает свою речь с критики предыдущего оратора – Дирка Фишера, депутата фракции ХДС / ХСС, выступившего с резкой критикой экологических налогов. Депутат от Зеленых использует библеизм *bei Adam und Eva anfangen*, подчеркивая постоянное возвращение к обсуждению важной и актуальной темы. В то же время в его высказывании чувствуется некоторое раздражение по отношению к своим коллегам из других партий и скрытая критика их позиции:

> Manchmal glaubt man, man müsste immer wieder bei Adam und Eva anfangen[6].

На это из зала раздается реплика Юргена Коппелина, депутата от СвДП: «Die brauchten keine Ökosteuer zu bezahlen!». Протоколы бундестага содержат не только речи выступающих на трибуне политиков, но и реакции присутствующих на выступления. Депутат Юрген Коппелин перебивает говорящего, саркастически комментируя именно выражение *bei Adam und Eva anfangen* – они, дескать, не должны были платить экологических налогов. Иными словами, оппонент Зеленых Юрген Коппелин понимает библеизм не в его общепринятом значении, а дословно, Адам и Ева для него – два реально существовавших человека, он даже не называет их имена, а заменяет их определенным артиклем, выполняющим в этом случае функцию местоимения, что типично для разговорной речи.

Продолжая свою речь и критикуя позицию оппозиционных партий, депутат Зеленых Рейнхард Лоске использует словосочетание *noch*

[1] Библейские тексты приводятся по ресурсу: https://www.die-bibel.de/, версия Lutherbibel revidiert 2017, deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart.
[2] URL: https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lesen/LU17/GEN.3/1.-Mose-3
[3] URL: https://www.redensarten-index.de/
[4] URL: https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lesen/LU17/1CO.15.45
[5] URL: https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lesen/LU17/JUD.1.14
[6] Подчеркнуто здесь и далее нами – *З. Р., Г. В.*

einmal в качестве контекстуального синонима фразеологизма (т. е. снова и снова обращаться к началу обсуждения):

> Man muss den Kolleginnen und Kollegen der Union und der F.D.P. den Gedanken der ökologischen Steuerreform noch einmal darlegen.[1]

Другой депутат Зеленых Йозеф Филип Винклер при обсуждении различных проблем, возникающих у турецких граждан, прибывших и работающих в ФРГ, а также вопросов, касающихся экономических отношений и партнерства Германии и Турции (*Probleme mit der Türkei nicht ausblenden*), критикует процесс присуждения двойного гражданства. По причине отсутствия у граждан Турции достоверной информации они были вынуждены повторно проходить процесс натурализации. Политик употребляет фразеологизм *bei Adam und Eva anfangen* в его общепринятом значении – подчеркивает повторное прохождение процедуры натурализации с самого начала, но и высказывает свое критическое отношение к этому:

> Es ist einfach nicht nachvollziehbar, dass Menschen, die schon einmal, und zwar unter Umständen vor vielen Jahren, ein Einbürgerungsverfahren erfolgreich absolviert haben, jetzt wieder bei Adam und Eva anfangen sollen, dass quasi überhaupt nicht zur Kenntnis genommen wird, dass sie über Jahre gute deutsche Staatsbürger waren (*15.06.2005*).[2]

Примечательно, что депутат Йозеф Филип Винклер в своем выступлении спустя три года практически в том же контексте снова использует этот библеизм при обсуждении в бундестаге темы натурализации иностранных граждан:

> Es ist schlicht nicht nachvollziehbar, dass Menschen, die schon einmal ein erfolgreiches Einbürgerungsverfahren durchlaufen hatten, jetzt sozusagen bei Adam und Eva anfangen sollen. Es ist integrationspolitischer Nonsens, wenn Menschen, die mit ihrer Einbürgerung gezeigt haben, dass sie in dieser Gesellschaft angekommen sind, jetzt nicht nur rechtlich wieder als Ausländer behandelt werden, sondern auch noch einen schlechteren Aufenthaltsstatus bekommen als vor der ursprünglichen Einbürgerung (*16.10.2008*).[3]

Депутат Беате Мюллер-Геммеке от партии Союз 90 / Зеленых в своем выступлении в бундестаге 14.06.2012 говорит о дискриминации женщин на рынке труда, используя этот библеизм:

> Trotzdem müssen wir in den Debatten hier im Bundestag immer und immer wieder bei Adam und Eva beginnen. Die Beharrlichkeit, das Thema auszusitzen, nervt einfach und wird diesem Thema wahrlich nicht gerecht.[4]

В ее высказывании лексическая единица *anfangen* заменена синонимичным глаголом *beginnen*, что говорит о варьировании конституентов в библеизме. Депутат с раздражением подчеркивает необходимость возвращаться к обсуждаемому вопросу с самого начала, что также усиливается эмфазой через лексический повтор *immer und immer wieder*.

Эмоционально экспрессивное выделение части выступления посредством использования этого фразеологизма зафиксировано еще в двух выступлениях депутатов бундестага:

- Хеннинга Отте от партии ХДС/ХСС 22.05.2014:

  > Man muss bei der Fraktion Die Linke offensichtlich mal wieder bei Adam und Eva anfangen.[5]

- Иоганна Заатхоффа от партии СДПГ 08.06.2018:

  > Es ist manchmal sehr mühsam, diese Diskussion jedes Mal wieder bei Adam und Eva anfangen zu müssen.[6]

В исследуемом корпусе были отмечены два практически идентичных контекста с библеизмом *bei Adam und Eva anfangen* для обозначения уже существующих вариантов решения обсуждаемых в бундестаге проблем:

Выступление депутата Марлене Мортлер от партии ХДС/ХСС 29.11.2012:

> Seien wir ehrlich: Wir fangen ja nicht bei Adam und Eva an. Unser Ziel mit diesem Antrag heute ist, Lücken und Defizite, die es dort gibt, im positiven Sinne zu korrigieren.[7]

Выступление депутата Сабины Пошманн от партии СДПГ 30.01.2020:

[1] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/14/14127.pdf
[2] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/15/15180.pdf
[3] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/16/16183.pdf
[4] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/17/17184.pdf
[5] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/18/18036.pdf
[6] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/19/19037.pdf
[7] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/17/17211.pdf

> Dabei müssen wir nicht bei Adam und Eva anfangen. Es gibt bereits Ansätze, für die wir allerdings von alten Strukturen abrücken müssen.[1]

Далее будет представлен анализ фрагментов с эпонимами *Adam* и *Eva* в других контекстах.

Государственный министр Йозеф Фишер в 1991 г. выступил с критикой атомных реакторов и в качестве примера некомпетентности работников атомного завода привел аргумент, когда они при неисправной работе реактора вместо его отключения просто открыли неисправный клапан:

> Da mache ich den Menschen erst einmal überhaupt keinen Vorwurf. Es sind der alte Adam und die alte Eva, die immer so mit Technologie umgehen (*25.04.1991*).[2]

Фразеологизм *der alte Adam* имеет значение «der Mensch unter dem Blickwinkel seiner ihm innewohnenden Schwächen, Eigenheiten oder schlechten Gewohnheiten»[3]. Йозеф Фишер обращает как раз внимание на присущие людям слабости и их склонность к совершению ошибок, политик также усиливает свое высказывание за счет словосочетания *die alte Eva*, построенного по модели *der alte Adam*, подчеркивая тем самым, что упомянутые качества присущи как мужчинам, так и женщинам.

Вариант фразеологизма *seit Adams Zeiten* в значении с давних времен (от первых людей Адама и Евы) также в контексте о человеческих качествах использует Ганс Ульрих Клозе, депутат от СДПГ, в выступлении 08.09.1993 г.:

> Okay, wenn Sie sagen, dies sei eine menschliche Eigenschaft seit Adam und Eva, bestätigen Sie mindestens, daß ich mit meiner Analyse so falsch nicht liege.[4]

В исследуемом корпусе зафиксированы два фрагмента со ссылкой на первых людей в Библии (1. Mose 1-3). Депутат от ХДС/ХСС Элизабет Винкельмайер-Бекер выступает за традиционный уклад семьи и выражает свою позицию относительно брака, который, по ее мнению, должен состоять из союза мужчины и женщины (здесь в прямом значении, без временного компонента):

> Die Kulturgeschichte der Ehe fängt für Juden, Christen und Muslime mit Adam und Eva an (*19.12.2013*).[5]

Депутат от СДПГ Рената Градистанац, выступающая за изменение статуса женщин и против половой дискриминации, цитирует письмо читательницы журнала «Schwarzwälder Boten», написанное в редакцию за 10 лет до этого. Читательница, используя сюжет создания Евы из ребра Адама (1. Mose 2,22), выражает несогласие с феминистическим движением, так как, по ее мнению, женщина изначально не может быть равна мужчине:

> Außerdem ist sie nicht gottgewollt. Man lese in der Bibel nach. Eva wurde aus einer Rippe des Adam gebildet. Wie kann sie da gleichberechtigt sein? (*02.12.2004*).[6]

Депутат Рената Градистанац выражает несогласие с данной позицией, использует данный сюжет в качестве отправной точки для своей аргументации; иными словами, ссылка на библейский сюжет не обязательно отражает взгляды самого политика. Не совсем понятно, какая у нее самой аргументация.

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ ИЗГНАНИЯ АДАМА И ЕВЫ ИЗ РАЯ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОЛИТИКОВ В БУНДЕСТАГЕ

Глава «Грехопадение» в Ветхом завете, упоминаемая в начале нашей статьи, находит свою разнообразную интерпретацию в выступлениях политиков в бундестаге.

Далее предлагается анализ фрагментов выступлений, содержащих ссылку на данный библейский сюжет.

Вольфганг Шойбле, в 2008 году – министр внутренних дел ФРГ, рассуждая о техническом прогрессе, говорит, что любой прогресс амбивалентен, он несет с собой как благо, так и проблемы, предполагает ответственность людей за свои изобретения. И в этой связи политик проводит параллель с изгнанием первых людей из рая, что в целом является нетрадиционным прочтением библейского текста:

> Natürlich ist es in der Menschheitsgeschichte – wir haben die Bibel schon viel zitiert: seit Adam und Eva und der Vertreibung aus dem Paradies – schon immer so gewesen, dass jeder Fortschritt ambivalent ist. Er ist Fluch und Segen zugleich (*04.06.2008*).[7]

Такое понимание политиком библейского сюжета, отличное от христианского толкования,

[1] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/19/19143.pdf
[2] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/12/12023.pdf
[3] DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: https://www.dwds.de/wb/Haus>, abgerufen am 05.04.2022
[4] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/12/12172.pdf
[5] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/18/18006.pdf
[6] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/15/15145.pdf
[7] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/16/16165.pdf

заставляет задуматься любого слушающего или читающего это выступление над поставленными в нем актуальными вопросами.

Депутат Габриеле Хиллер-Ом (СДПГ) в выступлении 01.03.2012 рассуждает о туризме как о прекрасной возможности познать мир, однако «разрушительные силы», которыми располагает человечество с самого начала своего существования, приводят не к знакомству с другими странами посредством туризма, а к разрушению окружающей среды и к эксплуатации людей:

> Es könnte alles so schön sein, wären da nicht die zerstörerischen Kräfte, mit denen wir uns schon vor 6 000 Jahren selbst aus dem Paradies herauskatapultiert haben.[1]

Так же как и в предыдущем фрагменте, библейская история изгнания из рая служит доказательством негативных черт людей. Фрагмент наполнен иронией и сарказмом благодаря использованию глагола *sich herauskatapultieren* (люди сами себя «выбросили» из рая).

При обсуждении вопросов труда депутаты также не обходят вниманием библейский сюжет изгнания первых людей из рая, напоминая о том, что за этим последовал тяжелый труд:

> Mit dem großen Sündenfall von Adam und Eva begann die Vertreibung aus dem Paradies. Die Einzelheiten dieser Geschichte kennen Sie; ich muss sie wohl nicht wiederholen. Ich will mir auch nicht den Zorn der Obstproduzenten zuziehen, indem ich die Rolle des Apfels in diesem Drama näher beschreibe. Fakt bleibt: Das Paradies war verloren. Adam und Eva waren fortan gezwungen, zu arbeiten, um ihren Lebensunterhalt zu bestreiten. So weit, so biblisch (*Райнер Дойчманн (СвДП). 22.04.2010*).[2]

Об амбивалентности понятия «труд» как в понимании христианских демократов, так и в Библии говорится в выступлении 17.06.2010 Маттиаса Циммера (ХДС/ХСС):

> Zunächst einmal ist der Begriff der Arbeit aus christlich-demokratischer, aus biblischer Sicht ausgesprochen ambivalent. Die Arbeit gehört zum einen zur Conditio humana, also zur Identität des Menschen schlechthin. Deswegen haben auch die Apostel und Jesus selbst gearbeitet. Arbeit ist zum anderen seit der Vertreibung aus dem Paradies auch mit Schmerzen, mit Last, mit den Tränen, die die Arbeit mit sich bringt, belastet. Das Paradies ist nicht mehr erreichbar.[3]

Необходимо отметить, что использование библейского сюжета изгнания из рая в двух последних выступлениях придает речи особую выразительность.

В следующих четырех анализируемых фрагментах актуализируется идея отождествления изгнания из рая с чем-то неприятным и болезненно воспринимаемым в различных вопросах внутренней и внешней политики.

После воссоединения Германии в 1990 году страна стала полноправным членом международного сообщества, снова берущей на себя ответственность, в отличие от послевоенного времени, хотя для кого-то новая реальность может быть болезненна, как изгнание из рая:

> Unsere Schonzeit, die Nachkriegszeit, ist seit Erreichung der Souveränität, also der Mündigkeit, vorbei. Das mag für manchen schmerzlich sein – wie die Vertreibung aus einem Paradies (*Германн Отто Зольмс* (*СвДП*). *31.01.1991*).[4]

Выход Великобритании из Евросоюза воспринимается некоторыми людьми как что-то чрезвычайное и особенно болезненное, поэтому депутат Гаральд Вайель от партии АдГ сравнивает такие настроения с изгнанием из рая, но сам эти взгляды не разделяет, как и члены АдГ – партии евроскептиков:

> Herr Präsident! Geehrte Kollegen! Liebe Zuschauer! Bei unbedarften Zeitgenossen muss der Eindruck entstehen, dass ohne EU und Übergangsgesetz ein unmittelbares Chaos ausbricht, wo doch alles so schön geregelt ist, und das Ganze einer Vertreibung aus dem Paradies gleichkommt» (*17.01.2019*).[5]

Штэфан Томэ (СвДП) докладывает об использовании цифровых технологий и о ведении аудиовизуальной записи уголовных процессов в суде, подчеркивая, что судьи воспринимают это как нечто, скорее, негативное и неприятное, и доказывает свою мысль сравнением с изгнанием из рая:

> Manche Richter empfinden das als Vertreibung aus dem Paradies. Das ist es aber nicht (*07.11.2019*).[6]

Так же, как после изгнания из рая для человечества наступили тяжелые времена, могут наступить

[1] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/17/17162.pdf
[2] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/17/17037.pdf
[3] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/17/17049.pdf
[4] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/12/12006.pdf
[5] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/19/19074.pdf
[6] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/19/19124.pdf

нежелательные последствия для страны, если не будет контроля над использованием технологий генной инженерии. К такому сравнению прибегает Ренате Кюнаст, на момент выступления министр защиты прав потребителей, продовольствия и сельского хозяйства ФРГ, выступая за принятие закона о новом контроле над генной инженерией:

> Es wäre auch, wenn später Probleme auftreten sollten – ähnlich wie nach der Vertreibung aus dem Paradies -, sehr mühsam, mit einem Tütchen gentechnik freiem Saatgut wieder von vorn anzufangen» (*11.02.2004*).[1]

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило установить, что библейские сюжеты об Адаме и Еве и об их изгнании из рая используются выступающими в бундестаге политиками как для усиления аргументации своей позиции по обсуждаемому вопросу, так и эмоциональной выразительности своей речи. Корреляция между использованием библейских сюжетов и партийной принадлежностью выступающего не была выявлена, так как анализируемые понятия и сюжеты являются общеизвестными. Однако предполагалось, что в выступлениях представителей партий, ориентированных на христианские ценности, для достижения прагматической цели убеждения и воздействия библейские сюжеты могут встречаться сравнительно часто. Было зафиксировано только одно выступление члена фракции ХДС, в котором проводится параллель межу пониманием труда христианскими демократами и его толкованием в Библии.

Эпонимы *Adam* и *Eva* зафиксированы в выступлениях немецких политиков в форме трех фразеологизмов-библеизмов: *bei Adam und Eva anfangen* (8 употреблений), *der alte Adam* (1 раз), *seit Adam* (1 раз). Два раза эпонимы используются с целью усиления аргументации по поводу феминизма и традиционного уклада семьи. Библейский сюжет изгнания из рая отмечен в выступлениях политиков в бундестаге 8 раз. Таким образом, во всех выступлениях установлены 20 употреблений анализируемых сюжетов. Принимая во внимание тот факт, что речь идет только о двух библейских сюжетах, можно предположить относительно высокую частотность употребления исследуемых сюжетов в немецком парламентском дискурсе.

Библеизм *bei Adam und Eva anfangen* используется как в своем общепринятом значении (вернуться к самому началу), так и содержит дополнительные смыслы (раздражение политиков по поводу постоянного обращения к обсуждаемым вопросам, а также невозможности обсуждения вопросов по существу и в этой связи их критическое отношение к этому).

Библейский сюжет изгнания из рая используется политиками при обсуждении самых разнообразных, актуальных для Германии вопросов, при этом акцентируются негативные стороны природы человека, человеческие слабости и недостатки, что-то болезненно воспринимаемое или трудно преодолимое и ведущее к неприятным последствиям, что отличает такую интерпретацию от различных толкований этого сюжета известными христианскими философами и теологами.

[1] URL: https://dserver.bundestag.de/btp/15/15090.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
2. Никонова Ж. В., Соловьева Е. В. Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге) // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 85–92.
3. Карпенко Е. И. О структурно-семантическом потенциале библейских эпонимов // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского. Тула, 8–11 июня 2015 года. Тула: С-Принт. 2015. С. 373–376.

REFERENCES

1. Sheygal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse: Senior Doctoral thesis in Philology. Volgograd, 2000. (In Russ.)
2. Nikonova, Z. V., Solov'eva E. V. (2019). Linguocultural Specificity of the Modern German Political Discourse (based on texts of the Bundestag Debates). Political Linguistics, 2(74), 85–92. (In Russ.)

3. Karpenko, E. I. (2015). O strukturno-semanticheskom potentsiale bibleiskikh eponimov = On the structural and semantic potential of biblical eponyms. Set phrases in the paradigms of science (pp. 373–376): Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Leonidovich Arkhangelsky. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Романова Зарина Сергеевна
аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка,
преподаватель кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Воронина Галина Борисовна
кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Romanova Zarina Sergeevna
Postgraduate Student, Department of German Lexicology and Stylistics,
Lecturer, Department of German Phonetics, Faculty of the German Language,
Moscow State Linguistic University

Voronina Galina Borisovna
PhD (Philology), Professor, Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811.11
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_116

Фонетические особенности разговорной речи немецкого языка и немецких диалектов (на примере баварского, берлинского и восточнофризского диалектов)

Г. А. Соколова[1], **Д. А. Зимарин**[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*ga.sokolova@mail.ru*
[2]*live25@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается сравнение фонетических особенностей разговорного языка и немецких диалектов: берлинского, баварского и восточнофризского для выявления общих тенденций в произношении. Диалектальное произношение основывается в большей степени на изменениях в системе консонантизма и вокализма, а разговорная речь на коартикуляционных процессах, обусловленных коммуникативной ситуацией. В рамках исследования был проведен аудитивный анализ, в результате которого были выявлены общие черты в области вокализма и консонантизма.

Ключевые слова: диалекты, разговорная речь, произношение, стиль, фонетика

Для цитирования: Соколова Г. А., Зимарин Д. А. Фонетические особенности разговорной речи немецкого языка и немецких диалектов (на примере баварского, берлинского и восточнофризского диалектов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 7 (862). С. 116–121. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_116

Original article

Phonetic Features of Colloquial Speech of the German Language and German Dialects (on the example of Bavarian, Berlin and East Frisian Dialects)

Galina A. Sokolova[1], **Dmitry A. Zimarin**[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*ga.sokolova@mail.ru*
[2]*live25@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the comparison of phonetic features of the spoken language and German dialects: Berlin, Bavarian and East Frisian to identify common trends in pronunciation. Dialectal pronunciation is based more on changes in the system of consonantism and vocalism, and colloquial speech is based on the coarticulation processes caused by the communicative situation. As part of the study, an auditory analysis was carried out, as a result of which common features in the field of vocalism and consonantism were identified.

Keywords: dialects, colloquial speech, pronunciation, style, phonetics

For citation: Sokolova G. A., Zimarin D. A. (2022). Phonetic Features of Colloquial Speech of the German Language and German Dialects (on the Example of Bavarian, Berlin and East Frisian Dialects). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 116–121. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_116

ВВЕДЕНИЕ

Немецкий язык относится к восточногерманской группе индоевропейских языков. На нем говорит около 100 миллионов человек, и он является государственным языком Германии. Как и многие другие языки, немецкий язык имеет несколько вариантов. Два самых распространенных варианта носят статус государственных языков Австрии и Швейцарии. Помимо уже перечисленных разновидностей немецкого языка существует еще около 50 различных диалектов. Они имеют фонетические, лексические и грамматические отличия и распространены на ограниченной территории. Их можно разделить на две большие группы: нижненемецкие диалекты и верхненемецкие диалекты. В свою очередь верхненемецкие диалекты можно разделить еще на две группы: средненемецкие и южнонемецкие диалекты. Наравне с диалектами постоянно развивался разговорный немецкий язык, который обладает своими фонетическими особенностями. В нашем исследовании мы рассматриваем разговорный язык как фонетический стиль речи, обладающий ослабленной артикуляцией, употребляющийся в неофициальной обстановке. Целью данной работы является сравнение фонетических особенностей разговорного языка и наиболее любимых немецких диалектов (согласно проведенному опросу немецкой газеты «BILD»[1]): берлинского, баварского и восточнофризского для выявления общих тенденций в произношении.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТОВ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Изначально диалект считался разновидностью языка, которая употребляется как средство общения между людьми, связанными между собой одной территорией[2]. В рамках этой территории диалекты продолжали развиваться самостоятельно. Процесс этого развития носил не только позитивный, но негативный характер. Некоторые из диалектов исчезли из-за того, что жители начали перемещаться в крупные города и более развитые регионы, где присутствовали другие диалекты. Еще одним фактором, который повлиял на исчезновение или уменьшение некоторых диалектов, стало распространение литературного немецкого языка. Его стали изучать в школах, использовать в СМИ и для общения в городах. Со временем некоторые диалекты также стали использовать на телевидении и радио, что приостановило процесс их исчезновения.

В отличие от диалекта понятие разговорной речи означает разновидность устной литературной речи, обслуживающей повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющей функции общения и воздействия[3]. Таким образом, диалекты и разговорная речь имеют схожие функции и схожую коммуникативную ситуацию, следовательно, могут иметь схожие фонетические особенности.

Для того чтобы четко показать сходства и различия, были выбраны 3 диалекта из разных частей Германии: баварский, берлинский и восточнофризский. Эти диалекты достаточно хорошо изучены и представлены в большинстве областей общения.

БАВАРСКИЙ ДИАЛЕКТ

Баварский относится к верхненемецким диалектам и является одним из крупнейших диалектов. Изменения которые произошли внутри этого диалекта позволяют выделить его в отдельную языковую культуру. Профессор Р. Хиндерлинг отмечает, что баварский диалект настолько отличается от литературного немецкого языка и обладает своими грамматическими, лексическими и фонетическими особенностями, что его можно рассматривать как отдельный язык [Hinderling, 1983]. С 2009 года баварский диалект находится под защитой ЮНЕСКО.

К основным особенностям баварского диалекта можно отнести следующие[4]:

1. Различают 3 вида долготы гласного [a]: долгий, средний и краткий.
2. Нет четкой границы между кратким открытым [ɛ] и долгим закрытым [e]. Большинство слов произносится со звуком [e].
3. Употребление дифтонгов, исчезнувших в литературном немецком языке и других диалектах. Например: ea – wern [weàn] = werden, oa – alloa [àlloà] = allein, ia – miad [miàd] = müde, ua –Kuah [kuà] = Kuh, au – haun [haun] = hauen,oi – Hoiz [hoiz]= Holz, ui – Bruin [bruin] = Brille, Broud [broud] = Brot.
4. Согласные p, t, k, и b, d, g сливаются перед и между гласными, например, tragen – trong [drång] или tropfen – dropfa [drobfà].
5. Употребление увулярного и переднеязычного **R**.

[1] Deutsche lieben es Bayerisch! URL: https://www.welt.de/vermischtes/article3730288/Joa-mei-der-Lieblingsdialekt-der- Deutschen.html

[2] Исторический словарь галлицизмов русского языка / Николай Иванович Епишкин. М.: ЭТС, 2010.

[3] Лингвистический энциклопедический словарь / [науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.

[4] Bairisches Wörterbuch. URL: https://www.bayrisches-woerterbuch.de/bairisch-lernen/aussprache-bayrisch/

БЕРЛИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Берлинский диалект относится к восточносредненемецким диалектам. Этот диалект был подвержен влиянию нижненемецких и верхненемецких диалектов. В отличие от баварского, берлинский диалект существует в основном в устной форме. К основным особенностям этого диалекта можно отнести следующие [Brückner, 2006]:

1. [ɛ:] и краткий [ɛ] как долгий звук [e] (Mädchen – [metçn]).
2. Редуцированный [ə] выпадает перед согласными (Schachtel – [ʃaxtl]).
3. Окончание -**en** произносится как долгий **n**.
4. В окончании -**er** звук **r** вокализуется и произносится как звук [a] (besser – [bessa]).
5. Наличие явления монофтонгизации: **au** произносится как **o** (auch – ouch), **ei** произносится как [ee] (alein – [ale:n]).
6. Сочетание согласных **ch** произносится как **sch** (ordentlich – [ɔrdentliʃ]) или как **j** (wirklich – [wirklij]).
7. **G** произносится как **j** (Liege – [li:je], genannt – [jenannt]) или как [x] (Tag – [ta:x]).
8. **B, d** и **t** выпадают перед **m** и **n** (grobem – [gro:m]; haben – [ha:m]).
9. Согласные **t** и **p** произносятся иногда как **p** (atmen – [apmn:]).
10. Согласные **g, k, ch,** и **n** произносятся как носовой [ŋ] в конце слов (sagen – [za::ŋ]).
11. Согласные **pf** произносятся как **p** или **f** (Pferd – [fert], Apfel – [appl]).
12. Согласный звук **z** может произноситься как [**s**] (zu Hause – [su h͡ause]).

ВОСТОЧНОФРИЗСКИЙ ДИАЛЕКТ

Восточнофризский диалект относится к нижненемецким диалектам. На нем говорят в Восточной Фризии, на северо-западе Германии, в Нижней Саксонии и на юго-восточном побережье Северного моря. Восточнофризский диалект характерен отсутствием черт второго передвижения согласных. В произношении можно выделить следующие особенности [Gackstatter, 2012]:

1. Произнесение переднеязычного и увулярного **R**.
2. Вокализованный [ɐ] в окончании -**er** произносится как [ə] (Acker – [ackə]).
3. **G** произносится звонко, а в конце слов может произноситься как [ç] (Zeug – [ty:ç]).
4. Носовые согласные выпадают перед щелевыми (fünf – [fif]).
5. Наличие большого количества дифтонгов и трифтонгов: ei [ɛɪ], eäi [ɛæɪ], öəi [oeəɪ], äi [æɪ], ai [aɪ], aai [a:ɪ], ui [uɪ], ooi [o:ɪ], au [aʊ], aau [a:ʊ], ou [oʊ], iə [iə], üə [yə], öə [oeə], uə [uə], aə [ɔə], eä [ɛæ] und äü [æy].
6. Звук [o] часто произносится как [u] (voll – [vull]), а звук [y] как [ø] (für – [fø:ɐ]).

Особенности произношения каждого диалекта на первый взгляд хаотичны, однако в них можно выделить несколько общих черт, например, выпадение редуцированного [ə] в конце слов, редукция конечных суффиксов -en, -em, -er, -el и -lich. Редукция затронула также безударную приставку -ge (geschlafen - [gʃlafn] (баварский диалект) или Geschenk – [ʃeŋk] (восточнофризский диалект)), и предлог zu (zu viel – [z´vui] (баварский диалект)).

Эти особенности произношения свойственны не только диалектам, но и литературному языку, а также разговорной речи, так как они обусловлены историческими и социальными условиями.

ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В немецком языке, как и в любом другом языке, можно выделить стили произношения (полный, нейтральный, разговорный). Фонетические различия стилей зависят от различной степени артикуляционной напряженности. Для разговорной речи характерно большое количество ослабленных звуковых форм, что обусловлено коммуникативными условиями. Разговорная речь или разговорный язык употребляется в неофициальной обстановке и является устной формой языка, которая обслуживает повседневное общение прежде всего носителей литературного языка[1].

Разговорная речь начала формироваться в городах, население которых состояло в большей степени из носителей различных диалектов. Постепенно ее начали выделять в отдельный стиль, в основе которого были заложены нормы литературного произношения.

Главными отличиями разговорного языка от литературного являются спонтанность и отсутствие четко сформулированного высказывания. Г. Майнхольд выделяет два вида речи: подготовленная и неподготовленная (разговорная) (прив. по: [Калашникова, Глушак, 2020]. Подготовленная речь обладает четкой артикуляцией, средними и длинными речевыми тактами и большим количеством интонационных структур с нисходящим

[1] Словарь социолингвистических терминов. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. 2006. URL: https://sociolinguistics.academic.ru/

тоном. Неподготовленная речь характеризуется сниженным артикуляционным напряжением, средними и короткими речевыми тактами, а также преобладанием интонационных структур с восходящим и ровным тоном.

Ослабленное артикуляционное напряжение усиливает редукцию и коартикуляционные процессы в речи. Под воздействием внешних факторов и коммуникативной ситуации звуки сильнее влияют друг на друга и изменяют звуковую оболочку слова ([haːbən] – [haːbm̩] - [haːːm]). В зависимости от коммуникативной ситуации можно различать несколько степеней артикуляционной напряженности. Г. Майнхольд выделяет 4 стиля произношения с разной артикуляционной напряженностью [По: Калашникова Е. А., Глушак В. М., 2020]:

1. Подготовленная речь с высокой степенью артикуляционной напряженности (торжественная речь, доклад перед большой аудиторией (речь диктора на телевидении или радио).
2. Подготовленная речь со средней степенью артикуляционной напряженности (деловая беседа, дискуссия в официальной обстановке).
3. Неподготовленная речь со средней степенью артикуляционной напряженности.
4. Неподготовленная речь с низкой степенью артикуляционной напряженности (разговорная речь, общение в непринужденной обстановке).

Последний стиль представляет для нас наибольший интерес, так как именно в нем в большей степени проявляется изменение нормы произношения. В зависимости от темпа речи звуки могут быть подвержены разной степени редукции и уподобления друг другу. В разговорной речи этому влиянию подвержены не только слоги, но и целые слова (verstehst du [fɛɐ̯ ʃteːst du] – [fɛʃteːste]), что также характерно для диалектов. Э. Кох утверждает, что в некоторых случаях сложно определить, являются ли редукция, элизия или другие коартикуляционные процессы индикаторами диалекта в разговорной речи или они были сформированы под влиянием коммуникативной ситуации [Koch, 2004].

В разговорной речи можно выделить следующие основные особенности:

1. Редкое проявление твердого приступа.
2. Краткость гласных звуков, изменение качества гласного звука, например die [diː] – [di], da [daː] – [da], zu [tsuː] – [tsu].
3. Полная ассимиляция [s] перед [ʃ], например *weiß schon* [vae̯ʃ ʃoːn], [vae̯ʃoːn].
4. Полная ассимиляция [r]: Haar [haːː], mehr [meːː].
5. Частичная или нулевая аспирация [p t k] в ударных слогах.

При подробном сравнении произносительных особенностей разговорной речи и диалектов можно выделить определенные сходства, так как употребление диалекта обусловлено схожими коммуникативными условиями. Так, например, баварский и берлинский диалекты обладают схожими чертами с разговорной речью:

1. Качественная редукция гласных.
2. Выпадение смычно-взрывных согласных [p t k b d g] в конечных слогах.
3. Ассимиляция по месту образования в конечных слогах после смычно-взрывных согласных [p t k b d g].

Диалекты изменяются и развиваются с течением времени и приобретают новые черты не только на произносительном, но и на лексико-грамматическом уровнях. Особенно сейчас с появлением цифровых технологий и процессов унификации их развитие набирает обороты. Для более точного определения схожих фонетических особенностей на данном этапе существования диалектов был проведен эксперимент, состоявший из нескольких этапов:

1. Запись необходимого аудиоматериала.
2. Проведение опроса.
3. Анализ полученных результатов.

Корпус эксперимента составили 40 аудиозаписей, сделанных носителями выбранных диалектов (10 записей на каждый диалект и разговорную речь) общей продолжительностью 207 минут. Полученные записи были проанализированы на предмет фонетических признаков диалектов и разговорной речи. Вместе с этим были выделены группы признаков:

1. Признаки, характерные для диалектов.
2. Признаки, характерные для разговорной речи.
3. Индивидуальные особенности диктора.

Все результаты были разделены на три группы (вокализм, консонантизм и другие признаки) и проверялись по 21 параметру.

Вокализм

1. Монофтонгизация.
2. Наличие трифтонгов.
3. Выпадение е в окончании -er.
4. Произнесение редуцированного [ə] вместо [ɐ] в окончании -er.
5. Произнесение краткого [ɛ] вместо долго [e].
6. Выпадение редуцированного [ə] в окончаниях.
7. Редукция краткого [ɛ].

Консонантизм

8. Произнесение [ʃ] вместо [ç].
9. Произнесение [j] вместо [g].
10. Выпадение l в середине слова.
11. Выпадение l в конце слова или слога.
12. Наличие переднеязычного [r].
13. Ослабленное произношение согласных [p], [t], [k] в середине слова.
14. Вокализация r в конечных слогах.
15. Выпадение [t] в конце служебных слов.
16. Фрикатизация звонких смычно взрывных согласных.
17. Полная ассимиляция по месту образования двугубных и альвеолярных согласных.

Другие признаки

18. Редкая реализация нового приступа.
19. Слабая аспирация.
20. Элизия окончаний -en, -em, -el после носовых, велярных смычно-взрывных и щелевых согласных.
21. Редукция служебных слов.

В процессе анализа результатов были выявлены сходства между диалектами, а также диалектов с разговорной речью. В связи с тем, что целью исследования является выявление наличия фонетических явлений присущих разговорной речи и выбранным диалектам, в таблице 1 представлены только те фонетические явления, которые встречаются и в разговорной речи, и в диалектах.

Таблица 1

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИАЛЕКТОВ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

	Берлинский диалект	Баварский диалект	Восточно фризский диалект	Разговорная речь
Вокализм				
Редукция краткого гласного ε	-	+	+	+
Консонантизм				
Выпадение согласного ***L*** в конце слова или слога	+	+	-	+
ослабление глухих смычно-взрывных согласных [p], [t], [k] в начале слова	+	-	-	+
Вокализация r в слогах перед окончанием	-	+	-	+
Фрикатизация напряженных согласных	-	+	-	+
Полная ассимиляция по месту образования двугубных и альвеолярных смычно-взрывных согласных	-	+	-	+
Другие признаки				
Элизия ***t*** в служебных частях речи	+	-	+	+
Элизия окончаний -***en***, -***em***, -***el*** после носовых, взрывных и фрикативных согласных	-	+	-	+
Редукция в служебных словах	+	+	-	+

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что разговорная речь обладает рядом схожих произносительных особенностей с выбранными диалектами. Наименьшее число совпадений наблюдается в восточнофризском диалекте, а наибольшее – в баварском диалекте. При этом редукция служебных слов наблюдается как в берлинском, так и в баварском диалектах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отличия произносительных особенностей диалектов и разговорной речи заключается в том, что диалектное произношение основывается в большей степени на изменениях в системе консонантизма и вокализма, а разговорная речь – на коартикуляционных процессах, обусловленных коммуникативной ситуацией. Однако из-за того, что диалекты изначально позиционировались как разговорный вариант немецкого языка, ограниченный определенной территорией, в них присутствуют фонетические явления, также обусловленные коммуникативной ситуацией. Следовательно, они имеют некоторые общие черты с разговорной речью.

В результате проведенного исследования были выделены 8 фонетических явлений, проявившихся в 3 выбранных диалектах, находящихся в разных частях Германии, и в разговорной речи. Наибольшее количество схожих черт наблюдается в баварском и берлинском диалектах, что может быть связано с крупным сосредоточением образовательных, культурных, туристических и молодежных центров. Признаки разговорной речи в будущем могут развиваться в данных диалектах в связи с тенденцией к унификации произношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hinderling R. Bairisch: Sprache oder Dialekt? [Buchverf.] K.-Rüdiger Harnisch. Vorträge 1982–1983. Bayreuth: S.N., 1983.
2. Brückner J. Besonderheiten der Varietät Berlinisch. Analyse der gesprochenen Sprache des Berliner Komikers Kurt Krömer, München, GRIN Verlag, 2006. URL: https://www.grin.com/document/69685
3. Gackstatter M., Niebuhr O. „Eine kontrastive phonetische analyse Niederdeutscher Langvokale." Linguistik Online, vol. 53, no. 3, Mar. 2012, S.
4. Калашникова Е. А., Глушак В. М. Phonostilistische merkmale der deutschen sportreportage // Германистика 2020: nove et nova. Материалы Третьей международной научной конференции. 2020. С. 23–24.
5. Koch E. Regionale Varietäten in Deutschland. Dresden: S.N., 2004.

REFERENCES

1. Hinderling, R. (1983). Bairisch: Sprache oder Dialekt? [Buchverf.] K.-Rüdiger Harnisch. Vorträge 1982–1983. Bayreuth: S.N.
2. Brückner, J. (2006). Besonderheiten der Varietät Berlinisch. Analyse der gesprochenen Sprache des Berliner Komikers Kurt Krömer, München, GRIN Verlag. URL: https://www.grin.com/document/69685
3. Gackstatter, M., Niebuhr, O. (2012). „Eine kontrastive phonetische analyse Niederdeutscher Langvokale." Linguistik Online, vol. 53, no. 3. S.
4. Kalashnikova, E. A., Glushak, V. M. (2020). Phonostilistische merkmale der deutschen sportreportage. Germanistika 2020: nove et nova. 3rd International Scientific Conference. Proceedings. S. 23–24.
5. Koch, E. (2004). Regionale Varietäten in Deutschland. Dresden: S.N.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соколова Галина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Зимарин Дмитрий Александрович

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokolova Galina Alexadrovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Phonetics,
Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Zimarin Dmitry Alexandrovich

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Phonetics,
Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 81.25
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_122

О выборе из вариантов соответствий при переводе православных текстов: некоторые догматические особенности (русский и английский языки)

Е. А. Ставицкая
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, eastavitskaya@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятий, как правило, не различаемых в русском языке по принципу конфессиональной принадлежности, однако в английском языке имеющих варианты соответствий, из которых переводчик может выбрать, опираясь на контекст и «конфессиональную принадлежность текста». Приводятся некоторые тематические области, в которых указанные понятия встречаются наиболее часто. Затрагиваются другие группы понятий, например, в английском языке не имеющих конфессиональных различий, но имеющие таковые в русском, а также пары понятий, которые в специальном употреблении имеют конфессиональную окраску в обоих языках.

Ключевые слова: православная конфессия, католическая конфессия, конфессиональный текст, конфессиолект, эквивалент, религиозный дискурс, теологический дискурс

Для цитирования: Ставицкая Е. А. О выборе из вариантов соответствий при переводе православных текстов: некоторые догматические особенности (русский и английский языки) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 122–126. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_122

Original article

About Choosing a Variant of the Equivalents in the Translations of Orthodox Texts: Some Dogmatic Pecularities (the Russian and the English Languages)

Ekaterina A. Stavitskaya
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, eastavitskaya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to summarizing the notions that are identical in the Russian language regardless of their confessional context, but that have equivalents in the English language, from which a translator is to choose, relying on the context and the confessional character of the text. The areas are given, where such notions appear most frequently. The author touches upon the other groups of notions, for example, the ones that have no confessional distinctions in the English language, but do have such in Russian, and the ones that have confessional distinctions in both of the languages.

Keywords: Orthodox confession, Catholic confession, a confessional text, confessionalect, equivalent, religious discourse, theological discourse

For citation: Stavitskaya, E. A. (2022). About choosing a variant of the equivalents in the translations of Orthodox texts: some dogmatic peculiarities (the Russian and the English languages). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 122–126. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_122

ВВЕДЕНИЕ

Перевод религиозных текстов в настоящее время является широко изучаемой проблемой, в рамках межкультурной коммуникации и межконфессионального диалога рассматриваются возможности перенесения понятий из языка одной культуры/религии в язык другой. Часто в современной научной литературе рассматривают сложности перевода безэквивалентных понятий, особенности передачи стиля и тональности религиозных текстов. В данной работе мы предлагаем сосредоточить внимание на паре языков русский – английский и рассмотреть проблему поиска адекватного соответствия при переводе православного конфессионального текста на английский язык, выявив при этом те группы понятий, которые чаще всего будут переводиться различно в зависимости от конфессиональной принадлежности текста.

Часто можно услышать мнение, что языком православия являются национальные языки тех государств, в которых эта христианская конфессия является государственной (Греция) или официально признанной церковью (например, Сербия, Грузия, Россия и пр.). Таким образом, например, греческий или русский язык наиболее приспособлены для передачи тонкостей православной догматики и культуры. В свою очередь, английский язык, с одной стороны, является языком общения Англиканской церкви, соответственно, служит выражению именно ее исторических, культурных и догматических особенностей. Однако, с другой стороны, в XX веке, когда процесс глобализации набрал обороты и английский язык стал средством международного общения, так или иначе происходит и взаимопроникновение культур, религий, ценностей, и взаимодействие языков, в нашем случае, русского и английского.

В XX веке необходимость перевода православных текстов, а иногда и создание православных текстов на английском языке (например, митрополитом Антонием Сурожским) было обусловлено в первую очередь историческими событиями – волнами эмиграции, деятельностью Русской Православной Церкви Заграницей и в целом необходимостью окормления многих русских православных людей за пределами Российского государства. Конечно, многие тексты были в то время переведены, а уже переведенные на тот момент претерпели редакции.

При переводе, помимо переводческих трансформаций и метода прямой подстановки, мы часто прибегаем к поиску эквивалентных соответствий из некоторого их числа. Говоря о религиозной христианской лексике, мы часто находим в словаре несколько соответствий для одного понятия, и чаще всего это обусловлено именно конфессиональными различиями. В этом случае, конечно, переводчик призван в первую очередь ориентироваться на конфессиональную принадлежность текста и выбирать соответствующий этой конфессии вариант перевода. Отметим, что в русском языке для православной и католической среды также существуют разные понятия для обозначения, скажем, некоторых таинств или праздников. Ниже, к примеру, будет сказано о таинстве миропомазания/конфирмации, которое имеет соответствующие эквиваленты в английском языке. Особый интерес представляют понятия, существующие в русском языке для обозначения понятий и православных, и католических конфессиолектов, но в английском языке передаваемые по-разному в зависимости от конфессиональной принадлежности текста и контекста вообще.

При поиске понятий мы использовали метод сплошной выборки, выделяя из Большого англо-русского словаря религиозной лексики А. А. Азарова[1] те, которые имели пометы *катол.* (католический) и *правосл.* (православный).

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ОКРАСКА РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕРМИНОВ

Конфессиолект, вслед за С. Г. Павловым, мы определяем как «подсистему в системе национального языка, обслуживающую коммуникативные потребности определенного религиозного объединения» [Павлов, 2011, с. 37]. Он отмечает, что религиозная речь является социальной разновидностью языка.

Таким образом, рассматривая указанную пару языков, можно выделить:

1) группу понятий, похожих по религиозному смыслу в целом, но отличающихся догматическими особенностями, которые и в русском, и в английском языках будут передаваться по-разному;
2) группу таких понятий, которые имеют разные варианты обозначения в русском языке, но на английском звучат одинаково;
3) группу понятий, которые на русском языке обозначаются одинаково, но на английский язык переводятся по-разному.

Более подробно мы рассмотрим третью группу понятий, поскольку при переводе православных текстов с русского языка на английский мы чаще всего сталкиваемся с такими понятиями.

Интересно, что в некоторых тематических областях так называемые «конфессионально обусловленные расхождения» будут встречаться чаще,

[1] Большой англо-русский словарь религиозной лексики, 3-е издание, стереотипное. М.: Флинта, 2019.

чем в других. Мы полагаем, что такими областями может считаться мариология, или учение и догматы, связанные с Богородицей; некоторые догматические тонкости, связанные, например, с восприятием таинств, а также понятия, используемые в практической жизни христианских общин (церковные должности, названия церковной утвари, облачения) и, как следствие, христианские праздники зачастую могут иметь различные названия в разных конфессиональных средах, поскольку за тем или иным событием, личностью может стоять немного (или существенно) иное догматическое восприятие.

К примеру, если обратиться к последним – христианским праздникам, то сразу же мы заметим и восходящие к догматическим особенностям варианты перевода. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы на английском языке в православном тексте рекомендовано переводить как the Nativity of the Most Holy Theotokos / The Nativity of the Mother of God, при этом католический вариант звучит как The Birth of Mary / The nativity of the Virgin Mary. Введение во храм Пресвятой Богородицы в православном тексте будет переведено как the Presentation in the Temple of Our Most Holy Queen, the Mother of God and Ever-Virgin Mary, в католическом – Presentation of the Virgin Mary. Это полные официальные названия. Для праздника Успения Богородицы существуют тоже два эквивалента. Но здесь даже в русском языке мы столкнемся с различиями – говоря об этом празднике в католическом контексте, мы, скорее, говорим о Вознесении или Взятии на небо Пресвятой Богородицы – Ascension of Our Lady / Assumption of Mary, в православном контексте это именно Успение, английский вариант, подходящий в этом случае – Dormition of the Mother of God. Представленные несколько примеров касаются Богородицы, матери Иисуса Христа, почитаемой в обеих конфессиях. Бросается в глаза частотность использования в православном контексте греческого заимствования – Theotokos, или более почтенного – The Mother of God, Ever-Virgin (Приснодева), в католическом более кратко – the Virgin Mary / Mary / Our Lady, однако здесь оговоримся, что пока вряд ли можно говорить о четком разграничении этих обозначений, потому что, например, так называемый католический вариант можно встретить в православных текстах, описывающих, в частности, иконографические изображения Богоматери. Но в последнем примере это разграничение терминов достаточно устойчиво, оно демонстрирует догматические особенности: а в Православии нет отдельных догматов относительно кончины Пресвятой Богородицы, она называется успением, то есть засыпанием, смертью. Ниже представим отрывок из исторического повествования о данном событии:

> Господь утешил Ее исполненными любви словами, убеждая не бояться сатанинской силы, которая уже побеждена Ею; Он с любовью призывал Ее безбоязненно прейти от земли к небу. … Чувствуя неизреченную радость при виде пресветлого лица Сына Своего и Господа, Матерь Божия, от любви к Нему преисполненная духовного восторга, предала пречистую душу Свою в руки Господа; при этом Она не ощутила никакой боли, но как бы уснула сладким сном: Тот, Кого Она зачала без нарушения девства и родила без болезни, приял и душу Ее от пречистого тела[1].

Отсюда в Православной Церкви Праздник именуется Успением.

В католической традиции, однако, этот праздник понимается несколько иначе – папа Пий XII 1 ноября 1950 г. «апостолической конституцией «Munificentissimus Deus» обнародовал новый догмат о «телесном вознесении Девы Марии» с душой и телом в небесную славу: «Immaculatam Deiparam semper Virginem Mariam, expleto terrestris vitae cursu, fuisse corpore et anima ad caelestem gloriam assumptam», который в переводе на русский язык значит, что «Непорочная Матерь Божия, Приснодева Мария, закончив путь Своей земной жизни, была взята с телом и душой в Небесную Славу». Сам же догмат оставил открытым вопрос, умерла ли Пресвятая Дева Мария, или нет [Дюмулен, 2002, с. 233]. Таким образом, неверный выбор варианта из эквивалентных соответствий может ввести читателя в заблуждение относительно догматов церкви, в данном случае, мариологических. И здесь необходимо сделать оговорку – сам раздел догматического богословия – мариология – описывается как вероучение именно Римско-Католической Церкви, таким образом, говоря о православной традиции точнее будет называть эту область описательно – вероучительные истины или догматы, касающиеся Богородицы [Кудласевич, 2016].

Далее, праздник Пятидесятницы также имеет несколько вариантов перевода: Pentecost, Trinity Sunday. Первый вариант будет необходим в православном контексте, второй – в католическом, при этом в указанных традициях разнятся и обычаи празднования Пятидесятницы или Дня Святого Духа.

Праздник Сретения Господня тоже имеет разный вариант перевода на английский язык, в зависимости от традиции, которой принадлежит текст.

[1] Праздник Успения Пресвятой Богородицы в 2022 году. Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/days/prazdnik-uspenie-presvjatoj-vladychicy-nashej-bogorodicy-i-prisnodevy-marii

Presentation of the Lord – дается в словаре религиозной лексики с пометой *кат.* (католический), православный вариант – Meeting of the Lord. Интересно, что в католической традиции этот праздник не относится к особенно торжественным (solemnitas) и является просто праздником (festum). (В католической традиции принято разделение всех дней года на торжество, праздник, память и будни (*solemnitas*, *festum*, *memoria*, *feria*), причем торжеством называются наиболее значимые праздничные дни.) В Православии же это один из Великих Двунадесятых праздников.

С другой стороны, в понимании христианских таинств также можно обнаружить различия, которые будут важны при выборе одного из возможных эквивалентов. Например, таинство соборования в католическом контексте следует перевести как *oil of the sick*, что соответствует ранее распространенному обычаю преподавать это таинство только людям тяжело болящим или находящимся при смерти. В православном контексте, скорее, мы остановимся на варианте *holy oil* [прив. по: Кирьянов, 2007]. То же касается миропомазания / конфирмации, часто и в русском употребляемых без учета конфессиональной принадлежности текста, которая, однако, должна быть все же учтена и найти свое выражение в вариантах – chrismation / confirmation соответственно. В православной церкви таинство миропомазания, как правило, следует за таинством крещения, в католической среде они разделены несколькими годами, дети в раннем возрасте получают крещение, лишь затем в более сознательном возрасте преступают к миропомазанию, как бы утверждая свое решение быть членом христианской общины. Так что суть таинства действительно усматривается в подтверждении (confirm) желания крещенного в детстве уже подросшего юноши / девушки действительно быть частью церкви. Однако здесь, если мы уточним термины, то обнаружим и в русском языке два разных понятия, описывающих это таинство в православном контексте и в католическом. Миропомазание в таком случае может использоваться в обеих конфессиях, а конфирмация характерна только для католической.

Далее можно упомянуть о более частном употреблении варианта Holy Communion для описания таинства Евхаристии в Католической или Англиканской церквях и The Holy Eucharist в Православной. Здесь, однако, мы имеем дело скорее с традицией, но не с существенными догматическими отличиями. Однако при переводе такого сочетания, как пресуществление евхаристических даров хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы (основная, наиболее таинственная часть литургии, в ходе которой священнослужителем совершается молитва, а хлеб и вино предстают в другое существо), мы заметим немаловажный догматический аспект. Остановимся на данном термине подробнее, так как он является центральным для таинства Евхаристии, да и в широком смысле – для всей жизни христиан. Считается, что здесь вариант перевода один – по Русско-английскому словарю религиозной лексики А. А. Азарова – это *transubstantiation of the Eucharistic gifts bread and wine into the body and blood of Jesus Christ*. В догматическом же богословии Восточных церквей не все так однозначно. Например, сложно было бы рассказать о становлении этого понятия, ведь в восточном богословии существовала два возможных варианта. Византийские авторы долгое время использовали термин не «пресуществление», но довольно близкий смыслу «преложение» (*греч.* μεταβολή, *букв.* ‘перемена, обмен’), встречающийся в литургии свят. Иоанна Златоуста[1]. На Западе термин «transsubstantiatio» (пресуществление), представляющий собой калькy с *греч.* μετουσίωσις, закрепился в богословской терминологии со времени IV Латеранского собора (1215). При этом пресуществление понималось в категориях философии Аристотеля, что впервые систематизировал Фома Аквинский. На православном Востоке учение о евхаристическом преложении было систематизировано Константинопольским патриархом Геннадием Схоларием (XV в.), он, помимо прочего, также опирался на труды Фомы Аквинского, соответственно, и термин «пресуществление» стал использоваться в православном контексте. Однако «в XIX–XX вв. некоторые православные богословы (А. Хомяков, проф. Н. Д. Успенский и др.) выражали сомнения относительно целесообразности употреблять термин “пресуществление”применительно к Евхаристии», он казался им «…ненужным заимствованием из католического богословия; (…) недопустимой попыткой раскрыть тайну Евхаристии и рационально объяснить то, как происходит евхаристическое преложение» [Цит. по: Давыденков, 2013]. Другие богословы считали, что данный термин не пытается ни дать рационального объяснения, ни раскрыть тайну Евхаристии. Так что сейчас и *преложение*, и *пресуществление* употребимы в православном контексте, однако объяснить тонкости богословских споров в данном случае на английском языке, вероятно, будет нелегко.

Церковная утварь, облачения священства, названия церковных должностей также, конечно, несут на себе отпечаток той среды, в которой сложилась традиция их употребления. Здесь часто мы встретим понятия, переводимые эквивалентно: священник, иподиакон, викарий и т. п., однако у каждой

[1] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/

конфессии будут свои особенности восприятия этих понятий, на практике – разные функции и положение в церковной иерархии. И, вероятно, при переводе стоит это указывать в комментарии во избежание неверного понимания текста. Также интересно, например, понятие «церковный (литургический) год», оно, как кажется, переводится эквивалентно на английский язык «the Christian (ecclesiastical, church, liturgical) year»[1], однако временные отрезки в данном случае в православной и католической конфессии имеются в виду разные. В православной традиции церковный год начинается в сентябре, заканчивается в августе, в католической же традиции церковный год начинается с первого воскресенья Адвента.

[1] Азаров А. А. Русско-английский словарь религиозной лексики. М: РУССО, 2002.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На приведенных примерах видно, что несмотря на единый корень, единую основу католичества и православия, понятия несут разное наполнение и традиции, сложившиеся после разделения церквей, накладывают отпечаток в первую очередь на лексический состав конфессиолектов.

Таким образом, подчеркивая при переводе и конфессиональную принадлежность текста, и догматические особенности, отражаемые тем или иным вариантом перевода, мы добьемся большей его точности и адекватности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павлов С. Г. Семантика языковых единиц. Внешняя лингвистика. Н. Новгород: НГПУ, 2011.
2. Христианское вероучение: Догмат. тексты учительства церкви III–XX вв. / [Отв. ред. о. Пьер Дюмулен; Пер. с фр. Наталия Соколова, Юлия Куркина]. СПб.: Изд-во св. Петра, 2002.
3. Кирьянов Дмитрий, свящ. Таинство «Помазания Больных» в Римо-Католической церкви: история и современность // Богослов.RU : Научный богословский портал. URL: https://bogoslov.ru/article/255961
4. Кудласевич Н. Католический догмат о телесном вознесении Девы Марии и православное учение об Успении Пресвятой Богородицы. Богослов.RU : Научный богословский портал. URL: https://bogoslov.ru/article/5031133#_ftn
5. Давыденков О. протоиерей. Догматическое богословие. Православный портал «Азбука веры» URL: https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/

REFERENCES

1. Pavlov, S. G. (2011). Semantika yazikovih edinits. Vneshnyaya lingvistika = The semantics of language units. External linguistics. Nizhniy Novgorod NGPU. (In Russ.)
2. Dumulen, P. (Ed.). (2002). Christianskoe veroucheniye: Dogmaticheskiye teksti uchitelstva cerkvi III–XX vv. = Christian teaching: Dogmatic texts in the teaching of the Church of III–XX centuries, transl. from French by N. Sokolova, J. Kurkina. St. Petersburg: Izdatelstvo svyatogo Petra. (In Russ.)
4. Kirianov, Dmitriy, priest. Tainstvo "Pomazaniya Bolnih" v Rimo-katolicheskoy cerkvi: istoriya I sovremennost = The sacrament of "Holy oil for the sick" in the Roman-Catholic Church: history and modernity. https://bogoslov.ru/article/255961 (In Russ.).
5. Kudlasevic, N. Katolicheskiy dogmat o telesnom voznesenii Devi Marii I pravoslavnoe ucheniye ob Uspenii Presvyatoy Bogorodici = The Catholic dogma of the ascention of the Virgin Mary bodily and the Orthodox teaching of the Dormition of the Blessed Mother of God. https://bogoslov.ru/article/5031133#_ftn
6. Davidenkov, O. protopriest Dogmatic theology. https://azbyka.ru/otechnik/Oleg_Davydenkov/dogmaticheskoe-bogoslovie/

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ставицкая Екатерина Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stavitskaya Ekaterina Alexandrovna

PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department of Grammar and History of German, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_127

Концепт «Здоровое питание» в валеологическом гастрономическом дискурсе

Т. Е. Финк
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
t-fink@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию ключевого концепта валеологического гастрономического дискурса – «Здоровое питание». Автор статьи предлагает определение понятия «валеологический гастрономический дискурс», концепта «Здоровое питание» как основного концепта данного дискурса, а также способы и средства его реализации. В статье используется полевой подход при рассмотрении строения концепта «Здоровое питание» и его микроконцептов «Пища / Еда» и «Польза» (для здоровья).

Ключевые слова: дискурс, концепт, гастрономический дискурс, концепт «Еда», «Пища», валеологический дискурс, концепт «Здоровое питание»

Для цитирования: Финк Т. Е. Концепт «Здоровое питание» в валеологическом гастрономическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 7 (862). С. 127–134. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_127

Original article

The Concept “Healthy Food” in the Valeological Gastronomic Discourse

Tatyana E. Fink
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
t-fink@mail.ru

Abstract. This article is about the key concept “Healthy Food” in valeological gastronomic discourse. The author gives definition of the valeological gastronomic discourse, describes “Healthy Food” concept as the main concept of this discourse and lays out ways and means of its implementation. The field approach is used for studying structure of the “Healthy Food” concept and its “Food” and “(Health) Benefit” microconcepts.

Keywords: discourse, concept, gastronomic discourse, concept “Food”, valeological discourse, concept “Healthy Food”

For citation: Fink T. E. The concept of “Healthy Food” in the valeological gastronomic discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 127–134. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_127

ВВЕДЕНИЕ

Валеологический дискурс – это дискурс о здоровом образе жизни, важнейшим подвидом которого является гастрономический дискурс. Валеологический гастрономический дискурс – это сложное коммуникативное явление, представляющее собой совокупность текстов, опубликованных в неспециализированных журналах о здоровом образе жизни, которые отражают потребности общества в здоровом питании и профилактике болезней.

Предметной областью валеологического гастрономического дискурса является здоровое питание. Главными целями данного дискурса являются информирование адресатов о важности полезного питания, а также предостережение их от болезней, которые вызывает неправильное питание.

Валеологический гастрономический дискурс пересекается с гастрономическим дискурсом, так как у них одна предметная сфера – еда. Главное отличие заключается в том, что адресаты гастрономического дискурса рассматривают еду как способ удовлетворения биологических потребностей, а адресаты валеологического гастрономического дискурса – как способ сохранения и укрепления здоровья.

В валеологическом гастрономическом дискурсе ключевым концептом является концепт «Здоровое питание». Под концептом мы понимаем вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2009, с. 34].

Концепт «Здоровое питание» находится на пересечении двух концептов: «Здоровье» и «Питание». Концепт «Здоровое питание» до сих пор не становился предметом лингвистического анализа, хотя близкий ему по содержанию концепт «Еда» изучался многими учеными в контексте гастрономического дискурса. Ученые анализировали его с точки зрения лингвокультурологии, лингвосемиотики и когнитивистики [Головницкая, 2007; Савельева, 2006; Марушкина, 2014; Гулова, 2013; Анисимова, 2018; Земскова, 2009; Бараташвили, 2012; Ермакова, 2011; Захаров, 2008; Пахомова, 2013].

Данное исследование посвящено исследованию концепта «Здоровое питание».

Материалом для исследования послужили статьи по теме здорового питания, опубликованные в журналах «Women's Health», «Vital», «Stern gesund leben», «Geo Wissen Ernährung», «Hörzu Gesundheit», «LandGenuss», «Essen@Trinken» за 2014–2021 годы.

Методами исследования являются дискурсивный анализ, метод концептуального анализа, описательный метод, гипотетико-дедуктивный метод, сравнительно-сопоставительный метод.

СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ»

При определении концепта «Здоровое питание» представляется важным обратиться к словарным дефинициям понятий «здоровый» и «питание» в русских и немецких словарях для составления более полной картины сущности данного концепта. Слово «здоровый» является производным от слова «Здоровье». Обратимся к определению понятия «здоровый» в словарях:

Малый академический словарь А. П. Евгеньевой (МАС) [Евгеньева, 1999]:

> **ЗДОРОВЫЙ** 1. Обладающий здоровьем. 2. Полезный для здоровья.

«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов, 1998]:

> **ЗДОРОВЫЙ** 1. Обладающий здоровьем, не больной. 3. Полезный для здоровья.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1994]:

> **ЗДОРОВЫЙ** 1. Обладающий здоровьем, не больной. 2. Полезный для здоровья.

«Deutsches Universal-Wörterbuch» издательства Duden [DUDEN, 2021]:

> **GESUND** 1. a) keine Störung im körperlichen, psychischen u. geistigen Wohlbefinden aufweisend; durch Krankheit nicht beeinträchtigt, keine Schäden durch Krankheit aufweisend b) 2. die Gesundheit fördernd, ihr zuträglich.

Немецкий электронный словарь DWDS («Digitales Wörterbuch der deutsche Sprache») [DWDS, 2021]:

GESUND 1. a) frei von Krankheiten, in körperlichem und geistigem Wohlbefinden. 2. der Gesundheit dienend, die Gesundheit fördernd.

«Deutsch als Fremdsprache» издательства Langenscheidt [Langenscheidt, 1999]:

GESUND 1. frei von Krankheit. 3. von Gesund zeugend. 4. mit einer positiven Wirkung für die Gesundheit (die Ernährung, eine Lebensweise; gesund leben).

Сопоставление дефиниций в русских и немецких словарях показало, что основным компонентом в значении лексемы «здоровый» являются «обладание здоровьем», «польза для здоровья».

Обратимся к русским и немецким словарям для выявления значений слова «питание». Малый академический словарь под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) определяет «питание» через глаголы «питать» и «питаться» [Евгеньева, 1999]:

Пита́ние 1. Питать и питаться 2. То, что составляет пищу, еду кого-л. 3. Энергия, материал и т. п., необходимые для нормального действия, функционирования чего-л.

Пита́ть 1. Давать кому-л. пищу; кормить. 2. Снабжать чем-л. необходимым, служить необходимым источником для нормального действия, функционирования.

Питаться 1. Употреблять что-л. в пищу. 2. Получать откуда-л. что-л. необходимое для нормального действия, функционирования.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова приводится следующее определение [Кузнецов, 1998]:

ПИТАНИЕ 1. Питать, питаться. 2. пища, еда. 3. Энергия, материал и т. п., необходимые для нормального действия, функционирования чего-л.

ПИТАТЬ 1. Давать пищу, кормить. 2. Обеспечивать поступление питательных веществ.

ПИТАТЬСЯ 1. Употреблять что-л. в пищу. 2. Получать пищу где-л. 3. Получать, усваивать вещества».

«Толковый словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой также определяет «питание» через глаголы «питать» и «питаться» [Ожегов, Шведова, 1994]:

ПИТАНИЕ 1. Питать, -ся. 2. Пища, характер и качество пищи. 3. Организация снабжения пищей. 4. Энергия, топливо, необходимые для функционирования чего-н. (*спец.*).

ПИТАТЬ 1. Обеспечивать кого-н. пищей. 2. Доставлять что-н. необходимое, снабжать;

ПИТАТЬСЯ 1. Получать и усваивать вещества, необходимые для существования.

В немецком словаре «Deutsches Universal-Wörterbuch» издательства Duden есть следующее определение [DUDEN, 2021]:

ESSEN 1. a) (o. Pl.) Einnahme der [Mittags-, Abend] mahlzeit. 2. zur Mahlzeit zubereitete Speise.

Немецкий электронный словарь DWDS (Digitales Wörterbuch der deutsche Sprache) предлагает следующее определение [DWDS, 2021]:

ESSEN: 1. die für eine Mahlzeit zubereiteten Speisen. 2. Mahlzeit.

Немецкий словарь «Deutsch als Fremdsprache» издательства Langenscheidt дает следующее определение [Langenscheidt, 1999]:

ESSEN 1. der Vorgang, bei dem man Nahrung zu sich nimmt 2. ein Gericht, das man am Mittag oder am Abend zu sich nimmt.

На основе сопоставления словарных дефиниций значения слова «питание» в русских и немецких словарях можно обозначить семантическое поле концепта «Питание»: пища / еда, обеспечение, снабжение.

Проанализировав словарные дефиниции слов «питание» и «здоровый», можно прийти к следующему определению сущности концепта «Здоровое питание»: *это ментальная структура, в которой отражена и зафиксирована часть знаний, представлений и культурного опыта социума и индивида в целом об употреблении и усвоении полезной пищи, которая способствует поддержанию здоровья.*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ» В ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОМ ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Концепт «Здоровое питание» состоит из микроконцептов «Пища / Еда» и «Польза» (для здоровья).

Каждый из микроконцептов имеет свои микрополя: ядро и периферию.

Ядро микроконцепта «Пища / Еда» реализуется при помощи следующих лексических единиц.

1. Названий продуктов питания:

а) Названий продуктов, которые традиционно воспринимаются обществом как полезные. Это названия диетических продуктов, фруктов, овощей, орехов и семян. Например, *Hühnerfleisch, Chiasamen, Paranüsse, Mango, Zucchini* и т. д.

б) Названий трав и приправ, которые ассоциируются с пользой для организма и делают полезные продукты вкусными. Например, *Majoran, Thymian und Rosmarin, Oregano, Minze, Lavendel, Beifuß, Kamille, Waldmeister, Zitronenverbene, Dill, Petersilie, Basilikum, Zitronenmelisse, Schnittlauch;*

в) Иностранной лексики из двух подгрупп:

- Названий особо полезных продуктов, так называемых суперфудов, которые стимулируют иммунитет, повышают устойчивость организма против вирусов и бактерий, помогают противостоять болезням. Например, *heimische Superfoods* («Местные суперфуды») – собирательное название местных продуктов питания. Считается, что продукты, выращенные и произведенные на родине, обладают большим количеством полезных веществ и элементов, так как они не подвергаются длительным транспортировкам и сохраняют пользу. Большую роль играет также генетическая предрасположенность человека усваивать ту или иную пищу. Так, одним популярным суперфудом, оказывающим положительное влияние, является овсянка – *Overnight-Oats*. Продукты, стимулирующие устойчивость нашего организма против вирусов и бактерий, называются собирательным словом *Immun-Booster*.

- Названий различных диет и типов питания. Так, по мнению нутрициологов[1], положительное влияние на здоровье оказывает диета с ограниченным потреблением углеводов (*Low Carb*) и диета с малым количеством жиров (*Low Fat*). Поклонники диеты *FdH-Diät*, которая расшифровывается как «съешь половину» (*Friss die Hälfte*), считают, что здоровое питание предполагает половину порции, а все остальное уходит в жир. Некоторым нравится «чистое» питание (*Clean Eating*), когда люди строго следят за тем, что они едят и избегают вредных продуктов. А когда им хочется «вредного», то устраивают себе *Cheat day* (День обманщика), или *Cheat-Kalorien* (Обманчивые калории), и едят все, что хотят, не считая калории.

2. Синонимы к названиям продуктов питания или к определениям людей, которые имеют предпочтения к тем или иным продуктам. Например, бразильские орехи (*Paranüsse*) называют «героем» иммунитета (*die Immunhelden*). Здесь говорится о важности и пользе бразильского ореха для здоровья. Сладкое (*Süßigkeiten*) называют пищей во время хандры и радости (*das Frust- und Fröhlichkeitsfuttern*), тем самым подчеркивая, что это не желание нашего организма съесть вредное, а спонтанный эмоциональный порыв. Подобным образом свеклу (rote Bete) называют «утешением» для души (*Seelentröster*), а шоколад – пищей для души для сластен (*Seelensfutter für Naschkatzen*). Считающиеся «вредными» продукты, а это паста, белый хлеб и другие мучные изделия, называют «губителями фигуры» (*Figur-Ruinierer*). Шарики из полезных продуктов, приготовленные для перекусов (*die Kugeln*), называют перекусом перед тренировкой (*Pre-Workout-Snack*). Человека, который заедает эмоции, называют *Gefühlsesser*, а веганов – любителями травы (*Pflanzenköstler*).

3. Лексические единицы из семантического поля «Еда» + &Co. «&Co» используется в разговорной речи в значении «и другие». Это английская аббревиатура, которая активно используется и в немецком языке. «&Co» расшифровывается в английском языке «and Company», дословно «и компания». В валеологическом гастрономическом дискурсе широко распространена схема: название продуктов + &Co. Например:

Beeren&Co означает ягоды и подобные продукты
Pizza&Co – пицца и подобные продукты
Steak&Co – стейк и подобные продукты
Zucker&Co – пицца и подобные продукты
Cashewkerne&Co – кешью и подобные продукты

Периферию микроконцепта «Еда / Пища» актуализируют следующие лексические единицы:

1. Прецедентные имена, связанные с едой, например:

[1] Нутрициолог – это эксперт по правильному питанию.

Пифагор и Леонардо да Винчи в контексте упоминания известных вегетарианцев – «*Pythagoras und Leonardo da Vinci waren berühmte Vegetarier*» или, например, известное в США движение за чистое питание – «*das Motto der Clean Eater in den USA*».

2. Лексические единицы, помогающие воспроизвести вкус, запах и цвет еды, а также звуки и ощущения во время приема пищи:

2.1. ***Густальные презентемы***

а) глаголы вкуса *schmecken,* например: *Wie schmecken die Eier eigentlich? Britta Flegel muss lachen: «Verführerisch!»; Es schmeckte einfach himmlisch; erdig-beerig bis bitter-schokoladig und insgesamt eher mäßig schmecken;* глагол *spüren*, например, *Die ersten Kontaktpunkte, die Lippen, spüren mit ihren Druck-, Temperatur- und Schmerzrezeptoren, ob das fremde Objekt überhaupt in den Mund darf;*

б) лексические единицы с *herb* в составе: *herbsüß, herb-nussig, herb-säurlich, herb süßsäuerlich, süß-herb;*

в) густальные дескриптивы: прилагательные и причастия, выражающие вкус, запах или цвет продукта: *kross, zart, lecker, cremig, knusprig, saftig, knackig, glibberig, schwammig* и т. д., например:

krosse Krusten; zarter Schmelz; richtig Leckeres; reizvolles Mundgefühl erleben; cremig Weiches und gleichzeitig Knuspriges zerkauen; Sie haben in ein saftiges Steak gebissen. Oder war es ein knackiges heißes Würstchen, das beim Reinbeißen nur so spritzt; glibberige Eier; schwammiges Tofu; die aromatisch-süße Sorte; der säuerlich-erfrischende Geschmack; saftig-süßes Fruchtfleisch; rötlich-orange-farben Färbung; stark duftende Sorte; nussig schmeckender Tellicherry-Pfeffer; fruchtig aromatische Sorte; Aromatisch-säuerlich, malzig, nussig – beim Backen bilden sich mehr als 300 Aromastoffe; die weiche, feinsporige Krume; die dunkle, rösche Kruste – und der betörende Duft;

2.2. ***Сцентальные презентемы***. Это глагол *riechen*, например: *Ein gutes Ei riecht nach Ei und nicht nach Stall*; *In dem grauen Brei müsste sich vergrößern, und er müsste anfangen, angenehm säuerlich zu riechen*; словосочетание *Aroma entfalten*, например, *Denn erst nach einer Woche sachgemäßer Lagerung entfaltet es sein volles Aroma*; глагол *duften*, например, *Äpfel duften nach Heimat*;

2.3. ***Тактильные презентемы***. Глаголы, которые помогают почувствовать не только вкус и запах продукта, но и ощутить его на физиологическом уровне. Это глаголы «осязания», например, *knacken, knirschen, zischen, bröckeln, blubbern, piken, fließen*, *schmerzen, schmelzen, mampfen, schürfen* и т. д., например:

Manchmal schmerzt es, etwa wenn das scharfe Capsaicin aus der Chilischote auf Schmerzrezeptoren trifft; Schokolade schmilzt zart im Mund; Sie mögen das Prickeln, Knirschen, Piksen und Fließen im Mund; Brühe schlürfen; Butterbrote mampfen;

3. Глаголы приготовления, например: жарить – *rösten*, тушить – *köcheln*, очищать – *garen*, резать – *schneiden*, делать пюре – *pürieren*, мыть – *waschen*, дать стечь воде – *abtropfen lassen*, замочить – *einweichen*, слить – *weggießen*, варить – *kochen*, снимать (пену) – *abschöpfen*, украшать – *garnieren*, сервировать – *servieren*, жарить – *braten*, измельчать – *zerkleinen*, посыпать – *bestreuen*, нагреть – *erhitzen*, взбалтывать – *schütteln*, охладить – *abkühlen lassen*, перемешать – *durchmischen*, мелко нарезать – *hacken*, перемешать – *vermengen, umrühren*, приправить – *würzen*, посыпать – *streuen*, сбрызнуть – *beträufeln*, печь – *backen* и т. д.

4. Иностранная лексика, а именно названия кухонной утвари, служащей для приготовления полезных продуктов.

Здоровое питание предполагает приготовление пищи на кухне с помощью кухонных приборов – *Esstisch-Equipment*, современного оборудования, которое нужно своевременно обновлять – *Hardware-upgraden*. Хозяйка должна не просто купить современную технику и знать рецепты полезных блюд, но и уметь ими пользоваться – *фр.* mise en place.

Микроконцепт «Польза» (для здоровья) также имеет свое ядро и периферию. Данный микроконцепт реализуется с помощью лексических единиц, обозначающих пользу. Его ядро актуализируют следующие языковые единицы:

1. Лексические единицы, содержащие семы «польза», «улучшение», «защита организма» (от вредных воздействий), например: глагол *schützen – Walnüsse schützen die Gesundheit des Herz-Kreislauf-Systems;* глагол *unterstützen,* например, *die Hirnfunktionen unterstützen;* глагол *verbessern,* например, *Sondern verbessert auch noch das Hautbild;* глагол *fördern,* например, *die Gesundheit des Herzens fördern;* глагол *stärken*, например, *das Immunsystem stärken;* глагол *vorbeugen*, например, *Polyphenole beugen Herz-Kreislauf-Erkrankungen vor;* словосочетание *hilfreich sein*, например, *im Kampf gegen Lungenkrebs hilfreich sein*;

2. Сложные слова и словосочетания, имеющие в своем составе компоненты *Blut, hemmend, schützend* и др., например:

blutbildendes Essen; blutdruckendes Kalium; die zellschützenden Pflanzenfarbstoff Anthocyan; reichlich entzündungshemmende Omega-3-Fettsäuren;

Периферию микроконцепта «Польза» (для здоровья) составляют глаголы и словосочетания, приобретающие сему «польза» в определенных контекстах. Средствами реализации данного слоя являются:

1. Глаголы и словосочетания со значением «доставлять что-либо». Это такие глаголы, как *liefern,* например, *Die sauren Beeren liefern eine Extraportion Vitamin C für Abwehrkräfte;* глагол *versorgen*, например, *Die blauen Früchte versorgen unseren Körper vor allem mit nervenstärkenden B-Vitaminen und sättigenden Pektinen;*

2. Глаголы и словосочетания со значением «наполнять что-либо чем-либо». Здесь речь идет о пользе для организма в виде восполнения уровня витаминов, минералов, микроэлементов**.** Такие как глагол *enthalten*, например, *Die kleinen herbhüßen Vitaminenbomben enthalten jede Menge Vitamin C und verdauungsfördernden Ballaststoff;* глагол *auffüllen,* например, *Dieser frische Saft füllt den Vitamin-C-Speicher auf;* словосочетание *an Dat. reich sein*, например, *Hanfpulver und Leinsamen sind reich an Omega-3-Fettsäuren;*

3. Глаголы и словосочетания со значением «оказывать влияние» (положительное). Глагол *wirken*, например, *antibakteriell wirken;* глагол *sich wirken*, например, *Die Aminosäure wirkt sich positiv auf den Serotoninspiegel;*

4. Глаголы и словосочетания со значением «уменьшать что-либо», «убирать что-либо» применительно к вредным веществам, процессам. Здесь обычно идет речь о снижении уровня холестерина, кровяного давления. Например, глагол *beseitigen – Potenzprobleme beseitigen;* глагол *bekämpfen*, например, *Das bekämpft freie Radikale im Körper;* глагол *entgiften*, например, *Diese Vitaminbomben entgiften;* глагол *senken*, например, *Cholesterinspiegel senken, das Risiko senken;* глагол *reduzieren*, например, *Die Superbeere reduziert den Blutzucker und Cholesterinwert;*

5. Глаголы и словосочетания со значением «подавлять аппетит». К этой группе относятся глагол *sättigen,* например, *Die Kugeln sättigen;* словосочетание *satt machen*, например, *Sie enthalten viele Ballaststoffe, die satt machen;* словосочетание *die Sättigungsgefühl erhöhen;*

6. Глаголы и словосочетания со значением «стимулировать что-либо», «пробуждать что-либо». Это такие глаголы, как *puschen*, например, *Das Epicatechin kann die Energie nach oben puschen;* словосочетание *einen Energiekick bekommen*, например, *Man bekommt den perfekten Energiekick;* словосочетание *einen Energieschub bekommen*, например, *Das gibt dem Immunsystem einen Energieschub;* словосочетание *wach machen*, например, *Japanische Sorten machen genauso wach;*

Микрополя микроконцепта «Пища / Еда» взаимодействуют и пересекаются с микрополями микроконцепта «Польза». Ядро концепта «Здоровое питание» представляет собой соединение ядер микроконцептов «Пища / Еда» и «Польза», а периферия – объединение периферий концептов «Еда / Пища» и «Польза». Графически данный концепт может быть представлен следующим образом:

КОНЦЕПТ «ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепт «Здоровое питание», определяющий содержание валеологического гастрономического дискурса, имеет сложную структуру, которая включает в себя микрополя концептов «Пища/Еда» и «Польза» (для здоровья), пересекающиеся и образующие ядро и периферию концепта «Здоровое питание». Ядро и периферия данного концепта выражаются эксплицитно и имплицитно определенными лексическими средствами. Проведенное исследование представляет интерес для когнитологии, дискурсологии и лингвокультурологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007.
2. Головницкая Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
3. Савельева О. Г. Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
4. Марушкина Н. С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур: дис. … канд. культурологии. Иваново, 2014.
5. Гулова З. А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: дис. … канд. филол. наук. Душанбе, 2013.
6. Анисимова Е. Е. Концепты «Вера» и «Еда» в православном кулинарном дискурсе // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. 2018. С. 834–845.
7. Земскова А. Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
8. Бараташвили Э. Э. Лингвосемиотика глюттонической коммуникации: на материале тюркоязычного гастрономического дискурса: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
9. Ермакова Л. Р. Глюттонические прагматонимы и национальный характер: на материале русской и английской лингвокультур: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2011.
10. Захаров С. В. Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глюттонии: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
11. Пахомова И. В. Метафорическое представление концепта «Еда / Пища» в английской языковой картине мира новоанглийского периода: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2013.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
13. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
14. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994.
15. DUDEN-online: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 29.10.2021).
16. DWDS-online: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 29.10.2021).
17. Langenscheidt Deutsch als Fremdsprache / hrsg. vom Langenscheidt bei PONS. 1999.

REFERENCES

1. Popova, Z. D., Sternin I. A. (2007). Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe izdanie = Cognitive linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.)
2. Golovnitskaya, N. P. (2007). Lingvokul'turnye kharakteristiki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa = Linguistic and cultural characteristics of the German gastronomic discourse: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
3. Savel'eva, O. G. (2006). Kontzept «Eda» kak fragment yazykovoj kartiny mira: leksiko-semanticheskij i kognitivno-pragmaticheskij aspekty: na materiale russkogo i anglijskogo yazykov = Food Concept as part of the linguistic view of the world, its lexical-semantic and cognitive-pragmatic aspects: based on the Russian and English languages: PhD in Philology. Krasnodar. (In Russ.)

4. Marushkina, N. S. (2014). Kontzept «Eda» v kontekste dialoga kul'tur = Food Concept in the cultural context: PhD in Philology. Ivanovo. (In Russ.)
5. Gulova, Z. A. (2013). Kontsept «Eda» v russkom i pol'skom yazykakh = Food Concept in the Russian and Polish languages: PhD in Philology. Dushanbe. (In Russ.)
6. Anisimova, E. E. (2018). Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh = Faith and Food Concepts in Orthodox culinary discourse. Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures (pp. 834–845). (In Russ.)
7. Zemskova, A. Yu. (2009). Lingvosemioticheskie kharakteristiki angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa = Linguosemiotic characteristics of the English gastronomic discourse: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
8. Baratashvili, E. E. (2012). Lingvosemiotika glyuttonicheskoj kommunikatsii: na materiale tyurkoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa = Linguosemiotics of gluttonic communication: based on the Turkish gastronomic discourse: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Ermakova, L. R. (2011). Glyuttonicheskie pragmatonimy i natsional'nyj kharakter: na materiale russkoj i anglijskoj lingvokul'tur = Gluttonic pragmatonyms and national character: based on the Russian and English linguistic traditions: PhD in Philology. Belgorod. (In Russ.)
10. Zakharov, S. V. (2008). Lingvosemiotika anglosaksonskoj institutsional'noj glyuttonii = Linguosemiotics of Anglo-Saxon institutional gluttonia: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
11. Pakhomova, I. V. (2013). Metaforicheskoe predstavlenie kontsepta «Eda / Pishha» v anglijskoj yazykovoj kartine mira novoanglijskogo perioda = Metaphorical representation of the Food concept in the English language view of the world during the New England period: PhD in Philolgy. St. Peterburg. (In Russ.)
12. Evgen'eva, A. P. (1999). Slovar' russkogo yazyka = Russian Language Dictionary. Moscow: Russkij yazyk ; Poligrafresursy. (In Russ.)
13. Kuznetcov, S. A. (1998). Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Big Russian Language Lexicon. St. Petersburg: Norint. (In Russ.)
14. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (1994). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka = Russian Language Lexicon. Moscow: Az. (In Russ.)
15. DUDEN-online: Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. https://www.duden.de/ (date of the request as of October 29, 2021).
16. DWDS-online: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. https://www.dwds.de/ (date of the request as of October 29, 2021. 29.10.2021).
17. Langenscheidt bei PONS (Hrsg.). (1999). Langenscheidt Deutsch als Fremdsprache.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Финк Татьяна Евгеньевна
соискатель ученой степени на кафедре грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fink Tatyana Evgenievna
External PhD student, Department of Grammar and History of the German language,
Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 821.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_135

Деконструкция концепта «американской мечты» в одноактной пьесе Теннесси Уильямса «The Demolition Downtown»

С. И. Мирабо
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alekbezrukova@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются способы деконструкции концепта «американской мечты» в пьесе Т. Уильямса «The Demolition Downtown». Автор рассматривает текст на референциальном, синтаксическом и синтагматическом, композиционном уровнях и на уровне хронотопа, выделяет основные черты, иллюстрирующие концепт, и анализирует использование их в качестве деконструкции основополагающих принципов концепта. В заключение делается вывод о выборе Теннесси Уильямсом жанра одноактной драмы: жанр, относящийся по форме к малым, становится дополнительным элементом деконструкции концепта «американской мечты».

Ключевые слова: американская мечта, деконструкция, жанр, одноактная драма, Теннесси Уильямс

Для цитирования: Мирабо С. И. Деконструкция концепта «американской мечты» в одноактной пьесе Теннесси Уильямса «The Demolition Downtown» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 135–140. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_135

Original article

Deconstruction of the “American Dream” Concept in the One-act Play “The Demolition Downtown” by Tennessee Williams

Sandra I. Mirabo
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alekbezrukova@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to analyzing the ways of deconstructing the concept of the “American Dream” in Tennessee Williams’ one-act play “The Demolition Downtown”. The author examines the text on several levels: referential, syntactical and syntagmatic, compositional and chronotopic. The main characteristics representing the concept and there influence on the deconstruction of its main principles are outlined on each level. The author concludes with the reason for Tennessee Williams to decide on the genre of a one-act play: the genre being a short form is an additional element of deconstruction of the concept.

Keywords: the American Dream, deconstruction, genre, one-act play, Tennessee Williams

For citation: Mirabo, S. I. (2022). Deconstruction of the “American Dream” concept in the one-act play “The Demolition Downtown” by Tennessee Williams. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 7(862), 135–140. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_135

ВВЕДЕНИЕ

В первую очередь определим, что мы подразумеваем под «американской мечтой». Впервые этот термин появился в работе Дж. Т. Адамса «The Epic of America» в 1931 году: «...the American dream, that dream of a land in which life should be better and richer and fuller for every man, with opportunity for each according to his ability or achievement» [Adams, 1931, p. 404]. Там же автор уточняет: «It is not a dream of motor cars and high wages merely, but a dream of social order in which each man and each woman shall be able to attain to the fullest stature of which they are innately capable, and be recognized by others for what they are, regardless of the fortuitous circumstances of birth or position» [Adams, 1931, p. 404].

Со времен Адамса концепт приобрел больше материальных черт. «Любой уважающий себя американец» должен иметь «свой бизнес, автомобиль, любящую жену, детей, двухэтажный дом в окрестностях города. Ну и, конечно, как же обойтись без всеми любимой демократии и религиозного плюрализма?» [Ильинский, Сметанников, Хван, 2017, с. 135].

Основными чертами концепта «американской мечты», таким образом, являются:

1) материальное благополучие;
2) социальное признание;
3) свобода (духовная и социальная);
4) вера в демократию;
5) счастье в личной жизни;
6) идиллия, гармония (как черты любого утопического концепта).

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. последние две составляющие подпитывались пропагандой, развернутой во время Вьетнамской войны. Последствием Вьетнамской войны для Америки стал не только крах веры в демократические ценности, но и экономический кризис, вызванный внутренней политикой президентов Джонсона и Никсона.

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПЬЕСЕ

Во время этих событий в начале 1970-х гг. Теннесси Уильямс и написал пьесу «The Demolition Downtown». На русский язык пьеса не переведена, поэтому официального названия у нее нет. Значения слов в англо-английском словаре приведены следующие:

1) Demolition – the deliberate destruction of a building.
2) Downtown – the centre of a town or city, especially the business or shopping areas. [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2002]

Если переводить дословно: «Работы по сносу в деловой части города». Основная информация, которую мы получаем из заглавия – разрушение проводится намеренно и влияет на одну из основных ценностей, входящих в концепт «американской мечты»: подрывает материальное благополучие. Уже в названии заложена деконструкция концепта.

Она прослеживается на протяжении всей пьесы на следующих уровнях:

1) референциальном;
2) на уровне хронотопа;
3) синтаксическом и синтагматическом;
4) композиционном.

1. АНАЛИЗ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО УРОВНЯ

Начнем с референциального уровня – с персонажей. Всего их шестеро, все сценические: две семейные пары – мистер и миссис Лейн (на них сконцентрировано основное внимание, их можно условно назвать главными) и их соседи мистер и миссис Кейн, – и дочери условно главной семейной пары Розмари и Глэдис (единственные персонажи, у которых имена прописаны в списке действующих лиц).

Лейн и Кейн – фамилии ирландского происхождения, широко распространенные в Британии и, соответственно, в Соединенных Штатах. То есть такие фамилии типичны для потомков переселенцев, приехавших осваивать Дикий Запад в поисках свободной жизни и средств к обогащению – в поисках «американской мечты». Также в пьесе упоминаются другие фамилии ирландского происхождения: Пейн, Стейн, – и все они различаются только первыми буквами. Таким образом автор показывает типичность образов и их схожесть. Это одна из причин, по которой мы называем мистера и миссис Лейн условно главными персонажами.

Во вступительной ремарке представлено описание четы Лейнов. Оба описаны как «youngish», «attractive» – молодо выглядящие и привлекательные, – что выглядит как объявление на пробы актеров для рекламы. Подобная «рекламность» – также черта «американской мечты» как утопического концепта.

То же можно сказать о наличии у семейной пары двух дочерей. Хотя более привычно для типичной семьи «американской мечты» состоять из родителей, дочери и сына, детей обязательно должно быть двое. Один ребенок был бы свидетельством некоего разлада в семье, трое слишком выделяли бы домохозяйку-мать из общей картины мира.

Эти же черты «американской мечты» мы находим в описании семьи Кейнов, причем автор заявляет их внешность следующим образом: «They are the same age as the Lanes and similar to them in appearance» [Williams, 1992]. У них также две дочери, о чем упоминается в диалоге.

Если поменять две семейные пары местами, общая канва повествования мало изменится, так как обе представляют типичные американские пары: они равны в правах и возможностях как жители свободной демократической страны. Они взаимозаменяемы, не имеют индивидуальности. Поэтому обе пары в списке ролей названы по фамилиям. Отсутствие индивидуальности – это деконструкция фундаментального принципа «американской мечты», что сформулировано еще в оригинальном его определении: принимать человека по тому, кто он и каков, невзирая на происхождение, т. е исходить из личностных качеств (которых у персонажей пьесы нет).

Имена пар, упоминающиеся на протяжении пьесы, несут в общем контексте ту же смысловую нагрузку, что и фамилии: Henry, Jeff (сокращение от Jeffry), Elain, Jane. Как и фамилии, они похожи по произношению (Hen-ry, Jeff-ry) и широко распространены среди американцев.

Внимание также привлекают тематические персонажи: президент Стейна (Stane) и захватившие столицу штата партизаны. Президент Стейн, чья фамилия является омофоном слова «stain» – пятно, – сдался неким неназванным силам, которые проводят работы по сносу. Это – деконструкция демократии, символом которой является избираемый гражданами правитель, «пятно» на ней.

Партизаны – это представители неназванных сил, захвативших власть. В конце 60-х – начале 70-х гг. партизанские движения были распространены в Америке: они выступали за права чернокожих и против войны во Вьетнаме. Ни то, ни другое не относится к партизанам из пьесы, однако они описаны в духе времени. Само по себе наличие партизанского движения – меньшинства, взявшего на себя управление страной, – является подрывом демократии. Кроме того, партизаны описаны как животные: «Before they took the city, they lived in the mountain caves» [Williams, 1992]. О главе партизанского движения сказано: «I'm counting on his being ravenous for a woman, which I think is likely» [Williams, 1992]. В конце драмы миссис Лейн и миссис Кейн отправляются к генералу партизан, чтобы предложить им себя, забывают о семье: животный инстинкт, желание выжить берут верх над разумом и торжеством личности, над свободой – также основополагающей чертой «американской мечты».

Животный инстинкт был показан и ранее в пьесе в отношениях мистера и миссис Лейн, но он ни разу не совпадал: либо готов был муж – жена была против, либо готова была жена – муж высказывался против. Супруги, постоянно несовпадающие в желаниях – деконструкция идиллической американской семьи.

Наконец, наиболее выделяющиеся персонажи из всех – дети четы Лейн, поскольку, как уже говорилось, только у них имена прописаны уже в списке действующих лиц. Это объясняется в тексте пьесы ближе к концу: «Children are creatures that know without knowing. … the agile, light-footed creatures … The innocence of savages gives them unlimited visas, expiration date open, valid at any frontier, coming or going …» [Williams, 1992]. Дети – лучшее, что остается от родителей, новое поколение, которое исправит ошибки старших. Это люди, у которых еще есть индивидуальность, которых еще не успели «усреднить». Имена обеих героинь связаны с цветами (Розмари – розмарин, Глэдис – гладиолус): это подчеркивает идиллическую картину мира и является аллюзией на выражение «children are the flowers of life/youth». Их индивидуальность рассматривается автором как надежда на то, что изменится жизнь, которой жило поколение их родителей, и которая запятнала их физически (при первом и единственном сценическом появлении девочек они рассказывают матери, что до них домогались).

2. АНАЛИЗ ХРОНОТОПА

О поколениях каких именно годов идет речь, точно неизвестно: время действия нигде не указано. Можно понять, что действие разворачивается в течение одного вечера. Скорее всего, автор описывает современность (конец 1960-х гг.). Основное место действия – «upper-middle-class living room on the outskirts of a capital city» [Williams, 1992], – черта концепта «американской мечты». Упоминается наличие газона перед домом, что типично для американских домов на окраине города. Однако если в идиллическом мире «американской мечты» газоны всегда убраны и подстрижены, то в мире пьесы газон заметен листьями: природа побеждает идиллическую индустриальную упорядоченность.

Пьеса начинается с упоминания нескольких локаций, также косвенно относящихся к концепту «американской мечты». Первая – магазин Kwik-chek, относящийся к американской сети магазинов для обеспеченных покупателей. «I need a sight of familiar places» [Williams, 1992] – говорит миссис Лейн о своей поездке к этому магазину, то есть

она часто бывала в нем до событий пьесы. Сразу утверждается, что магазин закрыт – это отсутствие не только потребительских благ, но и пропитания в целом: городские жители не возделывают землю. Газон перед американским домом не используется в качестве огорода, как принято в нашей культуре, а служит украшением. Закрытый магазин деконструирует идиллию и заявляет главный конфликт пьесы: персонажи находятся в безвыходном положении, на кону их жизни, и они должны каким-то образом разрешить ситуацию.

Второе упомянутое место – бензоколонки. Они также закрыты – следовательно, персонажи не могут свободно пользоваться семейным автомобилем – признаком достатка, обязательным пунктом «американской мечты».

И в целом в передвижении персонажи ограничены, не только сценически. Как упоминалось выше, власть захватили партизаны. Они проводят в городе «работы по сносу». На протяжении пьесы встречаются ремарки, указывающие, что за сценой раздаются взрывы, из-за которых сотрясаются стены дома и падают картины. Это физическое проявление деконструкции.

3. АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКОГО И СИНТАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ

Ремарки о взрывах используются часто в первой половине пьесы. На первый взрыв миссис Лейн, оставшись одна, реагирует бурно, но с возвращением супруга эмоциональная реакция у обоих практически пропадает, взрывы обсуждаются как нечто привычное, то есть герои стараются не задумываться о серьезности положения. Взрывов нет во время диалога четы Лейн с четой Кейн, когда они разрабатывают план по побегу из города на озеро. В нем явственно проявляются разногласия между мужьями и женами. Когда жены остаются одни, дается ремарка о взрыве, после которой обе женщины начинают откровенное обсуждение плана. Последний взрыв прописан в финальной ремарке пьесы.

То, что миссис Лейн не позволяет себе открыто реагировать на взрывы при муже, говорит о натянутости отношений между персонажами, о конфликте между ними: жене ситуация явно видится более мрачной, чем мужу, но он не принимает ее точку зрения, не слышит. Оба открыто заявляют об этом еще в самом начале пьесы: «Mrs. L. We don't understand what each other» [Williams, 1992], «Mr. L.: We don't listen to each other!» [Williams, 1992].

Обратим внимание на реплику миссис Лейн. В ней проявляются синтаксический и синтагматический уровни деконструкции. Предложение не маркируется пунктуацией незавершенности (тире или троеточие): это законченная реплика, однако синтагма не завершена. Этот прием встречается в большей части реплик в завязке, а также в драматических сценах. (В данном случае мы подразумеваем «часть общего драматического процесса» [Волькенштейн, 1969, с. 52], а именно сцены сражения, но, так как автор композиционно не подразделял пьесу на сцены, драматические сцены возможно выделить только по контексту, либо считать за маркировку начала новой драматической сцены ремарки взрывов.)

Данный прием работает на нескольких уровнях:

1) характеризует психологическое состояние персонажей – их страх;
2) создает ощущение табуированности и недоговоренности, заставляет читателя / зрителя чувствовать себя неуютно, читать между строк, догадываться об истинном положении вещей;
3) является приемом деконструкции, поддерживая основную тему произведения.

4. АНАЛИЗ КОМПОЗИЦИОННОГО УРОВНЯ

Обрыв синтагмы используется не только в диалогах персонажей, но и в заключительной ремарке.

Ремарки – это композиционный уровень. В написании ремарок большое влияние на Теннесси Уильямса оказал А. П. Чехов, поэтому в пьесах американского драматурга, как и русского, они делятся на: «ремарки, выражающие авторскую позицию, ремарки, создающие атмосферу, настрой отдельного эпизода и, наконец, ремарки, раскрывающие внутренний мир персонажей» [Позднякова, 2013, с. 93]. Кроме того, есть привычные ремарки для актеров, описывающие действия персонажей, и для постановщиков, описывающие персонажей (стоит отметить, что они больше повествовательны, чем описательны).

Основная часть ремарок данной пьесы относится к последнему типу, иногда с раскрытием внутреннего мира персонажей: к примеру, в открывающей ремарке «an attractive, youngish man is staring tensely downstage» [Williams, 1992] наречие «tensely» дает представление о внутреннем напряжении мистера Лейна.

Финальная ремарка выделяется на фоне остальных, в первую очередь потому, что это самая длинная ремарка в пьесе. Она повествовательна, в ней содержатся раскрытие внутреннего мира персонажей с обильным использованием сравнений и определений, создание атмосферы финала,

обрыв синтагмы в самом конце. Также в ремарку входит марш партизан, которую поют миссис Лейн и миссис Кейн за сценой. Текст марша написан на мотив «Боевого гимна республики» – патриотической американской песни. Это прием, деконструирующий веру в демократию.

Оборванная синтагма в ремарке не законченная – ее завершает тире. Так передается атмосфера финальной сцены. Оборванная синтагма влияет на значение заключительной ремарки «the curtain falls»: ее можно рассматривать не только как обычную заключительную ремарку пьесы, но и как продолжение оборванной синтагмы. Слово «curtain» используется в прямом и переносном значениях.

5. АНАЛИЗ СИМВОЛИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает также песня, которая приведена Т. Уильямсом в финале пьесы. В ремарках она указана как «the marching song of the guerrilla forces which have seized the capital» [Williams, 1992] – маршевая песня партизан, захвативших столицу. Также указано, что поется она на мотив The Battle Hymn of the Republic (Боевой гимн республики).

Оригинальная песня примечательная тем, что ее мелодия сама по себе деконструирована настолько, что для каждого человека будет являться мелодией различных песен. Самая известная вариация – John Brown's Body (Тело Джона Брауна), гимн аболиционистов времен Гражданской войны, однако она не является оригинальной. Считается, что первым текстом на данную мелодию был христианский гимн «Say, brothers, will you meet us?» Кроме того, на эту мелодию положены другие тексты: гимн рабочего движения «Solidarity forever», песня времен Второй мировой войны «Blood on the Risers».

Популярностью она пользовалась не только в США, но и в других странах. Во время Второй мировой войны немецкая армия использовала часть мелодии для одного из своих маршей: «Lore, Lore». Свои пародийные версии сочиняли британские школьники: «Glory, glory Alleluiah, / Teacher hit me with a ruler» [Opie, 1982, p. 374]. В Ирландии в честь разрушения Колонны Нельсона в Дублине исполняли на этот мотив «Up Went Nelson». Уже после выхода пьесы Уильямса, в 1980-х гг., эта мелодия даже была использована болельщиками футбольной команды Manchester United.

Такая популярность мелодии объяснима простотой музыкального мотива, частотой повторения музыкальных фраз.

Боевой гимн республики – вторая по популярности вариация на данную мелодию в США. Она была написана в ноябре 1861 года, впервые напечатана в газете The Atlantic в 1862 году, и с тех пор довольно быстро стала известной по всему северу США [Stutler, 1960]. Ее популярность была настолько велика, что президент Рузвельт даже организовал кампанию, направленную на то, чтобы сделать Battle Hymn официальным гимном Соединенных Штатов.

Мы полагаем, что именно по этой причине в качестве оригинала для своей версии Уильямс выбрал Боевой гимн республики, а не John Brown's Body. В тексте Battle Hymn отражены все идеалы, в которые верят американцы: чувство собственного достоинства, отстаивание прав и свобод угнетенных, вера в Бога, борьба за собственную свободу. Уильямс в первую очередь десакрализует все эти идеалы и убеждения: у него такую патриотическую мелодию присваивают партизаны, лишающие американское общество свободы.

Примечателен в данном контексте и текст песни. Если оригинальный текст Боевого гимна полон пафоса, то Уильямс рисует два противопоставленных друг другу мира и создает этими противопоставлениями картину довольно мрачного будущего. В его версии есть лирические герои – некто «мы» (судя по всему, в контексте пьесы это партизаны). Мир «нас» противопоставлен остальному миру: «we are crouching in the mountains» – возникает первый диссонанс между «нами» и окружающим миром. «Мы» – низкие, незаметные, крадущиеся – «hiding in the caverns that are close up to the sky». Одновременно «мы» и незначительны, и устрашающи, ведь «мы» можем из своих укрытий обозревать мир, оставаясь незаметными.

Страшны «мы» не только своей незаметностью, но и количеством – «мы» описаны как «hungry legions». Наконец, последний штрих этого образа – «OUR TRUTH WILL MAKE US STRONG!» В ремарке к исполнению указано, что песня постепенно затихает вдали, но Уильямс выделил финальную фразу, написав ее заглавными буквами, что обычно воспринимается как крик, и может также быть выделением главной мысли для читателя. Если в оригинальном тексте сильными людей делает не их собственная правда, а His truth – правда Божия, то у Уильямса это «OUR TRUTH» – наша правда. Образ выходит более эгоистичным и оттого еще более ужасающим: «нас» ведут не высокие идеалы, а низменные потребности. «Наше» появление сулит разрушение и опустошение тому миру, в который они спустятся с гор.

Также символично то, кто по задумке автора должен исполнять данный марш. Он

упоминается два раза, и оба раза исполняется за сценой: в первый раз его поют дети четы Лейн; во второй раз его поют за сценой миссис Лейн и миссис Кейн. Это деконструкция военной мощи, которую обычно приписывают себе Соединенные штаты, которая также является частью образа американской мечты и символизирует защищенность от внешних и внутренних врагов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав все приемы деконструкции концепта «американской мечты», мы приходим к выводу, что и жанр одноактной драмы использован как дополнительный инструмент деконструкции: с помощью узких сюжетных и формальных рамок автор десакрализует концепт, лишает его привычной для американского общества значимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Adams J. T. The Epic of America. Boston. Little, Brown, and company, 1931.
2. Ильинский Д. В., Сметанников С. М., Хван Н. С. Американская мечта // Инновационная наука, (1–2), 2017. С. 135–137.
3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International student edition. Oxford: Macmillan education, 2002.
4. Williams Tennessee. The Theatre of Tennessee Williams. Vol. 6: 27 Wagons Full of Cotton and Other Short Plays. New York: New Directions Publishing Corporation, 1992.
5. Волькенштейн В. М. Драматургия. М.: Советский писатель, 1969.
6. Позднякова Е. А. Ремарка в пьесах А.П. Чехова // Вестник Костромского государственного университета, 19 (2), 2013. С. 93–96.
7. Opie Io., Opie P. The Lore and Language of Schoolchildren. Granada Publishing Limited, 1982.
8. Stutler Boyd B. Glory, Glory, Hallelujah. Harpers Ferry, West Virginia: The Eighth Day Press, 1960.

REFERENCES

1. Adams, J. T. (1931). The Epic of America. Boston. Little, Brown, and company.
2. Ilyinsky, D. V., Smetannikov, S. M., Khvan, N. S. (2017). Amerikanskaja mechta = American Dream. Innovatsionnaya nauka, 1-2, 135–137. (In Russ.)
3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2002). International student edition. Oxford: Macmillan education.
4. Williams, Tennessee. (1992). The Theatre of Tennessee Williams. Vol. 6: 27 Wagons Full of Cotton and Other Short Plays. New York: New Directions Publishing Corporation.
5. Volkenstein, V. M. (1969). Dramaturgiya = Dramaturgy. Moscow, Sowetsky pisatel. (In Russ.)
6. Posdnyakova, Y. A. Remarka v pyesakh A. P. Chekhova = Authors notes in Chechov's dramas. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 19(2), 93–96. (In Russ.)
7. Opie, Io., Opie, P. (1982). The Lore and Language of Schoolchildren. Granada Publishing Limited.
8. Stutler, Boyd B. (1960). Glory, Glory, Hallelujah. Harpers Ferry, West Virginia: The Eighth Day Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирабо Сандра Ильинична

специалист по учебно-методической работе, кафедра грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mirabo Sandra Ilyinichna

specialist in educational and methodological work at the Department of Grammar and History of the German language, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_141

Cartoon как самостоятельный жанр визуальной литературы

М. В. Харламова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kharlamariya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию картуна (Cartoon) как одного из распространенных явлений массовой культуры во многих странах. На основе картунов на немецком языке в сопоставлении с комиксом и карикатурой были проанализированы особенности картуна: структурные, синтаксические, стилистические, а также его коммуникативная функция. Выявленные характеристики свидетельствуют об уникальности данного жанра и его потенциале для исследований в различных науках: литературоведении, лингвистике, семиотике и др.

Ключевые слова: картун (Cartoon), визуальная литература, жанровые особенности, анекдот в картинках, креолизованный текст

Для цитирования: Харламова М. В. Cartoon как самостоятельный жанр визуальной литературы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7 (862). С. 141–149. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_141

Original article

Cartoon as an Independent Genre of Visual Literature

Maria V. Kharlamova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kharlamariya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of cartoon as one of the most common phenomena of mass culture in many countries. On the basis of cartoons in German, in comparison with comics and caricatures, the features of the cartoon were analyzed: structural, syntactic, stylistic, as well as its communicative function. The revealed characteristics testify to the uniqueness of this genre and its potential for research in various sciences: literary criticism, linguistics, semiotics, etc.

Keywords: cartoon, visual literature, genre features, anecdote in pictures, creolized text

For citation: Kharlamova, M. V. (2022) Cartoon as an independent genre of visual literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 141–149. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_141

ВВЕДЕНИЕ

Картуны (Cartoon) и комиксы являются сегодня достаточно распространенными явлениями массовой культуры. Картуны представляют собой шутливые короткие истории в картинках с прямой речью персонажей и посвящены разнообразным сторонам повседневной жизни. Они заняли прочное место в печатных средствах массовой информации, а в связи с распространением цифровых коммуникационных технологий – и на различных страницах юмора в Интернете, выполняя, прежде всего, развлекательную функцию. Комиксы уже давно оформились в особый жанр визуальной литературы, объединяющий в себе литературу и искусство. Специфические особенности данных повествований в картинках обусловили популярность этого жанра во всем мире, что подтверждается большими тиражами публикаций серий комиксов, их экранизаций, наличием в Интернете разнообразных приложений по созданию собственных комиксов.

В то же время в научной литературе наблюдается смешение понятий «комикс» и «картун», использование в качестве синонима к ним также понятия «карикатура». Так, в английском языке под картуном (Cartoon) понимается иллюстрация или серия иллюстраций, нарисованных в нереалистичном или полуреалистичном художественном стиле. Картуны обычно предназначены для того, чтобы вызывать юмор и смех. При этом их можно разделить на категории, такие как: политические картуны, шуточные и короткие комиксы (Comic strips). Шуточный картун состоит обычно из одного рисунка о повседневном событии и содержит «изюминку», которая раскрывается в «речевом пузыре». Политические картуны встречаются в новостных изданиях и представляют собой, как правило, карикатуры (Caricature) – изображения людей, в которых некоторые яркие черты преувеличены для создания комического или гротескного эффекта. Картун в значении мультфильма обозначает короткометражный фильм с особой техникой предоставления последовательности рисунков, он предназначен для детей и часто изображает антропоморфных животных, супергероев или приключения детей. В немецком языке картун (Cartoon) трактуется как карикатура (Karikatur) или шутливое изображение, а также как нарисованная, возможно, сатирическая, история в картинках. Вторая дефиниция картуна аналогична дефиниции комикса (Comic), под которым также понимается нарисованная история в картинках [Wörterbuch Duden]. Другое значение комикса, которое приводится в том же словаре, – сокращенное название от comic strips, которое обозначает законченную короткую историю в картинках с «изюминкой / солью». Причем в данном случае дефиниция комикса аналогична определению картуна в английском языке. Под карикатурой, в свою очередь, понимается изображение, высмеивающее человека, вещь или событие, сатирически подчеркивая определенные характерные черты.

Из приведенных определений видно, что в теоретической литературе понятие «картун» не имеет единого определения и используется в качестве синонима к другим смежным понятиям. В русском языке понятие «картун» отсутствует, а для перевода иностранного слова Cartoon предлагаются различные варианты в соответствии с многообразием определений в английском и немецких языках: комикс, мультфильм, карикатура, шарж, рисунок.

Причиной данного смешения понятий является малая их исследованность. Несмотря на то, что комиксы и картуны относятся к числу явлений современной действительности, они игнорируются в академическом мире. Исследования имеют, как отмечают некоторые специалисты, спорадический характер и основываются преимущественно на личных интересах отдельных ученых, при этом основное внимание уделяется анализу визуальной части (например, с семиотической точки зрения) [Pietrini, 2021] или потенциалу комикса и его разновидности – картуна как развивающихся медиа [Скаф, 2016].

Основную проблему, на наш взгляд, представляет именно разграничение понятий. Сравнивая комикс, картун и карикатуру, а именно их текстовую структуру, содержание, оформление и коммуникативные задачи, можно утверждать, что данные жанры являются самостоятельными и, несмотря на наличие схожих характеристик, обладают, тем не менее, собственными признаками. Рассмотрение картуна как комикса или карикатуры способствует игнорированию его уникальных качеств и соответственно недооцениванию его как отдельного литературного и культурного явления.

КАРТУН КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ

Изначально понятие «картун» использовалось применительно к эскизам для гобеленов и фресок, нарисованным на картоне. Позже этот термин стал применяться и к рисункам, содержащим шутку или сатирический намек.

Распространение картуна как вида литературы и искусства в Европе связано, прежде всего, с Вильгельмом Бушем, а именно с публикацией в 1830–1840-х годах его юмористических романов

в картинках, в которых он высмеивал ограниченность общества того времени. К известным английским картунистам того времени относятся также Джеймс Гилрей и Джордж Крукшанк, которые использовали в своих шутливых рисунках «речевые пузыри». Отметим, что к этому времени как самостоятельный жанр уже сложилась карикатура (*итал. caricare – преувеличивать, искажать), под которой понимается изображение, высмеивающее «общественные и политические явления, бытовые проблемы, конкретных людей или собирательные типы» [Карикатура, 2022], при этом рисунок может сопровождаться текстом для пояснения смысла и усиления комического эффекта. Некоторые специалисты придерживаются мнения, что картуны постепенно развивались из карикатуры XV века [Ames,* 2021].

На рубеже XIX–XX веков ежедневные и еженедельные газеты начали печатать картуны с текстом в «речевых пузырях». Успех был настолько велик, что издательства боролись за лучшего рисовальщика, потому что от мастерства этих художников зависел тираж изданий. Со временем картуны стали печатать в каждом выпуске. 5 мая 1895 года в «Воскресном мире» пресс-магната Джозефа Пулитцера появилась серия картинок о молодом человеке Майке Дугане и его приключениях с друзьями. Этот день считается днем рождения комикса (*англ.* comics – комический) как графически-повествовательного жанра – серии рисунков с текстом, образующей связное повествование, обычно приключенческого или юмористического характера [Комлев, 2006]. Являясь литературно-изобразительным жанром, комикс подразделяется на подвиды, которые отвечают традиционным литературным жанрам: эпопея, новелла, роман, детектив и т. д. Следует отметить при этом, что комикс утратил свою первоначальную характеристику, которая следует из его названия – комичность. Большинство современных комиксов не отличаются комедийным сюжетом. Возможно, этим можно объяснить тот факт, что во многих языках для обозначения данного жанра название «комикс» не было заимствовано, а используется слово из родного языка, обозначающее «рисованную историю», «графический роман», например, в Японии – манга.

Определяющим различием между комиксом, карикатурой и картуном является их коммуникативная функция, которая обусловливает свойственные данным жанрам структурные, лексические, синтаксические, морфологические особенности, но прежде всего функционал и содержание изображений, а именно механизмы взаимодействия изобразительного и вербального компонентов, которые обеспечивают связность текста, реализацию коммуникативной задачи и соответственно адекватную интерпретацию смысла читателем.

Главная функция карикатуры заключается в критике злободневных социальных и политических событий [Карикатура в сопоставлении…, 2019]. Привлечение внимания читателя к критикуемым явлениям реализуется большей частью за счет изображения, в котором автор нарочито преувеличивает или изменяет характерные черты персонажей или данного явления с целью создания сатирического или комического образа. При этом рисунок может сопровождаться текстовым комментарием или обходится без него [Айнутдинов, 2008, с. 23]. Структурной особенностью карикатуры является наличие одного рисунка, который передает задуманный автором образ.

Под комиксом в современной научной литературе понимается «особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку. Рисунок и заключенный в него вербальный текст образуют органическое смысловое единство» [Матанцева, Соколова, 2008, с. 54]. К коммуникативным функциям комикса относятся развлекательная, познавательная и эстетическая. Специфической особенностью комикса является взаимодействие вербального и невербального компонентов: комикс создается, когда посредством вставки «речевого пузыря» письменный текст становится частью рисунка, причем визуальный и письменный элементы в равной степени способствуют повествованию в сбалансированном взаимодействии [Pietrini, 2021]. При этом доминирующее значение присваивается часто изображению. Согласно утверждению художника-комиксиста Криса Уэра, комикс – это визуальный язык, который можно читать [Приводится по: Groensteen, 2019]. Невербальный компонент, обеспечивая структурность текста, не только внешнюю, касающуюся архитектоники текста, но и внутреннюю: темпоральную, локальную, персональную, референциальную и отчасти модельную, транслирует также дополнительную информацию, которая в совокупности с вербальным текстом создает эмотивность и экспрессивность комикса.

Картун представляет собой небольшую историю из одного-четырех (преимущественно из одного) изображений шутливого характера. Главная функция – развлекательная. Через призму личного высказывания, имеющего юмористический характер, автор выражает субъективное представление реальности [Пономарева, 2020].

Целью автора не обязательно является критика или осуждение, предметом юмора могут быть любые нестандартные ситуации повседневной реальности. Изображение помогает реализовать такие характеристики шутки на уровне жанра, как емкость, краткость, экспрессивность, помогает не только избежать длительных объяснений ситуации и вербальных описаний эмоционального состояния персонажей, которые «убивают» комический эффект, но, наоборот, усилить его. Вербальный компонент заключает в себе непосредственно шутку и несет в данном случае основную информацию. В картунах изображение является неотъемлемой, не менее важной, но всё-таки дополнительной частью. Нечастым исключением являются картуны без слов.

В рассмотренных видах текстов по-разному функционируют механизмы взаимодействия вербального и невербального компонентов. Учитывая, что большая часть карикатур не сопровождается текстом, а изображение несет основную смысловую нагрузку, данный жанр относят скорее к графическому искусству [Айнутдинов, 2008, с. 25]. Карикатура с текстом, как и комиксы и картуны, являются текстами с полной креолизацией, в которых вербальная часть не может существовать автономно, но имеет с невербальным компонентом синсемантические отношения [Анисимова, 2003, с. 15]. Это позволяет отнести данные жанры к литературному и изобразительному искусству одновременно [Groensteen, 2019], или к визуальной литературе, под которой понимается «особый вид искусства, построенного на постоянном взаимодействии текста и изображения, которые сцеплены так плотно, что в принципе невозможны друг без друга» [Скаф, 2016, с. 286].

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ КАРТУНА

Несмотря на некоторые схожие структурные моменты, картун, комикс и карикатура являются полностью самостоятельными жанрами, так как обладают специфическими жанровыми признаками.

Для комиксов, будь то графические романы или серийные комиксы, как и для традиционных литературных произведений, характерен продуманный подход к сюжету, к выбору литературного стиля. Подобные произведения представляют собой систему взаимосвязанных уровней, к которым относятся: сюжетно-композиционный, пространственно-временной, уровень системы образов, стилистический, идейно-философский. Кадры, в которых заключено произведение, их количество, оформление и расположение на странице задают определенный ритм повествованию, который в картунах и карикатурах отсутствует, так как структурно данные виды текстов состоят из минимального количества кадров.

В комиксах существует также движение, которое передается посредством изображения, а именно через различные изменения: течение времени, изменение состояния объекта, смену локации, смену действий и т. д. В картуне изображение концентрируется на передаче эмоций персонажей, ситуативного контекста, но не на подробном описании действия. В карикатуре – на критикуемых чертах человека или явления.

Как уже отмечалось, в основе картуна лежит шутка, которая по структурным, прагматическим и содержательным характеристикам отвечает жанру шутки в немецком языке (Witz) или анекдоту – в русском. Следует отметить, что, несмотря на отсутствие понятия «картун» в российской научной терминологии и его замену понятиями «карикатура» и «комикс», на практике картуны широко распространены в российской культуре, но под названием «анекдоты в картинках».

Оба понятия «анекдот» и «шутка» трактуются как кратко сформулированный рассказ, который посредством неожиданного поворота событий, неожиданного смыслового разрешения в конце вызывает смех [Wörterbuch Duden; Дербенева, 2008]. В этом заключается основное отличие от карикатуры, содержащей явную критику по поводу того или иного явления, и не обязательно в комичной форме. Так, например, представленный рисунок художника Г. Местера является карикатурой (см. рис. 1), в то время как рисунок М. Фернандеса – картуном (см. рис. 2).

Рис. 1. Автор Г. Местер[1]

[1] URL: https://www.sfv.de/fotos/l/Windkraft__Kohle.jpg

Рис. 2. **Автор M. Fernandez**[1]

Анекдот в русском языке и шутка в немецком, в соответствии с жанром, почти всегда строятся по принципу двучастности: в них есть интродукция (зачин) и развязка, которая содержит так называемую «изюминку», «соль» остроты (*франц.* pointe), то есть начало и конец. Средняя часть из-за сжатости и краткости рассказа, как правило, отсутствует [Химик, 2002; Чистякова, 2012]. Начало служит для ознакомления реципиента с темой, ситуацией, для создания интриги – напряжения ожидания. Изображение в картуне позволяет сделать это максимально быстро и точно. Некоторые специалисты выражают мнение, что картун значительно расширил возможности шуток. Потому что изображения посредством краткого и точного изложения контекста помогают быстро понять ситуации, которые в противном случае требовали бы достаточно долгого объяснения. И именно графическое исполнение существенно способствует тому, что смысл шутки действительно становится очевидным. Изображение способно раскрыть события, которые привели к той или иной ситуации, и события, которые последуют за изображенной ситуацией, то есть усилить эффект шутки. Жанровая сущность анекдота отображает сущность картуна, в отличие от других жанров визуальной литературы, – это «топтание на месте» перед острым неожиданным финалом [Чистякова, 2012]. В картунах, состоящих из двух-трех кадров, функционирует четкое разделение: первый кадр – зачин, второй – развитие ситуации для поддержания интриги, третий – развязка (см. рис. 3).

[1] URL: https://www.dw.com/de/makel-macken-und-marotten-deutsche-eigenarten-im-cartoon-ii/g-48896495

Рис. 3. **Автор R. Ruthe**[2]

[2] Frühreif! Hamburg: Carlsen Verlag GmbH, 2014. C. 36.

В однокадровых картунах зачин может содержаться в изображенной ситуации, а развязка – в реплике персонажа или комментарии автора (см. рис. 4), или зачин и развязка могут содержаться в первой и второй реплике персонажей соответственно, а изображение помогает сориентироваться в ситуации.

На уровне структуры текст анекдота в русском языке и шутки в немецком выстраивается преимущественно как диалог, состоящий из обмена репликами. В картуне содержание одной из реплик может передаваться изображением.

Художественный смысл картуна, как любого анекдота, заключается в том, чтобы изменить у читателя клишированное восприятие привычной ситуации, предложив алогичное ее развитие и создав, таким образом, комический эффект. Для этого может использоваться как вербальный, так и невербальный компонент в совокупности с различными комическими приемами. Одним из самых распространенных приемов является антитеза. Например, в следующем картуне (см. рис. 5)[3] фраза «OK, aber nicht zu weit weg», вызывает ассоциации с большим пространством, что алогично по отношению к изображенному пространству – тесному аквариуму.

[3] URL: https://www.pinterest.ch/pin/798544577663790135/

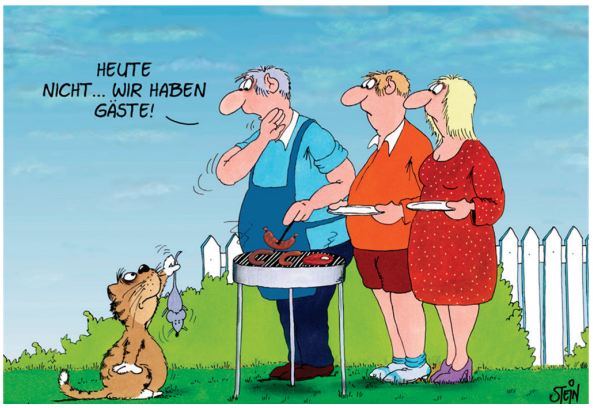


Рис. 4. Автор U. Stein [1]

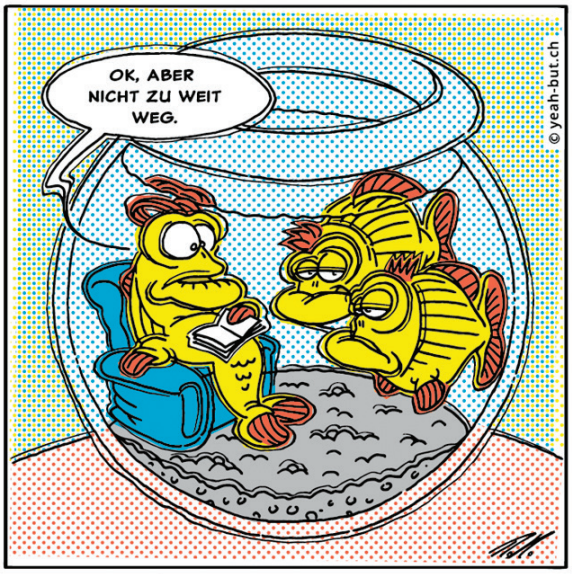


Рис. 5.

С целью усилить комический эффект используется также часто антропоморфизм. Животным приписываются человеческие мысли, способности и действия (см. выше рис. 2, 4, 5, а также рис. 6).

При этом изображение и вербальный текст «Zu verkaufen: gebrauchte Katze (hat noch zwei Leben)» в совокупности позволяют читателю самостоятельно развить ситуацию далее – предположить, почему у кошки осталось две жизни, хотя, согласно стереотипу, у кошки их девять (см. рис. 6).

К другим распространенным приемам усиления комического эффекта относятся гипербола, каламбур, перифраза и др. Например, каламбур – игра слов – лежит в основе следующего картуна (см. рис. 7). Первый персонаж использует для характеристики гармоничных отношений глаголы *nehmen* и *geben* в их прямом значении *получать* и *отдавать* (эмоции, чувства, заботу и т. д.). Второй персонаж использует те же глаголы, но уже в их функциональных значениях в устойчивых выражениях *убрать локти со стола* и *налить шампанского*.

Рис. 6. Автор D. Beck[2]

Рис. 7. Автор U. Stein[3]

Следующий картун (рис. 8) построен также на каламбуре – на схожести буквального перевода «чай с пузырьками» немецкого слова Blasentee и английского Bubble tea. В реальности данные слова обозначают разные вещи: лекарственный настой против заболеваний мочевого пузыря – в немецком языке и пенистый чайный напиток с добавлением фруктового сока или молока – в английском.

[1] URL: https://ic.pics.livejournal.com/n_dank/28174491/ 1000477/1000477_original.jpg

[2] URL: https://readersdigest.de/de/spielen-lachen/cartoons

[3] URL: https://www.illusions-blackmoore.de/bilder/img/untitled-13.jpg

Рис. 8. **Автор R. Ruthe**[1]

[1] Frühreif! Hamburg: Carlsen Verlag GmbH, 2014. С. 91.

В большей степени приемы усиления комичного реализуются посредством изображения, например, гиперболизация – преувеличение (см. рис. 9 и 10).

Рис. 9. **Автор R. Ruthe**[2]

Учитывая, что шутки затрагивают преимущественно различные бытовые сферы жизни, а основной структурной формой вербального компонента является диалог, отметим другую особенность картунов – разговорный стиль. Принадлежность вербального компонента к данному стилю в совокупности с требованиями краткости и лаконичности обусловливает использование в текстах преимущественно простых синтаксических конструкций, неполных предложений, наличие эмоционально-окрашенной лексики, сленга.

[2] URL: https://ruthe.de/cartoon/3394/datum/asc/

Рис. 10. **Автор M. Fernandez**[3]

Являясь частью культуры своего народа, картуны, так же как и обычные устные анекдоты и шутки, отражают особенности менталитета, сложившиеся традиции и ценности народа, привычки и явления, принятые в его культуре, и считаются достаточно сложным видом коммуникации, так как у многих представителей другой культуры отсутствуют фоновые знания, необходимые для понимания этого юмора. Например, фраза *Na, Jungs, wie war´s in Wacken?* и, следовательно, содержание всей шутки окажутся большинству читателей, проживающих не в Германии, непонятными (см. рис. 11).

Однако если знать, что Wacken – это поселок-община в округе Штайнбург земли Шлезвиг-Гольштейн, в котором ежегодно в начале августа проводится музыкальный фестиваль на открытом воздухе Wacken Open Air, то картун становится понятен и приобретает комический эффект.

[3] URL: https://www.spiegel.de/fotostrecke/spam-cartoons-von-miguel-fernandez-fotostrecke-128466.html

Рис. 11. **Автор M. Fernandez**[1]

[1] URL: https://i.pinimg.com/originals/0c/ff/0f/0cff0fe6e2964d1b1b9c6acec7e9b97f.jpg

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные особенности картуна: структурные, семантические, лексические, стилистические, но прежде всего его коммуникативная функция, характеризуют картун как уникальный неповторимый жанр, имеющий ряд отличительных признаков. Благодаря этим особенностям картун представляет собой уникальное культурное литературно-изобразительное явление, которое может быть исследовано различными науками: культуроведением, социологией, медиакоммуникацией, семиотикой, лингвистикой. Являясь источником лингвосоциокультурной информации, картун имеет также большой дидактический потенциал для изучающих немецкий язык, для интересующихся культурой и бытом немецкоязычных стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wörterbuch Duden. Rechtschreibung, Bedeutung, Definition, Herkunft. URL: https://www.duden.de
2. Pietrini D. Die Sprache(n) der Comics. Universität Heidelberg. 2021. URL: https://www.uni-heidelberg.de/einrichtungen/iwh/aktuelles/pietrinicomics. html
3. Скаф М. К. Комикс и книжка-картинка: границы визуально-литературных жанров // Детские чтения. 2016. 2(10). С. 286–302. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komiks-i-knizhka-kartinka-granitsy-vizualno-literaturnyh-zhanrov
4. Карикатура // Культура РФ. Проект Минкультуры России. 2022. URL: https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/karikatura/#:~:text=КАРИКАТУ́РА.%20“%20Термин%20«карикатура»%20произошел,смысл%20и%20усиливает%20комический%20эффект
5. Ames W. Caricature and cartoon // Britannica. 2021. URL: https://www.britannica.com/art/caricature-and-cartoon
6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-202-2.htm#zag-1084
7. Карикатура в сопоставлении с другими типами креолизованных текстов. 2019. URL: https://vuzlit.com/915573/karikatura_sopostavlenii_ drugimi_tipami_kreolizovannyh_tekstov
8. Айнутдинов А. С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 20–28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-funktsii-karikatury-v-presse
9. Матанцева М. Б., Соколова А. И. Лингвостилистические особенности русского комикса // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2008. Вып. 3. С. 52–58.
10. Groensteen T. Zwischen Literatur und Kunst: Erzählen im Comic // Bundeszentrale für politische Bildung. 2019. URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/189534/zwischen-literatur-und-kunst-erzaehlen-im-comic/
11. Пономарева М. О. Юмор как средство коммуникативного общения между представителями различных культур // International journal of professional science. 2020. № 12. С. 36–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-kak-sredstvo-kommunikativnogo-obscheniya-mezhdu-predstavitelyami-razlichnyh-kultur
12. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): уч. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов). М.: Академия. 2003.
13. Дербенева А. Н. О разграничении жанров «анекдот» и «шутка» в современном английском языке (на примере англоязычных этнических анекдотов и шуток) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2008. 1(29). С. 159–160. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-razgranichenii-zhanrov-anekdot-i-shutka-v-sovre-mennom-angliyskom-yazyke-na-primere-angloyazychnyh-etnicheskih-anekdotov-i-shutok
14. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы Круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.17–31. URL: http://anthropology.ru/ru/text/himik-vv/anekdot-kak-unikalnoe-yavlenie-russkoy-rechevoy-kultury
15. Чистякова И. В. Анекдот как литературный жанр // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 4. Т.2 С. 81–87.

REFERENCES

1. Wörterbuch Duden. Rechtschreibung, Bedeutung, Definition, Herkunft = Dictionary Duden. Spelling, meaning, definition, origin. https://www.duden.de

2. Pietrini, D. (2021). Die Sprache(n) der Comics = The language(s) of comics. Universität Heidelberg. https://www.uni-heidelberg.de/einrichtungen/iwh/aktuelles/pietrinicomics.html
3. Skaf, M. K. (2016). Komiks i knizhka-kartinka: granitsy vizual'no-literaturnykh zhanrov = Comic and picture book: the boundaries of visual literary genres. Detskiye chteniya, 2(10). 286–302. https://cyberleninka.ru/article/n/komiks-i-knizhka-kartinka-granitsy-vizualno-literaturnyh-zhanrov (In Russ.).
4. Caricature. (2022). Kul'utra RF. Proyekt Minkul'tury Rossii. https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/karikatura/#:~:text=КАРИКАТУ́РА.%20"%20Термин%20«карикатура»%20произошел,смысл%20и%20усиливает%20комический%20эффект (In Russ.).
5. Ames, W. (2021). Caricature and cartoon. Britannica. https://www.britannica.com/art/caricature-and-cartoon
6. Komlev, N. G. (2006). Slovar' inostrannykh slov = Dictionary of foreign words. M.: Eksmo. http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-202-2.htm#zag-1084 (In Russ.).
7. Karikatura v sopostavlenii s drugimi tipami kreolizovannykh tekstov = Caricature versus other types of creolized texts. (2019). https://vuzlit.com/915573/karikatura_sopostavlenii_drugimi_tipami_kreolizovannyh_tekstov (In Russ.).
8. Ainutdinov, A. S. (2008). Tipologiya i funktsii karikatury v presse = Typology and functions of caricatures in the press. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 21, 20–28. https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-funktsii-karikatury-v-presse (In Russ.).
9. Matantseva, M. B., Sokolova, A. I. (2008). Lingvostilisticheskie osobennosti russkogo komiksa = Linguistic-style features of the Russian comics. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. YAzyk. Literatura. Kul'tura, 3, 52–58. (In Russ.)
10. Groensteen, T. (2019). Zwischen Literatur und Kunst: Erzählen im Comic. Federal Agency for Civic Education. https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/189534/zwischen-literatur-und-kunst-erzaehlen-im-comic/
11. Ponomareva, M. O. (2020). Yumor kak sredstvo kommunikativnogo obshcheniya mezhdu predstavitelyami razlichnykh kul'tur = Humor as a means of communicative communication between representatives of different cultures. International journal of professional science, 12, 36–43. https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-kak-sredstvo-kommunikativnogo-obscheniya-mezhdu-predstavitelyami-razlichnyh-kultur (In Russ.).
12. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (on the basis of creolized texts). Moscow: Akademiya. (In Russ.)
13. Derbeneva, A. N. (2008). O razgranichenii zhanrov «anekdoT» i «shutkA» v sovremennom angliiskom yazyke (na primere angloyazychnykh ehtnicheskikh anekdotov i shutok) = On the differentiation between the genres of "anecdote" and "joke" in modern English (on the example of English-language ethnic anecdotes and jokes). Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 1(29), 159–160. https://cyberleninka.ru/article/n/o-razgranichenii-zhanrov-anekdot-i-shutka-v-sovre-mennom-angliyskom-yazyke-na-primere-angloyazychnyh-etnicheskih-anekdotov-i-shutok (In Russ.).
14. Khimik, V. V. (2002). Anekdot kak unikalnoe yavlenie russkoy rechevoy kulturyi = Anecdote as a unique phenomenon of Russian speech culture. Anekdot kak fenomen kul'tury: Materials of the round table November 16, 2002 St. Petersburg, 17–31. http://anthropology.ru/ru/text/himik-vv/anekdot-kak-unikalnoe-yavlenie-russkoy-rechevoy-kultury (In Russ.)
15. Chistyakova, I. V. (2012). Anekdot kak literaturnyi zhanr = Anecdote as a literary genre. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta, 4(2), 81–87. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харламова Мария Витальевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharlamova Maria Vitalievna

PhD (Pedagogy), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Grammar and History of the German Language,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_150

Культурная память как аксиологический регулятор

Е. Э. Дробышева
Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, Санкт-Петербург, Россия
pestelena@yandex.ru

Аннотация. В рамках статьи автор ставит задачу проанализировать в аксиологическом дискурсе роль памяти в качестве одной из культурных универсалий. В качестве объекта рассмотрения берется архитектоника современной культуры. В качестве предмета – роль памяти как регулятора ценностных трансформаций в аксиосфере культуры. В качестве сфер анализа меморативных практик выбраны праздничный календарь, художественное производство и система образования.

Ключевые слова: архитектоника культуры, аксиосфера, ценности, культурная память, культурный код, идентичность, меморативные практики

Для цитирования: Дробышева Е. Э. Культурная память как аксиологический регулятор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 150–157. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_150

Original article

Cultural Memory as Axiological Regulator

Elena E. Drobysheva
Vaganova Academy of Russian Ballet, St. Petersburg, Russia
pestelena@yandex.ru

Abstract. Within the framework of the article, the author sets the task to analyze the role of memory as one of the cultural universals in axiological discourse. The object of consideration is the architectonics of modern culture, and the subject is the role of memory as a regulator of value transformations in the axiosphere of culture. The holiday calendar, art production and the education system were chosen as areas for the analysis of commemorative practices.

Keywords: architectonics of culture, axiosphere, values, cultural memory, cultural code, identity, commemorative practices

For citation: Drobysheva, E. E. (2022). Cultural memory as axiological regulator. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 150–157. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_150

ВВЕДЕНИЕ

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АРХИТЕКТОНИКИ

О памяти столько говорят
только потому, что ее больше нет.
Пьер Нора

Умберто Эко принадлежат слова, часто цитируемые в различных текстах: «Вся мировая культура хочет одного – сделать бесконечность постижимой»[1].

Можно проинтерпретировать эту метафору как вечное экзистенциальное томление человека о трансцендентном, о возможности и способности «приручения» метафизических высот. Одним из инструментов *при*-своения мира является память. Данный модус истинно человеческого сознания обеспечивает полноту и целостность культуры как системы.

Память выступает одним из ее регулятивных механизмов, инструментом воспроизводства смыслов. Поскольку ключевыми факторами и маркерами архитектонических социокультурных процессов являются ценности, мы обращаемся к проблеме памяти именно в аксиологическом ракурсе. Приступая к анализу этого многозначного феномена, следует сразу оговорить границы понятия в конкретном научном дискурсе, поскольку существует множество вариантов его трактовки. Память исследуется в социогуманитарных науках и смежных с ними междисциплинарных областях (когнитивистике, психологии, психофизиологии, нейролингвистике, информатике и пр.). Поэтому имеется широкий спектр типологий данного феномена, ведь только в психологии, к примеру, выделяются такие критерии типологизации: сенсорная модальность, содержание, организация запоминания, временные характеристики, физиологические принципы, наличие цели; наличие средств; уровни развития [Маклаков, 2001].

Поскольку мы будем говорить о *культурной памяти*, нас будет интересовать, прежде всего, ее антропологическое измерение. Но в силу того, что человек – биосоциокультурное существо, нельзя контекстуально не иметь в виду широкую трактовку памяти как «способности живых организмов и технических устройств к хранению и многократному воспроизведению информации», и то, что в информатике под памятью понимается «комплекс устройств вычислительной машины, предназначенных для хранения информации» [Величковский, 2004][2].

Различие между памятью человека и памятью машины заключается в наличии целеполагания и смысловых ассоциаций у первого и чисто механическим расположением ячейки хранения информации у второй. Отдельной и очень перспективной темой является разработка технических систем памяти ассоциативного типа (искусственного интеллекта), в данной статье мы пока только обозначаем намерение к ней обратиться.

Под *культурной памятью* мы будем понимать социальную систему формирования, хранения и передачи значимой информации и порождаемые ей структуры взаимодействия с самим контентом и его носителями, включая институции, технологии и специфические языки кодирования / декодирования. И в продолжение разговора о параллельных дискурсах, прибегнем к IT-терминологии: культурную память можно уподобить одному из структурных элементов базового программного обеспечения, «вшитых» в архитектонику культуры и репрезентируемую через ее тексты. Термин «тексты культуры» также понимается нами предельно расширительно – как семантически, семиотически и ценностно нагруженная универсалия культуры, выполняющая коммуникативную функцию. Необходимо отдельно отметить системный и динамический характер функционирования текстов культуры, «находящихся в постоянном изменении, так как они являются отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в другом» [Симбирцева, 2013, с. 27]. Социокультурная динамика имплицитно встроена в архитектонику, и эксплицитно это проявляется как раз через анализ ценностных параметров различных исторических периодов: «вечные мотивы, смысловые инварианты культуры путешествуют во времени и вновь возрождаются в контексте новой эпохи» [Архитектоника современного искусства, 2021, с. 11].

Немецкий египтолог Ян Ассман выделяет три причины «повального увлечения темой память и воспоминания», пришедшегося на конец XX века:

1. появление новых электронных средств внешнего хранения информации;
2. концепция «посткультуры», в рамках которого нечто завершившееся (типа «Старой Европы») можно смотреть лишь в режиме воспоминания и «комментирующей обработки»;
3. постепенный уход поколений очевидцев «тяжелейших в анналах историй преступлений и катастроф XX века» [Ассман, 2004, с. 9].

[1] Правила жизни Умберто Эко. Esquire. URL: https://esquire.ru/rules/2853-umberto-eco/

[2] URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/2701466

Экзистенциальный (наиболее ценностно нагруженный) срез данного процесса расширения темы памяти в культурном поле Ассман видит именно в третьей причине. Но после написания им труда о культурной памяти (1992) пройдена уже столь значительная историческая дистанция (как раз совпадающая со сменой поколений – 30 лет), что следует обновить перечень социокультурных факторов, процессов и событий, мощно поколебавших аксиосферу современности.

Помимо расширения технического функционала, цифровая среда порождает новую этику и эстетику, медиакультура стала значительным явлением социального бытия, пронизывающим все его слои и структурирующим специфические эпифеномены собственной деятельности. К антропологическим катастрофам прошлого века – двум мировым войнам, антигуманным технологиям обеспечения господства тоталитарных режимов и применению оружия массового поражения – добавились глобальные катастрофы века нынешнего: «столкновение цивилизаций» [Хантингтон, 2003] породило международный терроризм, на данный момент встроенный в архитектонический сплав политики, экономики, культуры и социальной жизни всего мира. Реактуализация на рубеже прошлого и нынешнего веков проблемы цивилизационных разломов вкупе с технологическими возможностями используются сегодня деструктивными общественными силами для пересмотра исторической и геополитической повестки, разрушения паттернов культурной памяти, включающих опору на ключевые моменты истории XX века. Все эти и другие рядоположенные процессы влияют на мировоззренческие аспекты жизни общества, в том числе и связанные с культурой памяти, алгоритмами хранения, переработки и передачи информации.

В 1980-х гг. в европейском и мировом гуманитарном опыте появилась и мощно срезонировала с историческим контекстом концепция французского исследователя Пьера Нора «Места памяти». П. Нора – один из основоположников «новой исторической школы» во Франции, развивавшей наследие школы «Анналов» и французского структурализма. Проект «Места памяти» имеет очевидную аксиологическую ориентацию, поскольку направлен на аналитику структур общественной памяти, обеспечивающих поиски и сохранение национальной и культурной идентичности, включающей, в свою очередь «феномены культурной памяти, этноцентризма, национализма, принципы межкультурных коммуникаций в современном мире» [Малыгина, 2018]. Провозгласив «конец *истории-памяти»,* авторы проекта обнаруживают причины этого в трансенции, ускорении истории. Под ускорением они понимают «все убыстряющееся соскальзывание в абсолютно мертвое прошлое, неизбежность восприятия любой данности как исчезнувшей – нарушение равновесия» [Нора, 1999, с. 17]. Констатируются необратимые процессы исчезновения механизмов наследования традиций, обычаев и маркирующих их ценностей, сформировавшихся в свое время «под влиянием глубинного исторического чувства», <…> «окончание чего-то изначального» [там же].

Континуальность социокультурной реальности является модусом ее архитектоники, поэтому «чувство непрерывности» имплицитно сопровождает меморативные процедуры, а «многочисленные места памяти» замещают утраченную «память социальных групп», – отмечает П. Нора [там же, с. 17]. Глобализация и тотальная медиатизация нивелируют значимости, лежащие в основе ценностного отношения. При этом те же процессы задают встречный вектор – глокализации, или, как ее называет П. Нора, «внутренней деколонизации всех малых народов, групп, семей» – обладающих «сильным капиталом памяти и слабым капиталом истории» [там же, с. 18].

Нарастание цивилизационных конфликтов (уже упомянутое «столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону) актуализирует хтоническую силу сакральных основ существования культурных групп: этнических, мифологических, религиозных факторов. Стремительное развитие науки и технологий не только не может остановить процессы ремифологизации и нарастания религиозного фанатизма, а, напротив, становится частью этих процессов. Сегодняшний террорист имеет доступ к новейшим технологиям уничтожения тех, кто не укладывается в каноны его картины мира. Я. Ассман строит свой концепт культурной памяти на «трех китах»: воспоминание, идентичность и культурная преемственность [Ассман, 2004, с. 13]. Все эти – назовем их *платформы* – имеют четкую коннотацию с мифологическим сознанием.

Здесь следует остановиться на нашем понимании культуры. В качестве первопринципа ее устройства мы рассматриваем *архитектоничность.* По аналогии с архитектоникой в архитектуре данная метафора позволяет образно представить себе: как возможно все – случившееся, случающееся и могущее случиться – в культуре, а аксиологический дискурс обеспечивает понимание того, для чего и для кого случаются все события культуры.

Архитектоническое пространство культуры содержит три основные канала формирования и трансляции культурной памяти: *праздничный*

календарь, *систему образования* и *сферу художественной жизни*.

«ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ…» НЕ ВСЕГДА ТВОЙ

Праздничный календарь – наглядная репрезентация базовых, реперных точек культурной памяти. Постсоветские страницы истории нашей страны – наглядное пособие по изучению динамики отношения к тем или иным историческим событиям, датам, деятелям. Праздники отменяются и вводятся государством сообразно логике его политического развития, но процессы интериоризации этих новшеств на личностном уровне для граждан не вполне соответствуют официальному, внешнему ритму организации социокультурного пространства. Здесь налицо ценностный клинч – несовпадение официальных действий в рамках государственной культурной политики и отношения к нововведенному празднику тех, кому предлагается его отмечать. Проследим динамику отношения россиян к празднику – Дню народного единства 4 ноября, «одному из самых молодых государственных праздников России. Праздник был учрежден в 2005 году и с этого момента является выходным, однако не все знают, что произошло в этот день и что именно мы отмечаем»[1]. В ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в 2010 году «примерно половине россиян (48%) не известно название праздника, отмечаемого в стране 4 ноября. <…> Среди россиян также популярен и такой вариант названия этого праздника, как День единения/единства (10% против 3% в 2008 г.). Между тем некоторые респонденты полагают, что в этот день страна празднует День согласия и примирения (3%), День независимости России, День России, День примирения, День конституции (по 2%), День единства России (1%). <…> Для некоторых респондентов этот день является аналогом 7 ноября (2%)»[2].

В 2014 году данные не слишком изменились: «Больше половины граждан России не воспринимают День народного единства как всенародный праздник. В частности, 54 % респондентов сказали, что 4 ноября – всего лишь дополнительный выходной день и не несет какого-либо символического смысла. Только для каждого девятого (11%) это официальный государственный праздник и повод для раздумий об истории страны. <…> По мнению многих респондентов, новый праздник был введен исключительно для того, чтобы заменить привычное 7 ноября»[3].

Самые новые цифры мы нашли за 2020 год (по понятным причинам, так как за годы пандемии 2020–2021 ни празднования, ни соответствующие масштабные исследования не проводились): почти треть россиян (32%) знает, что 4 ноября в Российской Федерации отмечается День народного единства, свидетельствуют данные опроса ВЦИОМ. 24% опрошенных ответили, что 4 ноября отмечают День единства/единения; 4% – День независимости России, 3% – День России, по 2% – День примирения/согласия и День Конституции России. Еще 1% россиян полагают, что в этот день – праздник Казанской иконы Божьей Матери[4]. Данный пример наглядно демонстрирует необходимость тщательной проработки мероприятий в рамках государственной культурной политики в отношении одного из ключевых для формирования исторической / национальной / культурной идентичности праздников. «Параметры» (применим здесь технический термин, удачно отражающий суть феномена) культурной памяти о событиях 4 ноября 1612 года на данный исторический момент не соответствует аксиологической программе современного российского (ключевой фактор – постсоветского) общества и требуют усиления образовательной / просветительской составляющей.

Подобная ситуация и с другими государственными праздниками, имеющими ключевое значение в процессе формирования и удержания структур национальной идентичности, например, с Днем Конституции или Днем государственного флага. Призванные обеспечивать ценностную устойчивость патриотизма, они требуют эффективной идеологической, воспитательной, медийной работы с народом – носителем знания, потребителем информации и участником соответствующих культурных мероприятий.

Ярчайшим примером успешного опыта возникновения новейших меморативных традиций может служить опыт проведения шествий Бессмертного полка – акции памяти, организованной изначально в 2012 году в локальном масштабе в городе Томске, однако, стремительно набравшая обороты в качестве международного общественного гражданско-патриотического движения. Данная ситуация является максимально репрезентативной в качестве доказательства того, что

[1] День народного единства. История праздника. URL: https://news.rambler.ru/world/45162660-den-narodnogo-edinstva-istoriya-prazdnika/

[2] ВЦИОМ: 32% россиян знает, что 4 ноября отмечается День народного единства. URL: https://ria.ru/20191031/1560421951.html

[3] Жители России не считают 4 ноября праздником / Граждане сожалеют об отсутствии национальной идеи, данные соцопроса. URL: http://www.volga-tv.ru/politika/Zhiteli-Rossii-ne-schitayut-4-noyabrya-prazdnikom-Grazhdane-sozhaleyut-ob-otsutstvii-natsionalnoy-idei---dannye-sotsoprosa.html

[4] Соцопрос: половина россиян не знает, что будет праздновать 4 ноября. URL: http://www.newsvl.ru/world/2010/11/03/otdyhaem_horosho/

совпадение «подлинности как ценности» (Дробышева, 2015[1]) с коллективными ожиданиями дают мощный институциональный эффект.

«КНИЖКИ ДОБРЫЕ ЛЮБИТЬ И ВОСПИТАННЫМИ БЫТЬ...»

В прекрасной советской песне на стихи М. Пляцковского «Чему учат в школе» старательно перечислены составляющие школьного образования: от написания «букв разных» до любви к «книжкам добрым» и ценности воспитанности. Гуманитарная составляющая любой системы образования обеспечивает аксиологическую устойчивость социума, отработку отживших ценностных паттернов и формирование новых, масштабирование актуальных культуротворческих векторов. Образовательные процессы встроены в архитектонику культуры того или иного типа и испытывают те же воздействия, что и она. Аксиологические параметры любого рода человеческой деятельности формируются под влиянием внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов. В качестве внешнего объективного фактора, как мы уже отмечали, сегодня выступают глобализационные, мультикультурные тенденции, нарастание технологизации всех социальных процессов, потребительский характер современной цивилизации. Внутренние трансформационные тенденции характеризуются суперсложным характером сочетания процессов различного уровня, интенсивности и результативности – от психологического настроя и физиологических «настроек» современного ученика до изменения отношения к профессии педагога. Вымывание устоявшихся ценностей происходит как на личностном, так и на коллективном уровне: трансформируются институты семьи, школы, общественных объединений.

Система образования (среди прочих задач) призвана формировать структуры национальной и культурной идентичности, и мемориальные / коммеморативные приемы занимают в ее арсенале заметное место. Выдающийся гуманитарий XX века Умберто Эко оставил несколько советов гипотетическому современнику, особенно молодому, в том числе и такой: «Я хотел <...> говорить о болезни, которая поразила твое и предыдущее поколение, которое уже учится в университетах. *Я говорю о потере памяти*. Это правда, что если ты захочешь узнать, кто такой Карл Великий или где находится Куала-Лумпур, то ты сможешь нажать на кнопку и тотчас узнать все из Интернета. Делай это, когда тебе нужно, но, получив справку, старайся запомнить ее содержание»[2]. Понятно, что исторические / географические факты и частности – не самая большая проблема. Синдром Митрофанушки, недоумевавшего, зачем следует учить географию, если «есть извозчик, который всегда довезет?» («Недоросль» Д. И. Фонвизина был написан в 1781 году), трансформировался в многосоставный «синдром Гугл-пользователя». Многочисленные мемы[3], связанные с надеждой на «память Паутины» (o'key, Google!), вошли в современный язык и являются ироничной репрезентацией признания тенденции перекладывания ответственности за качество и полноту информации на поисковые системы.

Сфера образования так же, как и вся социокультурная реальность, сегодня во многом опирается на технологии. Но в случае с культурной памятью технологические аспекты должны уйти на второй план, уступив первенство аспектам метафизическим. В 1994 году известным американским литературоведом Харольдом Блумом был написан «Западный канон» – рекомендованный список литературных произведений, являющихся составной частью культурного кода европейской (в широком смысле) культуры. Этот литературоведческий труд стал национальным бестселлером в Америке и камнем преткновения для специалистов. Общество раскололось на тех, кто поддерживает необходимость регламентация чтения как социально важного процесса и тех, кто не приемлет такого рода ограничительные процедуры. Как отмечает М. Ямпольский, «чтобы разобраться в феномене литературного канона, необходимо взглянуть на это явление как минимум с двух точек зрения – социальной и «внутренней»» [Ямпольский, 1998][4]. Есть уровень государственной культурной политики, общественных ожиданий и геополитических стратегий, и есть уровень формирования Личности гражданина, противопоставлять или разделять их невозможно.

Гуманитарный образовательный блок несет стержневую нагрузку в вопросах формирования аксиосферы. Преподавание литературоведческих и исторических дисциплин (в различных формах и конфигурациях) в системе образования выполняет функцию создания парадигмального мировоззренческого каркаса – коллективного и индивидуального. По выражению Д. Соболева,

[1] См.: Дробышева Е. Э. Аксиология повседневности: подлинность как ценность // Жизнь культуры и культура жизни: история и современность: Колл. монография. Санкт-Петербург: ФБГОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова», 2015. С. 20–26.

[2] Два совета Умберто Эко современникам. URL: https://www.pravmir.ru/dva-soveta-umberto-eko-sovremennikam/

[3] Мем – единица значимой для культуры информации.

[4] URL: https://magazines.gorky.media/inostran/1998/12/literaturnyj-kanon-i-teoriya-silnogo-avtora.html

«литературный текст – носитель чрезвычайно насыщенной памяти о «реальности» в ту или иную эпоху», в сумме он репрезентирует множество предшествующих и параллельных ему текстов, находящихся в сложных диахронных и синхронных взаимодействиях. Речь идет о приемах «цитирования, аллюзий, интертекстуальности, пародии» [Соболев, 2013, с. 61, 64]. Постоянное синтезирование смыслов на базе данных из различных источников – компетенция современного гуманитарного знания. Именно через те или иные Тексты и тексты (в расширительном и узком смысле слова) культуры происходит регуляция ценностных векторов функционирования культуры. «Иваны, не помнящие родства», не способны не только транслировать культурный код последующим поколениям, но и даже воспринять его.

***

Третья сфера культуры, в которой репрезентируется культурная память – это искусство. Ограниченные рамками статьи, мы только наметим здесь потенциал данного дискурса, требующего подробного анализа. Находясь на пороге формирования новой социокультурной реальности (условного метамодерна) и *ранней цифровой эры* (предлагаем как рабочий термин) [Архитектоника современного искусства, 2021, с. 172], мы обязаны отслеживать условия / риски / параметры стремительно меняющейся на наших глазах актуальной аксиосферы, в том числе – через призму художественных практик. Ирония как доминанта аксиосферы культуры постмодерна проявилась и в отношении эффективности меморативных практик. Несмотря на то, что роль государственного регулирования данной сферы социальной жизни становится все более заметной, истончаются именно ее ценностные параметры. По сравнению с традиционным обществом, где посыл и восприятие примерно совпадали, в современности никакой автор мессиджа (архитектор, скульптор, художник или писатель) не может быть уверен в конгруэнтности своих идей с результатами герменевтических процедур со стороны современников.

Трансляция культурной памяти через собственно памятники – элемент любого исторического типа ментальности, от традиционного до модернистского, от классического до постмодернистского. Но между пирамидами или античными статуями и условным Остапом Бендером с начищенным носом – гигантская пропасть, измерить которую можно только в ценностном дискурсе. Не работают устойчивые символические коды типа размера арт-объекта или исторического монумента, материала, из которого он сделан, и топоса, который он занимает, а значит – «означивает». И если величественные небоскребы – символические памятники богатству, деньгам, тщеславию, то в случае с творчеством Зураба Церетели размер не добавляет убедительности, а, напротив, становится иронически снижающим в ценностном отношении фактором.

В обществе потребления с его выраженным сервисологическим трендом развития ценностное значение памяти все в большей степени смещается в сторону реализации определенных служебных функций, при этом сакральная составляющая, напротив, истончается и теряет в интенсивности. Наряду с данными процессами тенденция к тотальной оцифровке реальности также побуждает ставить вопрос о перспективах памяти как аксиологически-значимой культурной универсалии. Терабайты фото, писем, сообщений и иной информации, хранящейся в «памяти» гаджетов, едва ли обладают ценностью для межсубъектной, а тем более, для межпоколенной коммуникации. Как джинны в бутылках, они будут томиться в ожидании археологов будущего и большой вопрос: хватит ли сил и терпения потомкам расшифровать эти наши архивы или они никогда не будут извлечены из плена небытия и нам придется согласиться с выводом Пьера Нора о «конце обществ-памятей»?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая наше исследование о роли памяти в качестве одной из культурных универсалий, отметим, что данный инструмент может быть использован и прогностически. Так, к примеру, еще одним способом трактовки культурной памяти является ее понимание через обращение не к прошлому, а к будущему, взятому как горизонт грядущих событий. Данный дискурс также заслуживает более подробной аналитики, здесь мы обозначаем такое намерение. *Память о будущем* – социальный конструкт, который может иметь самые разные исходные идеи – как религиозные, так и никак не связанные с сакральными феноменами: представления о грядущем пришествии Спасителя, наступлении Золотого века, эпохе коммунизма или уже упомянутого Искусственного интеллекта. У этого вида культурной памяти существуют свои специфические алгоритмы реализации, агенты и технологии. Память о будущем также влияет на архитектонику настоящего, как и реминисценции о прошлом, поэтому их лучше рассматривать в ракурсе потенциального взаимодействия и влияния на актуальную картину мира современного общества.

Мы начали статью с цитаты П. Нора об исчезновении памяти, но, как обычно и происходит с гуманитарными феноменами, констатировать тотальное отсутствие чего-либо просто невозможно. Отсюда, например, концептуальная слабость и несостоятельность всех катастрофических теорий типа «посткультуры» или «антиценностей». По различным культурологическим текстам кочует замечательное афористичное определение, приписываемое различным авторам (чаще всего – американскому антропологу Маргарет Мид) и в силу этого становящееся истинно «народным»: «Культура – это то, что человечество не в состоянии забыть». Поэтому закончим цитатой того же П. Нора: «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [Нора, 1999, с. 20].

Архитектоника современной культуры испытывается на прочность различного рода явлениями и процессами, но в силу имманентного компенсаторного механизма позволяет непротиворечиво сосуществовать множеству смыслов, артефактов и тенденций. Будучи одной из мощнейших универсалий культуры, память структурно и функционально обеспечивает полноту, интенсивность и эффективность всех модусов ее бытия, их синергийность и телеологизм. Аксиологический дискурс не только позволяет увидеть целостную картину актуального состояния культурного пространства, но и прогнозировать его трансформации – от кенозиса до приращения смыслов, форм, их сочетания. Проблема культурной памяти, несомненно, занимает ведущую роль в современной социогуманитаристике и не утрачивает своей актуальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001.
2. Величковский Б. М. Память // Большая Российская энциклопедия. 2004. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/2701466
3. Симбирцева Н. А. Культурологический потенциал категории «текст культуры» // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 27–32.
4. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Архитектоника современного искусства в режиме медиа: пространство, технологии, агенты / сост. и ред. Е. Э. Дробышева. СПб.: Издательство академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, 2021.
6. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие. 2-е изд. М.: Согласие, 2018.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: Издательство АСТ, 2003.
8. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html
9. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. №3. URL: https://magazines.gorky.media/inostran/1998/12/literaturnyj-kanon-i-teoriya-silnogo-avtora.html
10. Соболев Д. М. Литературный текст и проблема исторической памяти // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 4(13). С. 61–66.

REFERENCES

1. Maklakov, A. G. (2001). Obshhaya psixologiya = Basic Psychology. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
2. Velichkovskij, B. M. (2004). Pamyat` = Memory. Bol`shaya Rossijskaya enciklopediya = Big Russian Encyclopedia. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/2701466. (In Russ.)
3. Simbirceva, N. A. (2013). The Cultural Potential of the Category “Culture Text”. Chelovek v mire kul`tury = Human in the World of Culture, 3, 27–32. (In Russ.)
4. Assman, Ya. (2004). Kul`turnaya pamyat`. Pis`mo, pamyat` o proshlom i politicheskaya identichnost` v vy`sokix kul`turax drevnosti = Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury. (In Russ.)
5. Drobyshev, E. E. (Ed.). (2021). Arxitektonika sovremennogo iskusstva v rezhime media: prostranstvo, texnologii, agenty = The Architectonics of Contemporary Art in the Media Mode: Space, Technology, and Agents. St.Petersburg: Izdatel`stvo akademii Russkogo baleta imeni A. Ya. Vaganovoj. (In Russ.)

6. Maly`gina, I. V. (2018). Identichnost` v filosofskoj, social`noj i kul`turnoj antropologii = Identity in Philosophical, Social and Cultural Anthropology: uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Soglasie. (In Russ.)
7. Hantington, S. (2003). Stolknovenie civilizacij = The Clash of Civilizations, transl. from English by T. Velimeeva, Yu. Novikova. Moscow: Izdatel`stvo AST. (In Russ.)
8. Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh. de, Vinok, M. (1999). Problematika mest pamyati. Franciya-pamyat` = The Problematics of Places of Memory. France-Memory. St.Petersburg: Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html (In Russ.)
9. Yampol`skij, M. (1998). The literary canon and the theory of the "strong" author. Inostrannaya literature = Foreign Literature, 3. https://magazines.gorky.media/inostran/1998/12/literaturnyj-kanon-i-teoriya-silnogo-avtora.html. (In Russ.)
10. Sobolev, D. M. (2013). Literaturnyj tekst i problema istoricheskoj pamyati. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul`tury = The Literary Text and the Problem of Historical Memory, 4(13), 61–66. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дробышева Елена Эдуардовна
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры балетмейстерского образования
Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Drobysheva Elena Eduardovna
Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor of Vaganova Ballet Academy

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

Научная статья
УДК 008, 719
DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_158

Актуальные проблемы изучения истории русской культуры

Е. Ю. Перова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eperova71@list.ru

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена и тем, что наступивший год в России, согласно указу президента страны, посвящен культурному наследию народов России. Изучение русской культуры в данном контексте приобретает важные акценты, в том числе восприятие русского культурно-исторического типа в поликультурной молодежной среде. На первый план, наряду с выделением узловых событий и их причинно-следственных связей, выходит необходимость обращения внимания на традиционные ценности посредством расширения кругозора, в т. ч. благодаря междисциплинарным методам анализа культуры.

Ключевые слова: русская история и культура, традиция, идентичность, краеведение, культурное наследие

Для цитирования: Перова Е. Ю. Актуальные проблемы изучения истории русской культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 7(862). С. 158–163. DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_158

Original article

Relevant Problems of Studying the History of Russian Culture

Ekaterina Yu. Perova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eperova71@list.ru

Abstract. The important question of preserving cultural heritage is first and foremost connected with its public perception and the intentional use of that heritage by a person for the purposes of self-identification. Among the goals of the aforementioned course, one of the main objectives is the importance of educating our youth in accordance with traditional and patriotic values by providing moral guidance and expanding their outlook on Russian culture in all its different manifestations. While students analyze contemporary Russian culture, its perception of the world they gain the opportunity to understand what it means to identify it in the modern world.

Keywords: Russian history and culture, tradition, Russian national identity, local studies, cultural heritage

For citation: Perova E. Yu. (2022). Relevant problems of studying the history of Russian culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(862), 158–163. 10.52070/2542-2197_2022_7_862_158

ВВЕДЕНИЕ

Восприятие человеком XXI века окружающего мира стало связано с категорией скорости, настолько стремительно происходят изменения, затрагивающие почти все сферы его жизнедеятельности. В подобной исторической ситуации необходимо присутствие в картине мира человека базовых оснований культуры и понимание ее традиционных ценностей.

Диалектика традиций инноваций затрагивает не в последнюю очередь сферу образования, а в ней наиболее важна для настоящего исторического момента история русской культуры. В последнее время широко обсуждается «новая система образования», ее потенциальные основания, привлекающие воспитательные методики [Лихачева, 2021; Логунова, 2017 и др.]. Однако при этом в большинстве статей не конкретизируются подходы и методы. Между тем принципы отечественного образования и воспитания во многом остаются прежними и обусловлены целостностью и цельностью культурной традиции народа; обращение к трудам авторов прошлого междисциплинарной направленности остается актуальным и в настоящее время. Также с названным традиционным подходом связан феномен идентичности.

Важно отметить, что изучение традиции образования и проблемы преподавания русской культуры рассматриваются в культурологическом ключе. Целью исследования становится выявление специфики восприятия русской культуры в контексте отечественной традиции образования в целом и необходимости выявления и определения идентичности в современной молодежной среде.

ЛИЧНОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Традиция отечественного образования исторически связана с религиозным компонентом культуры. Монастыри и церковные школы можно считать прототипами университетов. И впоследствии, в XX веке, как в дореволюционный, так и в советский период, она сохранялась и так или иначе проявлялась в исследованиях данной направленности.

Слово «культура» происходит от «культа», на это обращали внимание философы в начале XX века. В современном значении это слово было употреблено более двух тысячелетий назад известным философом и оратором Цицероном как «возделывание души». Этимология слова «образование» связано с понятием образа: подобия, устремленности к Первообразу, или согласно терминологическому аппарату К. Юнга «архетипу». Важно заметить, что, согласно религиозным представлениям, устремленность к подобию Творца характеризует всех участников образовательного процесса.

Такое миропонимание связано, прежде всего, с ценностным началом культуры и нравственными координатами. Аксиологический подход с самого начала оказался в основании образовательного процесса и по-разному проявлялся в отечественной истории. В древнерусский период само представление об образовании, как и в большинстве древних культур, было связано с возможностью чтения, знания и понимания сакральных текстов. В дальнейшем при постепенной секуляризации картины мира образовательная сфера начинает затрагивать все более широкие возможности человека не столько в духовном направлении, сколько в самоопределении себя как самодостаточного индивидуума. Менялся мировоззренческий контекст: от теоцентризма – к антропоцентризму и эгоцентризму (объектом внимания становится «я», но часто не в качестве совершенствующейся, созидающей и цельной личности, а с акцентом выделения себя из социокультурного пространства, и впоследствии отчуждения и вхождения в виртуальное измерение).

При этом в отличие от европейской картины мира, в отечественном сознании дольше и устойчивее сохранялось духовное мировоззрение, когда акцент в образовательном процессе сделан не на приобретение энциклопедических знаний, а на формирование личностного начала. Независимо от того, шла речь о духовных или светских заведениях. Так, например, П. А. Флоренский разрабатывал «Тезисы о классическом образовании», выделял агиографию как необходимый элемент в этой сфере. «Образ», идеал, пример мог быть заимствован из знания не только духовной, но и общественной жизни подвижников, опыта, который не устаревал, несмотря на отдаленность во времени. В истории русской философии с самого начала процесс познания связан с религиозными представлениями, И. В. Киреевский заключил эту идею в формулу «верующий разум».

Этой традиции придерживались многие известные отечественные педагоги. Воспитательное начало формировало образовательные методики не только среди начальных возрастных групп, но и в университетах. С этим связано и особое внимание вообще к философии (позже, с конца XX века, и культурологии).

Ко второй половине XX века идеи К. Д. Ушинского («Человек как предмет воспитания. Опыт

педагогической антропологии»), С. А. Рачинского, В. В. Розанова и других дореволюционных практиков-педагогов развиваются в работах по философии образования. Личностное начало в преподавании выделяется у ряда авторов: В. В. Зеньковский «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии», А. Г. Асмолов «Психология личности», Г. Л. Ильин «Философия образования», С. Н. Дурылин «Воспитание как источник душевного здоровья и душевных болезней», «Педагогика творческой личности» и др.

Один из главных принципов, сформулированных философами и педагогами XIX и XX столетий, который необходим как в процессе образования, так и в межличностной коммуникации, выносится и сегодня на первый план: «Ядром ценностных ориентаций педагога является его духовно-нравственная позиция как единство сознания и деятельности, стержнем которой служит любовь...» [Ракова, 2020, с. 95–96].

В мировоззренческом контексте изучения образовательного процесса последних лет рассматривается и такой ряд актуальных культурфилософских идей: обучающийся «не только образовывается, т. е. получает образование, но и сам образует мир – создает свое понимание, свое видение мира и свое место, свой путь в этом мире», а «образовательные процессы выходят и за стены учебных заведений» [Ильин, 2002, с. 100–101, 109].

В связи с этим в контекст изучения названной проблемы необходимо включать сферы вовлеченности обучающейся молодежи в реалии современного мира и окружения (СМИ, сетевые ресурсы и т. д.).

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализируя процессы, происходящие в среде современной молодежи, обучающийся в вузах, исследователи отмечают следующую проблему: обучающийся «благодаря наличию нескольких сетевых аккаунтов экспериментирует с презентацией своей идентичности», при этом просматривается тенденция «к самостоятельному конструированию ... собственной идентичности путем личной самопрезентации в медиапространстве» [Логунова,2017, с. 45]. Причем эти механизмы действуют в контексте процессов глобализации, когда «демонстративно выбирают в качестве маркеров виртуальной самоидентификации паттерны глобалистской массовой культуры, маркеры англоязычной, японской, китайской культур, пренебрегая российским культурным компонентом» [там же]. Буквально в текущие дни мы являемся свидетелями проекции в законодательстве тех теоретических положений, которые были высказаны несколькими годами ранее: «...уменьшение значимости национальной идентичности по сравнению с идентичностями транснациональными имеет принципиальное значение для определения национальных интересов...» [Гуревич, 2010, с. 87]. Сегодня на этапе общественного обсуждения находится проект указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», разработанный Министерством культуры. Представители различных областей, политики и ученые, философы, культурологи и педагоги отмечают, что на фоне усиления информационного давления необходимо усиливать патриотическую направленность и в целом гуманитарную составляющую образовательного процесса [Колотуша, 2019, с. 50].

Сегодня рассматриваются междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы на фоне «нового глобального тренда»: «научно обоснованного моделирования общественной инфраструктуры» [Сабанина, 2018, с. 80]. При изучении реформ системы образования в России в социокультурном и мировоззренческом контекстах констатируются следующие негативные стороны: попытка ликвидации «научно-педагогической интеллигенции как государствообразующего слоя», дефундаментализация и дегуманитаризация образования и другие серьезные проблемы, с которыми столкнулось общество в конце XX–XXI столетия [Иванов, 2021].

Анализируя картину мира современной молодежи, обучающейся в вузах, авторы рассматривают в качестве современной проблематики и представления о «мнимости миров», педоцентричности, нравственно-педагогическом взаимоединстве [Зелененко, 2008, с. 10–24]; «коэффициенте придуманности мира», «жизни в двух мирах» [Мирлин, 2008, с. 161] и другие новые для современной эпохи, и в том числе для сферы образования, понятия. Эти новые тенденции в основном описывают проблему отчуждения данного поколения как субъекта общественной жизни.

Исследователи выделяют критерии, дифференцируя их по уровням, которые выявляют показатели гражданской идентичности в молодежной среде. Так, совокупность когнитивного (знания, формирующие определенное поведение, в том числе в контексте культурных традиций), эмоционального (отождествление себя с национальными героями и осознание принадлежности к традиции), ценностно-ориентированного (признание и соблюдение традиционных норм поведения)

и деятельностного (модели и активность поведения) критериев может выявить определенные поведенческие тенденции в жизни современной молодежи, которые не всегда опираются на знание и приятие исторически традиционных культурных норм.

В нынешней поликультурной и многоконфессиональной студенческой аудитории эффективно обращение к историческому блоку тем, например: общие черты и характерные особенности жизни и культуры повседневности народов, входящих в состав России; пути формирования этнокультурной картины мира в многонациональном сообществе / государстве; динамика культурного взаимодействия на примере конкретных окружающих памятников и т. д.

Особенности быта в различные культурно-исторические эпохи, в том числе XXI века, можно раскрыть в ходе посещения мемориального музея, что даст возможность погружения в эпоху. Комплексное восприятие окружающего памятник (музей) пространства связано с визуальным восприятием застройки (особенностей ее архитектурного решения, элементов фасадной декоративной пластики и т. д.) ландшафта и / или возможной реконструкции местности, если объект находится в современной застройке мегаполиса. Таким образом с привлечением различных методов решается одновременно несколько задач в рамках культурологического освоения темы / проблемы. В том числе актуализируется личностный и коммуникативный потенциал обучающейся молодежи в сравнительно непривычной (внеаудиторной) ситуации присутствия в собственно историко-культурном пространстве. При этом акцент может быть сделан и на понимание необходимости охраны культурного наследия, и что важно, – в его аутентичных формах. И именно мемориальные музеи и памятники, законсервированные в свое время, становятся лучшими иллюстрациями этому.

Также важно отметить, что доминирующее визуальное восприятие современной молодежи можно удовлетворить не только использованием технических возможностей в образовательном процессе, но и расширением историко-культурного кругозора за счет внеаудиторной работы и методов краеведческого исследования. Которые применимы как в небольших населенных пунктах, так и в крупных городах с выбором локального тематического маршрута и памятников, которые, как правило, находятся в повседневном поле зрения, но малоисследованы обучающимися.

Историческое краеведение в рамках изучения русской культуры выводит обучающихся в пространство эмпирического уровня знания, это дает возможность посредством визуального восприятия конкретного текста культуры и попытки его самостоятельного описания развивать творческие возможности. Это направление имеет особую актуальность в наше время, так как сегодня очевидны негативные последствия введения ЕГЭ, во многом ограничивающие названные возможности.

Еще один важный аспект изучения русской культуры связан с аксиологическим ядром культуры, который дает возможность «понимания культуры сквозь призму идеалов,.. дает ключ к анализу историческому» [Василевская, 2021, с. 52]. В этом случае важно раскрыть феномен святости, столь распространенный в различных социокультурных слоях населения в течение всей русской истории. К исследованию этого явления мыслители обращались в особо трудные исторические периоды. Так, например, представитель первой волны русской эмиграции Г. П. Федотов после трагических революционных событий, пытаясь осмыслить причины произошедшего, «судьбу и грехи России», обратился к изучению феномена русской святости, в результате чего появилась книга о святых Древней Руси. С этим феноменом автор связывал задачи национального возрождения. Во вступительном слове к первому изданию книги в России академик Д. С. Лихачев писал, что без изучения этого пласта истории «...мы ничего не поймем в культуре и лишим себя величайших ценностей, которые вдохновляли наших предков» [Лихачев, 1990, с. 5].

Несмотря на привлечение новых подходов к изучению русской культуры, в наше время не утрачивают актуальности и труды И. А. Ильина; названную проблематику мыслитель затрагивал во многих работах: «Книга размышлений и упований», «Путь к очевидности», «Аксиомы религиозного опыта» и др. Его замечание об утрате настоящего уровня образования как одного из самых тяжелых последствий революционных перемен в XX веке применимо и к современности. Как и прежде, образование открывает человеку путь к самостоятельному, «ответственному, одинокому мышлению», «совестному познанию» и «целостному созерцанию» (И. А. Ильин).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье было обращено внимание на преемственность традиции образования в контексте картины мира, заложенной на ранних этапах формирования русского культурно-исторического типа и выявлявшей, прежде всего, ценностно-личностный и созидательный компонент.

Разработанные философами и педагогами в течение двух столетий подходы к изучению русской культуры востребованы и в настоящее время. Ценностно-смысловой компонент связан в первую очередь с личностным началом и может быть изучен на агиографическом материале и героическом эпосе, которые имели большое значение не только на ранних этапах развития русской культуры, но сохраняются в том или ином виде до настоящего времени. Анализ трансформации аксиологического ядра культуры во многом объясняет причинно-следственные закономерности исторического развития.

В современной поликультурной молодежной среде точками притяжения как в межличностной коммуникации, так и по отношению к русской культуре могут быть востребованы краеведческая работа (малая родина в контексте русской культуры в целом и/или места настоящего проживания) и экскурсионная деятельность (в том числе осуществляющаяся обучающимися). Внутри соответствующих мероприятий важным становится обращение к понятию культурного наследия и подходов к его сохранению. Это те области узнавания, которые плодотворны для совместного изучения в поликультурной и многоконфессиональной современной аудитории. Кроме того, сравнительный метод культурологического исследования помогает идентифицировать собственную культурную принадлежность, что необходимо в современной дезориентированной реальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лихачева О. Н. Особенности воспитательной деятельности в процессе формирования гражданской идентичности у студентов в образовательном процессе вузов // Современное образование и воспитание подрастающего поколения: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 73–75. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46105856_12477090.pdf (дата обращения: 20.01.2022).
2. Логунова Е. В. Особенности использования медийной образовательной среды в процессе формирования российской национальной идентичности у городских подростков // Вопросы педагогики. 2017. № 12. С. 45–48.
3. Ракова Е. К. Личностный компонент как важная составляющая структуры профессиональной компетентности современного педагога // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 9 (77). С. 93–97.
4. Ильин Г. Л. Философия образования (идея непрерывности). М.: Вузовская книга, 2002.
5. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 63–87.
6. Колотуша В. В. Формирование цивилизационной идентичности российской молодежи в образовательном процессе // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 1 (1). С. 49–50.
7. Сабанина Н. Р. Философия образования: «альтруистический» сценарий глобального развития // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 79–89.
8. Иванов А. В. Мировоззренческий аспект реформирования образования URL: https://www.altspu.ru/Journal/pedagog/pedagog_10/maro.htm (дата обращения: 10. 12.2021).
9. Зелененко А., протоиерей. Основополагающие принципы православной педагогики // Православная гимназия. Научно-популярный публицистический альманах. Свято-Алексиевская Пустынь. 2008. Вып. 2. С. 10–24.
10. Мирлин Е. Г. Мир настоящий и мир придуманный // Православная гимназия. Научно-популярный публицистический альманах. Свято-Алексиевская Пустынь. 2008. Вып. 2. С. 156–164.
11. Василевская Т. А. К вопросу преподавания истории культуры // V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие — от прошлого к будущему» : программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 Санкт-Петербург ; Москва: Институт Наследия, 2021. С. 52–53.
12. Лихачев Д. С. Предисловие // Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.

REFERENCES

1. Likhacheva, O. N. (2021). Osobennosti vospitatel`noj deyatel`nosti v proczesse formirovaniya grazhdanskoj identichnosti u studentov v obrazovatel`nom proczesse vuzov = Features of educational activity in the process of formation of civic identity among students in the educational process of universities. Sovremennoe obrazovanie i vospitanie podrastayushchego pokoleniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii (pp. 73–75). Penza. https://elibrary.ru/download/elibrary_46105856_12477090.pdf (In Russ.).

2. Logunova, E. V. (2017). Osobennosti ispol`zovaniya medijnoj obrazovatel`noj sredy` v proczesse formirovaniya rossijskoj naczional`noj identichnosti u gorodskikh podrostkov = Features of the use of the media educational environment in the process of formation of Russian national identity among urban teenagers. Voprosy pedagogiki, 12, 45–48. (In Russ.)
3. Rakova, E. K. (2020). Lichnostny`j komponent kak vazhnaya sostavlyayushhaya struktury` professional`noj kompetentnosti sovremennogo pedagoga = The personal component as an important component of the structure of professional competence of a modern teacher. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika, 9(77), 93–97. (In Russ.)
4. Il`in, G. L. (2002). Filosofiya obrazovaniya (ideya neprery`vnosti) = Philosophy of education (idea of continuity). Moscow: Vuzovskaya kniga (In Russ.)
5. Gurevich, P. S. (2010). Problema identichnosti cheloveka v filosofskoj antropologii = The problem of human identity in philosophical anthropology. Voprosy social'noj teorii, IV, 63–87. (In Russ.)
6. Kolotusha, V. V. (2019). Formirovanie czivilizaczionnoj identichnosti rossijskoj molodezhi v obrazovatel`nom proczesse = Formation of civilizational identity of Russian youth in the educational process. Social'no-gumanitarnoe obozrenie, 1(1), 49–50. (In Russ.)
7. Sabanina, N. R. (2018). Filosofiya obrazovaniya: «al`truisticheskij» sczenarij global`nogo razvitiya = Philosophy of education: "altruistic" scenario of global development. Social'no-gumanitarnye znaniya, 1, 79–89. (In Russ.)
8. Ivanov, A. V. (2021). Mirovozzrencheskij aspekt reformirovaniya obrazovaniya = The ideological aspect of education reform. https://www.altspu.ru/Journal/pedagog/pedagog_10/maro.htm (In Russ.)
9. Zelenenko, A. (2008). Osnovopolagayushhie princzipy` pravoslavnoj pedagogiki = Fundamental principles of Orthodox pedagogy. Pravoslavnaya gimnaziya. Nauchno-populyarnyj publicisticheskij al'manah. Svyato-Aleksievskaya Pustyn', 2, 10–24. (In Russ.)
10. Mirlin, E. G. (2008). Mir nastoyashhij i mir pridumanny`j = The real world and the fictional world. Pravoslavnaya gimnaziya. Nauchno-populyarnyj publicisticheskij al'manah. Svyato-Aleksievskaya Pustyn', 2, 156–164. (In Russ.)
11. Vasilevskaya, T. A. (2021). K voprosu prepodavaniya istorii kul`tury` = On the issue of teaching the history of culture. V Rossijskij kul'turologicheskij kongress «Kul'turnoe nasledie – ot proshlogo k budushchemu» (pp. 52–53). St. Petersburg; Moscow: Institut Naslediya. (In Russ.)
12. Likhachev, D. S. (1990). Predislovie = Foreword. Fedotov G. Saints of Ancient Russia. Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перова Екатерина Юрьевна

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perova Ekaterina Yurievna

PhD (Culturology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.05.2022
одобрена после рецензирования 28.05.2022
принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 05.05.2022
approved after reviewing 28.05.2022
accepted for publication 01.06.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 7 (862)

Ответственные редакторы выпуска
Казанцева Ю. М.,
кандидат филологических наук, профессор
Калашникова Е. А.,
кандидат филологических наук, доцент

Редактор С. В. Крусман
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 28.11.2022
Усл. печ. л. 20,5. Формат 60x90/8
Заказ № 89/22

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 7 (862)

Executive editor
Kazantseva Yu. M.,
PhD (Philology), Professor
Kalashnikova E. A.,
PhD (Philology), Associate Professor

Editor S. V. Krusman
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 28.11.2022
Conventional printed sheets: 20,25. Layout format 60x90/8
Order 89/22

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2022

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».